Вячеслав Градобоев

Поиск: 1941-1945 гг.

Страницы истории. Поисковый отряд «Донской» им. Анатолия Калинина.

Издание второе, дополненное

Ростов-на-Дону Альтаир 2019 Градобоев В.А.

Г 75 Поиск: 1941-1945 гг. Страницы истории. Поисковый отряд «Донской» им. Анатолия Калинина. –

Издание второе, дополненное.

Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2019. – 252 с., ил.

Поисковикам не безразлична судьба без вести пропавших бойцов и командиров РККА в годы Великой Отечественной войны. Ежегодно тысячи поисковиков оставляют свою работу, семейные дела и выезжают в леса, на поля, в балки и овраги, обследуют моря, озёра и реки в поисках останков погибших — пропавших, не вернувшихся домой героев, отстоявших Мир от фашизма.

В этой книге рассказывается о находках поискового отряда «Донской» им. Анатолия Калинина, о работе поисковиков и некоторых новых страницах истории донского края.

ББК 63.3(2)722.12

ISBN 978-5-91951-444-2

© Градобоев В.А., 2019 © «Альтаир», 2019

Что привело меня в поиск?

(вместо предисловия)

На этот вопрос отвечают поисковики отряда «Донской» им. Анатолия Калинина:

Василий Вегерин, преподаватель Константиновского педколледжа:

«Наша история является необъемлемой частью нашей памяти. Желание сохранить и передать потомкам информацию о наших героях, увековечить о них память...»

Максим Резников, рабочий-строитель:

«Мне стало обидно за скудность данных о наших погибших земляках. Свой поиск я начал с восстановления «Книги Памяти» Усть-Донецкого района...»

Александр Комиссаров, участковый лесничий:

«Отдать дань уважения памяти павших, «вернуть всех домой», прикоснуться к нашей трагической истории Великой Отечественной войны, не дать переписать её...»

Сергей Толочко, директор Апаринской общеобразовательной средней школы:

«Поиск – это состояние души. Люди до сих пор ждут и надеются. Поисковики возвращают имена павших, дают надежду...»

Максим Дуля, директор ООО «Золотовское»:

«В детстве часто рассматривал награды своего прадеда, они и сегодня хранятся в нашей семье. Решил восстановить боевой путь своего прадеда, потом увлёкся поиском ветеранов-земляков. В 2012 году вступил в поисковый отряд «Донской». Считаю, что

дело каждого россиянина – чтить память о павших за наше светлое будущее...»

Андрей Зимовейсков, рабочий дорожного участка:

«Интерес к поисковой работе, истории Великой Отечественной войны. Цель поиска — найти пропавших без вести, имена погибших...»

Сергей Комаров, пенсионер:

«Память о погибших отцах и дедах. Показать пример молодёжи, что надо делать и как надо чтить, помнить о подвигах наших героев. Не забывать погибших защитников, отстоявших мир не только в нашей стране, но и во всём мире...»

Ярослав Акименко, учащийся Константиновской общеобразовательной школы \mathcal{N} 1:

«Хотелось прикоснуться к тем временам, узнать больше о подвигах советских солдат, сделать что-то полезное. Сегодня мало кто из моих сверстников живёт в реальной жизни, они просто не думают об этом, у них новые ценности: компьютеры, смартфоны и другие веяния Запада...»

Ах, война, что ж ты сделала, подлая! Стали тихими наши дворы... Наши мальчики головы подняли —

Повзрослели они до поры.

_ _ _

Б. Окуджава

2017 год — 75-летие оккупации Ростовской области и битвы на Среднем Дону. 19 ноября 2017 года — 75 лет начала контрнаступления под Сталинградом. 2 февраля 2018 года — 75-летие окончания Сталинградской битвы. 10 февраля 2018 года — 75-летие освобождения Константиновского района. 14 февраля 2018 года — 75-летие освобождения г. Ростова-на-Дону.

* * *

В ряде источников сообщается, что потери СССР, некогда громадной страны, за годы Великой Отечественной войны составили около 27 млн. граждан, из них около 8,5 млн. — бойцы и командиры Красной Армии.

По воспоминаниям фронтовика Даниила Гарина, цифры потерь советского народа в период Великой Отечественной войны с каждым десятилетием растут: «Меня потрясла эта цифра. История этой цифры — тоже характерная. Мы ее боимся. Боялись, во всяком случае. Мы все время уступали правде: 7 млн., 15 млн., 22 млн., 27 млн... Эта война отличается тем, что она сопровождалась сознательной ложью. Ложь считалась — как теперь выяснилось — необходимостью от разочарования, огорчения. Почему? Мы чувствовали, что потери войны — гораздо больше».

Только к декабрю 1941 года СССР потерял 7% территории страны, на которой до войны проживало 74, 5 млн. чел.

За всё время войны 34,5 млн. человек надевали военную форму, что составляло 70% от всей численности мужского населения страны в возрасте от 15 до 49 лет, при этом численность женщин равнялась примерно 500 тыс. чел.

По данным американского исследователя А. Даллина, изучавшего немецкие архивы, в плен попало 5,7 млн. красноармейцев и командиров РККА, из них 3,8 млн. погибли в плену. По отечественным данным, 4,6 млн. попало в плен, из которых 2,9 млн. погибло. В отличие от немецких источников, сюда не вошли гражданские лица, умершие от ран, оставленные на поле боя и расстрелянные.

Кроме этого, с захваченных территорий СССР было угнано на принудительные работы в Рейх 4,259~(5,45) млн. чел., из которых погибло 850-1000 тыс. чел.

Сегодня известно много имён погибших, пропавших без вести, но это не все погибшие и пропавшие, о которых мы знаем.

В январе 2009 года в Санкт-Петербурге, на заседании российского оргкомитета «Победа», президентом РФ были озвучены данные по числу пропавших без вести. Тех, кого не удалось обнаружить ни среди убитых, ни среди бывших военнопленных, оказалось 2,4 млн. человек.

Не буду писать о количестве всех павших на территории Ростовской области, упомяну лишь о павших на Константиновской земле — это более 5000 погибших и около 3000 пропавших без вести. Из числа погибших и пропавших более 20% молодых парней и девушек, которым едва исполнилось или ещё не исполнилось 20 лет.

После освобождения ст. Николаевской 6 января 1943 г., уже с 7 января возобновил работу райисполком, одной из первых задач которого было: помощь бойцам-освободителям, сбор и захоронение павших воинов Красной Армии.

На территории бывшего Николаевского района с 7.01 по 20.04 были собраны тела 2285 убитых бойцов и командиров Красной Армии и 25 человек гражданского населения. Только 207 воинов имели при себе документы. (Акт Николаевского исполкома).

На территории Константиновского района местными жителями в период с 07.01 по 13.01 захоронено 198 бойцов и командиров Красной Армии, у которых были обнаружены документы и

сданы в военкомат. (Акт Константиновского РВК, архив МО РФ, ЦАМО, ф. 58, оп. 18001, д. 557).

Uni 6 moul imo ga repuis e 7/1-43 : no 20/11-43 : no 3a des parie me mpynot, Touros, komandupos " Rouimpasou inkol Apaeren Apaeren Rolivano 6 Dosse c Heweykum Ohynaniamu nfu Ocho To ofe gener Mehemo four Hickory Paiona Per obeken etuar Many.

Sa yka sannor boens na nonsat

Ces lo ano mhy not. Sanyob v Komandupot

Upoensú apano 2265 mucha, 2 po ofed anokon Hareveni 35 rens lek.

3a ses po heme npeuz legem no leun
no alivem et kazanna Une mpynynei.

13 y kazanna ruma zasoponenna
Toùyob komantupob Usnapyopeno
gonymenmol 207 mg. Ormans nuce ne Orazanses, mak kak gorymenne Sem Uzene npozedulanem nepegolom Boenekous Zaefaum. У гробеданского Населения так-ды докушентов не ибнарубрано. Из чисто обнарущимой документо с, помер из ниш бими обнарущий при применя

(ЦАМО, ф. 58, on. 18001, д. 614)

А те, у кого не было обнаружено документов?

А сколько тех, кто погиб в июле 1942-го, защищая степи и берега Дона? Сколько их, захороненных гражданским населением, украдкой, ночью, уже на оккупированной территории? Скольких и где захоронили умирающих из прифронтовых госпиталей?

На основании распоряжения Санитарного Управления ржного фронта в 302592 от 13 мая с.г. и просьби ван в о передислокации части овакогоспиталей г.г. Ростова и Новочеркасска, исполком Ростоблсовета решил:

1. Обязать председателей исполкомов райковетов немедленно по приезде представителей об П 34 и госпиталя предоставить помещения под эвакотоопитали:

1/ ст. Константиновская — для госпиталя № 1595 на
1400 коек и госпиталя № 2004 на 1000 коек помещения Константиновской средней школи, подучилища, Зоотехникума, школи механизаторских кадров, дома колхозника, больници и др. помещения, подходящие для этой цели.

Из решения Ростовского облисполкома. Май 1942 г. (ГАРО Ф. Р-3737, on. 5, д. 53, л. 85-87)

С 31.03 по 20.05.1942 года госпиталь ЭГ № 2094 находился в г. Ростове-на-Дону. С 20.05 по 28.07.1942 года — в п. Константиновском. (18)

Госпиталь был до 17 июля, момента уничтожения вражеской авиацией его основных корпусов, а с 19.07 началась оккупация поселка.

«В ЭГ-2094, который дислоцировался в ст. Константиновской, по заявлению члена партии т. Пузырёвой Анны Ивановны, 16 июля сгорел от бомбежки первый корпус, а 17 июля сгорел второй корпус госпиталя, также от бомбежек. Все раненые были своевременно эвакуированы. Личный состав госпиталя установить не удалось, за исключением 10 человек под командованием политрука Горелова, который находился при госпитале в ст. Пролетарской. Нач. политотдела батальонный комиссар». (ЦАМО, ф. 224, оп. 783, д. 10, л. 437.)

А вот оставшихся раненых собрал Линников Дмитрий Семёнович со своим скромным персоналом из числа местных жи-

телей, ввиду того, что персонал госпиталя № 1595 в первый же день бомбёжки посёлка 16 июля самостоятельно эвакуировался, оставив раненых на попечение константиновцев и жителей близлежащих донских хуторов (из воспоминаний медсестры Бодунковой Н.В.).

«Через несколько дней немцы оккупировали Константиновскую. Д.С. Линников вместе с завхозом Тимофеем Ивановичем Ильиным и фельдшером Алексеем Васильевичем Давыдовым начали собирать раненных красноармейцев. Их собралось около 40 человек». Фирстакова К.И.

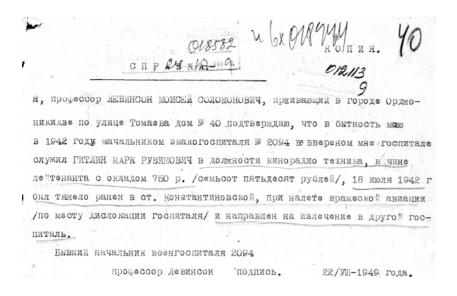
«ЭГ-1595 расположен в станице Константиновской. При личной беседе с военврачом 3-го ранга т. Тютюников Георгий Григорьевич заявлял, что с 16 на 17 июля ночью весь личный состав выехал, в госпитале осталось около 30 человек тяжелораненых». Из политдонесения ФЭП 34 № 20/1 от 23.07.42 г.

Собрав всех раненых, Линников организовал подпольный госпиталь уже на «базе» госпиталя № 1595, в здании средней школы № 25, где и работали санитарки из числа местной молодёжи. Очевидно, по этой причине в архивах стоит дата работы госпиталя № 2094 — до 28 июля, на момент отхода с оборонительных рубежей (левого берега Дона — aвm.) частей 156-й СД.

Раненые переодевались местными жителями в гражданскую одежду и ночью переправлялись через Дон в расположение 156-й СД. А сведения о работе госпиталя, его хирурга и медперсонала, кого помнили раненые, доходили в штабы дивизий, которые и составляли будущие военные архивы.

Этот госпиталь располагался в здании, в котором сегодня находится средняя школа № 1, и был разрушен бомбежкой 17.07. Из этого же госпиталя уходили за Дон младший лейтенант Хохлачёв Михаил Стефанович со своим раненым товарищем, летчикоммайором, а 19 июля они погибли у элеватора. Это тот госпиталь, в котором работал Д.С. Линников. Хирургическое отделение, где Линников проводил операции, располагалось в здании сегодняш-

ней поликлиники и было уничтожено вражеской авиацией 16.07. Как вспоминали очевидцы и работники госпиталя, раненых перед бомбежкой из здания успели эвакуировать за Дон.

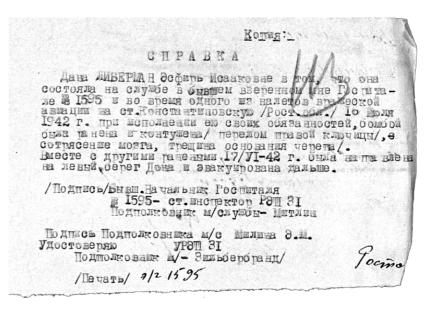
Госпиталь ЭГ 1595 на 01.07.1942 г. находился в г. Ростове-на-Дону (ГАРО, списки госпиталей под \mathbb{N}_2 262), в том же июле 1942-го перебазировался в п. Константиновский.

С 01.07.1942 по 19.07.1942 располагался в здании Константиновской средней школы № 25. (18)

Вот и выяснилась история двух госпиталей, расположенных в п. Константиновском в горячем июле 1942 года.

По воспоминаниям старожилов, немало было и тех, чьи тела просто складывали в воронки, окопы, рвы, силосные ямы, старые колодцы. Хоронили во дворах, в огородах и садах, за хозяйственными постройками. После освобождения района хоронили на колхозных полях, в садах и виноградниках, присыпав землёй. И прочитав, шевеля губами, молитву, продолжали полевые работы...

Сколько же их, неизвестных?

Опечатка: эвакуирована за Дон 17.07 – авт.

В 2016 году поисковикам ПО «Донской» им. Анатолия Калинина дважды удалось найти останки 32 воинов РККА в районе бывшего хутора Вербовского. Одно из зимних захоронений января 1943 года было в старом заброшенном колодце, в лощине балки, на глубине более 5 м. (Найдено в июле 2016 г.) Сложность трехлетнего поиска неучтенного захоронения осложнялась тем, что колодец был погребён под метровым слоем степной земли, нанесённой вешними водами. Из колодца подняты останки 14 бойцов 33-й гвардейской стрелковой дивизии.

Помощь в предоставлении землеройной техники и обеспечении её дизтопливом оказали глава Николаевского сельского поселения Варламов А.С., директор Николаевского МУП «Исток» Байдалин А.Н., начальник Николаевского гидроузла Недельский В.В. и фермер Вифлянцев Н.В. Активное участие в поиске захоронения приняли механизатор Дьячкин В.В. и начальник ПЧ-207 Редичкин А.Г.

Глубина до найденных останков воинов 33-й ГСД — более 5 метров

Что же нашли поисковики?

Немного из того, что могло подтвердить воспоминания старожилов о захоронении погибших гвардейцев. Гвардейские знаки, эмблемы летчика, пуговицы от морских бушлатов и шинелей.

По воспоминаниям старожилов, немцы оставили хутор под Рождество, 4-5 января, и ушли севернее, установив дозорные вышки на противоположной стороне Вербовой балки. Когда гвардейцы зашли в хутор, немецкие мотоциклисты и бронемашины окружили более 200 советских бойцов и командиров и устроили настоящую бойню. Немецкие бронемашины и мотоциклы мотались по улицам хутора и из пулемётов расстреливали уставших и измотанных непрерывными боями пехотинцев. Раненых бойцов, расположившихся в крайнем доме на восточной стороне хутора, фашисты забросали гранатами и подожгли дом. Оставшиеся в живых, обгоревшие красноармейцы пытались уйти по заснеженной балке, но их добивали фашистские автоматчики.

- 12 -

Гвардеец Трубников

Очевидно, в одном из захоронений покоились останки Трубникова Давыда Никитовича, погибшего 6 января 1943 года при освобождении х. Вербовского. Место захоронения много лет искала его дочь, Нина Давыдовна, и внуки: Сергей и Игорь Трещёвы. Сергей стал космонавтом, за успешное проведение работ в открытом космосе в 2004 году ему присвоено звание Героя России. 2 июня 2016 года семья Трещёвых посетила донскую землю и возложили венок к памятнику бойцов 33-й Гвардейской стрелковой дивизии, павших в х. Нижнежуравском.

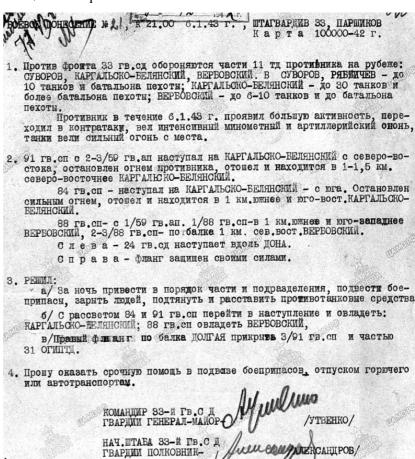

Нина Давыдовна Трещёва (Трубникова) с сыновьями Сергеем и Игорем.

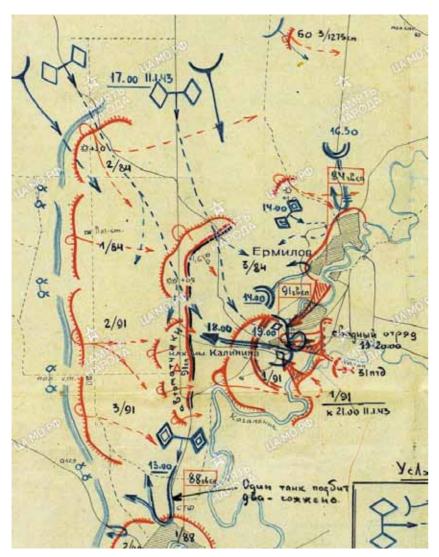
Данные о гибели гвардейца Трубникова расходятся по двум версиям. На памятнике в х. Нижнежуравском есть имя погибшего воина Трубникова Давида Никифоровича, погибшего 06.01.1943 г. Кто и когда занёс эту запись, сегодня трудно определить.

По спискам безвозвратных потерь 33-й СД, Трубников Давыд Никитович погиб 6 января 1943 года у хутора Вербовско-

го. Да и по архивным документам МО РФ, в эти дни гвардейцы 33-й дивизии сражались на территории прежнего Николаевского и Тацинского районов.

Единственным объяснением может служить версия ошибочного занесения имени павшего на памятник хутора Нижнежуравского. Не исключена возможность, что он мог погибнуть на вражеской территории в составе разведгруппы или – попав в плен, потому как до середины января на Северско-Донецком рубеже советских войск ещё не было.

Карта боев 33-й ГСД на 11.01.1943 г. [7]

Д.Н. Трубников

ОПЕРОВИКА № 21, ШТАГВАРДИВ 83, БЕЛЯНСКИЙ, 11.1.45 г. к 14.30, Карта — 100000—42 г.

В течение 0-10.1.43 г. дивизия продолжала гдавными силами укрепляться налрубеже КОНДАКОВ, САВЕЛЬЕВ.
Противник за 0-10.1.43 г. не делал попиток контратаковать рубеж БРММИСВ, САВЕЛЬЕВ, но, продолжая скапливаться и укрепляться в районе лисичкий и по западному берегу балка дальняя РОСООШЬ.
Внум ба тальонам 84 гр.сп и друм багальонам 94 гр.сп, при подпержие 2-3/59 гв.ап была поставлена задача: в ночь на 9.1.48 г. сбить противника с западного берега балка дальняй РОСООМЬ и висот, принегариях с востока и лисичкий и захватить лисичкий, этогванний тактический рубеж.

В ночь на 10.1.43 г. батальони выступили по марирутам: 2-3/64 гв. сп - балка иваниева, пол.ст. 43.7, 104.7, лисичкий; 1-2/91 гв.сп - стор рож., пол.ст. балка дальняя РОСООПЬ 47.9, выс. 26.0, лисичкий. На западном берегу балка дальняя РОСООПЬ бетальони были встречени сильным огнем из танков, пулеметов, артиллерии и минометов. Батальони перешли к обороне.

К сожалению, поисковикам пока не удалось найти точных данных, подтверждающих, что в одном из этих случаев допущена ошибка. А пока поисковая работа продолжается, и останки ещё 32 воинов, погибших у х. Вербовского, нашли покой в братском захоронении ст. Николаевской, Константиновского района, Ростовской области.

Гвардейский знак, погибшего воина 33-й ГСД отправлен семье Трубникова Д.Н.

На захоронении останков гвардейцев 33-й ГСД. Поисковики ПО «Донской» им.А.Калинина: Максим Дуля, Вячеслав Градобоев, Александр Жилибовский, Евгений Сухоруков, Сергей Комаров. Ст. Николаевская, 2017 г.

По воспоминаниям председателя Богоявленского сельского совета П.А. Чеснокова, на территории сельского поселения в годы войны погибло 3000-3500 человек.

(Из выступлений на митингах 1965-1970 гг.)

Пётр Андреевич Чесноков

И ещё не известно, сколько бы принесли жертв бои местного значения у ст. Богявленской и хуторов: Кастырского, Упраздно-Кагальницкого и Камышного, если бы отважные жители донской земли не провели передовые части Красной Армии в тыл противника.

В январе 1943 года несколько человек, уроженцев ст. Богоявленской и х. Кастырского, среди которых был и 17-летний Землянов Иван Федотьевич, провели в обход немецких позиций две группы 2-й Гвардейской армии, одну вдоль Дона, вторую степями, выше профиля.

Из воспоминаний ветерана И. Ф. Землянова:

«Перед освобождением Константиновского р-на в ст. Богоявленскую пришла группа советских воинов. Они постуча-

лись в крайний дом и попросили помощи. Им нужен был проводник, чтобы разведать подступы к горе близ х. Ведерников».

Ивану Федотовичу тогда шёл 18-й год, и он вызвался проводить разведгруппу.

И.Ф.Землянов

После освобождения Землянов был призван в Красную Армию и изъявил желание служить в разведке, прослужив всю войну в дивизионной разведке.

По воспоминаниям ветеранов войны о захоронении бойцов, погибших у х. Каргальско-Белянского, на рубеже р. Кагальник (сегодня этого хутора нет), погибло около 2000 воинов 5-й Ударной армии. В степи осталась братская могила — безымянный курган.

К сожалению, имён павших здесь нет. Кроме того, по данным, предоставленным прежними администрациями, часть павших перезахоронены в х. Белянском, часть в ст. Николаевской. Но курган остался не тронутым, как и места многих прежних, сегодня уже неизвестных захоронений.

На подступах к хуторам Крюкову и Трофимову, на территории, прилегающей к хуторам: Чумаков, Новороссошанский и до х. Вифлянцева, включая х. Новая Деревня (сегодня хутора нет), погибло и пропало без вести более 4000 воинов РККА. И это далеко не полные данные.

Старый памятник на безымянном кургане

При освобождении п. Константиновского воинов, погибших в Фоминой балке, с 6.01 по 14.01, было несколько десятков. Их хоронили местные жители на поселковом кладбище, как неизвестных, ведь в период оккупации документов и данных никто не собирал. Точное местонахождение могилы (из трёх имеющихся) не установлено. В 1943 году, по воспоминаниям старожилов и до-

кументам ЦАМО, на Константиновском кладбище было более 10 воинских захоронений. Сегодня памятными знаками обозначены только три (в северной части кладбища), остальные сгинули во времени. Как коротка память у людей, освобождённых от фашизма!

Вот только несколько имен павших, захороненных в разное время в год освобождения поселка:

Старший сержант, шофер Управления автомобильной военной дороги ВАД-23 Наумов Василий Сергеевич; убит в п. Константиновском 25 сентября 1943 года при задержании нарушителей.

Старший радиотехник, линейный надсмотрщик 8-го отдельного полка связи 5-й Ударной Армии красноармеец Кукин Дмитрий Александрович; умер от ранения в голову в районной больнице п. Константиновского 17 февраля 1943 года.

26 марта подрываются на авиабомбе саперы 1-й понтонномостовой бригады: заместитель командира роты 103-го отдельного понтонно-мостового батальона старший лейтенант Зубов Андрей Николаевич, понтонер красноармеец Карпов Иван Валильевич. Убит начальник финотдела ст. л-т Либанов Борис Наумович.

Кроме этого, были умершие в госпиталях (с января по июнь 1943 г.), погибшие от обстрелов вражеской артиллерии и бомбежек, погибшие летчики. И понятно, что всех погибших хоронили в разное время и в разных могилах. А в городе сегодня существует только шесть официальных захоронений времён войны. Где остальные – не известно.

А как же жители, которые видели и знали о захоронениях? Они остались безразличны к памяти павших...

Около двух десятков комсомольцев-подростков, уроженцев Константиновского и Николаевского районов, не достигших совершеннолетия, стали жертвами фашизма.

Благодаря неравнодушным учителям Гапкинской средней школы, найдены имена и место захоронения 14-летних подпольщиков Колотенко Вани и Тимофеевой Софьи. Из воспоминаний Н.З. Костроминой:

«Был ли у них партизанский отряд, я не могу сказать. Они ждали дальнейших распоряжений. Вскоре появился связной и передал, что всем находящимся на ферме партработникам приказано разойтись, желательно пробиваться в воронежские леса. Разбились на группы по несколько человек. Одна девушка зашла домой, в станицу Николаевскую, чтобы переодеться. На окраине станицы её схватили и расстреляли за монастырём. Пахом Агапович (бывший председатель колхоза), вместе со спасёнными военнопленными решил зайти в х. Гапкин. Передал записку сестре с просьбой принести вещи и еду. Но был выдан полицаями и казнён у ст. Николаевской. Тимофеева Софья Васильевна была зверски замучена 11 января 1942 года. Она дружила с Ваней Колотенко.

В январе х. Калинин (коммуна им. Калинина) переходил из рук в руки несколько раз. Люди метались межу горящими дома-

ми, прятались в окопы. Ваня и Софья побежали к реке и больше их никто не видел. Когда весной военные начали проводить перезахоронение в братскую могилу х. Гапкина, то в одной из могил, сверху лежали тела двух подростков, Вани и Софьи».

12 января 2018 года на братской могиле в х.Гапкин Софе и Ване установлена памятная плита.

Диверсант

рассказ

Ещё с первых дней июля 1942-го, когда немец вступил на донскую землю, Николай испытал неприязнь к неизвестному врагу. Через хутора и станицы, по направлению к речным переправам Дона и Северского Донца шли смешанные вереницы: в выцветших и мокрых от пота гимнастёрках отступающие, измотанные в боях бойцы и беженцы — с чемоданами, узлами, корзинками. Рядом с ними по пыльным дорогам тянулись вереницы повозок, состоящие, в основном, из женщин и детей, которые с каждым днём увеличивались. Превращаясь в людские колонны, они подходили к Дону. В ожидании многочасовой очереди на переправе люди большей частью располагались в садах, боясь вражеской авиации, о которой ещё только шёл разговор.

Собирающиеся у реки раненые бойцы и беженцы вели разговоры о жестоких боях, потерях своих друзей и близких, из чего местным жителям можно было сделать выводы о приближающейся угрозе.

Полевые госпитали, временно расположившиеся в станице, были переполнены раненными бойцами, часть из которых умирали, и их ежедневно хоронили на станичном кладбище или прямо на берегу Дона.

Всё это Николай видел, когда приезжал в станицу к тетке. Конечно, у Николая, как и у многих подростков, было своё твёрдое мнение, что немец не дойдёт до Дона и вот-вот будет разбит. Но с каждым днём его твердое мнение расшатывалось под напором собственных вопросов: «Почему с каждым днём увеличиваются потоки беженцев и отступающих? Где наши пушки и танки, которых он до сих пор не видел?»

Проходя мимо повозок с раненными бойцами, он слышал разговоры о фашистах, вооруженных автоматами. А красноармейцы-то отступали с винтовками!

Добираясь домой в хутор с учетчиком Николаем Трофимовичем или бригадиром полеводческой бригады Антоном Филипповичем, он задавал им вопросы: «Почему наша Красная Армия

не может разбить злостного врага? И почему так быстро к Дону продвигается фронт?»

К середине июля потоки беженцев и отступающих бойцов вперемешку со стадами и табунами животных увеличились до такой степени, что въехать в станицу стало просто невозможно. На проселочных дорогах стали появляться полуторки и ЗИСы, груженные военным и гражданским имуществом, поднимающие столбы пыли под палящим летним солнцем и спешащие к станичной переправе. Все эти потоки, идущие сверху вдоль Донца и от станицы Николаевской, смешивались у Константиновской, превращаясь в столпотворение. На станичной переправе пытался навести порядок комендантский взвод. У переправы стоял гул машин, слышались крики людей, плачь детей, ржание, блеяние и мычание животных. Часть повозок были брошены, некоторые животные ходили в толкотне людской массы в поисках своего стада. Вдоль набережной стояли десятки груженых машин, гужевики с орудиями.

В этот день Николай не задержался в Константиновской надолго. Из хутора на фронт уходили его старшие товарищи Михаил и Антон, и он спешил с ними проститься, но по приезду в хутор уже не застал своих земляков, их ещё утром отправили с первой подводой через Донец на Шахты...

Сначала появились немецкие воздушные разведчики, через несколько часов бомбардировщики, а ещё через два дня послышалась канонада приближающихся боёв.

Первых немцев Николай со своими друзьями увидели с кургана, находящегося недалеко от хутора. С десяток мотоциклов, легковая машина и бронетранспортеры направлялись к разбитой переправе на Донце. В этот же день оккупанты начали хозяйничать в хуторе.

К моменту оккупации в хуторе осталось несколько мужиков: двое из тех, кто вернулся после переправы колхозного скота и техники за Дон или Донец, два инвалида, вернувшиеся с фронта, и несколько не призванных на фронт по состоянию здоровья, да с десяток 14–16 летних подростков, а, в основном, женщины, старики, да дети. Антон Филиппович остался возглавлять поле-

водческую бригаду, как и при советской власти, только не колхоза, а общины, так называли немцы, хотя местные все же употребляли слово «колхоз».

Николай иногда выполнял поручения Антона Филипповича, отвозил сводки в комендатуру, а по дороге передавал и другие «сводки». Антон Филиппович ещё перед оккупацией заприметил шустрого и принципиального хуторского подростка и часто заводил с ним разговор о войне и об отношении молодёжи к оккупантам. Но, кроме Николая, он так и не подобрал ребят для выполнения своих поручений. Слишком быстро враг пришел на донскую землю, и ему, оставленному для организации подпольной работы, просто не хватило времени. Его помощник, Николай Трофимович, ушедший с эвакуированным скотом, так и не вернулся. Теперь сорокалетнему Антону приходилось налаживать связь с остальными подпольщиками через комсомольца Николая.

Оккупация для Николая прошла, как школа выживания в чужой среде. В силу своего вспыльчивого характера он неоднократно предлагал Филипповичу подорвать найденными осенью у переправы противотанковыми гранатами немецкий броневик или немецкую автомашину — радиостанцию, прибывшую перед фашистским Рождеством. Его молодая горячая душа не могла примириться с тихой подпольной работой, заключавшейся в передаче «сводок» в станицу, он мечтал о серьёзной борьбе с фашистами. Но Филиппович поручал ему только отвозить очередные «сводки» в станицу и один раз привезти несколько листовок.

Лишь однажды ему довелось сделать настоящую, как он считал, боевую работу.

В конце июля, направляясь на повозке за сводками в бригаду, он заметил в балке, поросшей тёрном, движение. «Наверно, чья-то корова заблудилась», — подумал Николай, и, остановив лошадь, пошел к балке. Но подойдя ближе, увидел красноармейца с пистолетом в руке, в изорванной гимнастерке. Его измученное и давно не бритое лицо говорило о том, как долго он скитается без пищи и отдыха.

- Парень, ты местный? хриплым голосом спросил солдат.
- Да, ответил Николай.

- Немцы далеко?
- Сегодня в хуторе нет, а в станице полно. И в соседнем хуторе квартируют, ответил подросток.
 - К переправе выведешь нас? спросил боец.
- Нет переправы, дядя, разбомбили, а немцы пока не сделали. А к реке могу вывести, – сказал Николай.
- Нет, нам без лодки не выбраться. Со мной ещё раненый, мой дружок, ответил боец и поник. Потом присел на корточки и спросил:
- A сможешь привезти чего-нибудь поесть, воды и гражданскую одежду?
- Смогу, только вы спрячьтесь, а когда я подъеду, буду петь песню, вы и выйдете из балки, – предложил Николай.
- Хорошо, только еще бы бинтов и спирта, хотя и самогон подойдет, – сказал солдат и пояснил: – Для обработки раны.
- Я мигом! сказал Николай и, посмотрев по сторонам, побежал к бригадирской двуколке.

Через два часа, вместе с Филипповичем они выехали на повозке в поле за сеном, взяв с собою вилы и собранный наскоро обед, не забыв взять и бутыль самогона. Подъехав к балке, Николай запел, но боец показался не сразу — видимо, его насторожило присутствие взрослого человека. Потом, все же не выходя из терна, он спросил:

- А с кем это ты, хлопчик, приехал?
- Это наш бригадир, мой старший товарищ, ему можно доверять, ответил Николай.
- Тогда пусть спускается с корзинкой в балку, а ты постой у телеги, нам с ним погутарить надо, – сказал боец.

После недолгой беседы Филиппович велел подогнать повозку с сеном поближе к балке. Он и боец вытащили совсем обессилившего молодого лейтенанта с перебинтованной выше колена ногой, и, уложив в телегу, закидали его сеном. Рядом, уже в гражданской одежде, прилег и солдат, зарываясь в сено.

Этих двух воинов, красноармейца-украинца, тридцатилетнего Миколу и ленинградца, молодого офицера-артиллериста,

и спасли Николай с Филипповичем, пряча потом их в погребе у Анастасии Андреевны, двоюродной сестры местного полицая.

Перед Новым годом Филиппович узнал от местного полицая о наборе молодежи для отправки в Германию и поручил Николаю отвезти документы в станицу и задержаться у тетки на недельку. Возвращаясь после праздника в хутор, Николай встретил на дороге около десятка небритых, истощенных румынских солдат, они просили чего-нибудь поесть и говорили: «Гитлер капут!»

«Значит, фронт рядом и пора действовать», – подумал Николай. Приехав в хутор, он и обратился с таким предложением к Антону Филипповичу.

«Пора, но не сейчас», – сказал бригадир, и добавил: «Фронт ещё далеко, и мы не можем рисковать людьми. Но кое-что мы сделаем...»

Он достал пачку листовок и предложил найти нескольких надёжных и смелых ребят, чтобы разнести листовки по ближним хуторам. Николай, выполняя поручение Филипповича, отправился в соседний хутор, где встретил по пути немецкий броневик и двух немецких связистов, соединяющих повреждённую линию связи. Заметив это место, на обратном пути он перерезал связку проводов и к вечеру вернулся домой другой дорогой. Возбужденный от радости, он не спал всю ночь, а утром поспешил доложить бригадиру о выполнении поручения и диверсии, за которую получил выговор от Филипповича. Потом бригадир, улыбнувшись, добавил: «Ну, диверсант, больше ничего не делать без моего разрешения!»

Уже неделю как по ночам были видны всполохи приближающегося фронта: то в стороне Трофимова зарево осветит зимний небосвод, то в стороне Николаевской. А на спуске к реке эхо доносило раскаты боя, и временами казалось, что вот-вот из-за дальнего поворота русла появится наша пехота. Но на утро всё оставалось по-прежнему. Лишь немец стал раздражительный и всё больше смотрел на восток, а драпал на запад. Румыны вообще шли завшивленными колоннами, часами просили подаяние во дворах, воровали вещи и последнюю птицу, смалили её на кострах и съедали полусырой.

Последнее, что удалось сделать Николаю со своими ребятами перед приходом нашей разведки, это расклеить листовки и порвать в очередной раз линию связи уже за хутором.

Разведчики зашли в селение ночью — в белых халатах, с автоматами, в зимней одежде. Об этом утром Николаю рассказывали местные жители. А через два дня появилась и долгожданная пехота, артиллерия, но без машин и танков.

Когда начался бой за родной хутор, Николай опять был в станице со «сводками» бригадира и документами для комендатуры. Только в комендатуре его документы никто не стал смотреть, там творился хаос. На востоке, севере и юге от станицы гремели бои. А вот «сводки» на квартире приняли, сказав: «Завтра-послезавтра наши будут в станице». Повозку и лошадь забрали отступающие немцы, и Николаю пришлось остаться у тётки.

После освобождения станицы и проверки особистами Филипповича, бригадир предложил Николаю с другими ребятами поехать на учебу в диверсионную школу.

После месячного обучения Николай трижды пересекал линию фронта с группой таких же подростков-земляков с Дона. И каждый раз возвращался, успешно выполнив задание. Теперь он был настоящий разведчик-диверсант, мстивший врагу за поруганную Донщину.

В очередной раз Николая со своими земляками, бывшими подпольщиками и партизанами, теперь опытными диверсантами, забросили в тыл врага на территорию соседней Украины, туда, откуда родом был спасенный донскими жителями красноармеец Микола.

Надо было восстановить связь с местным подпольем и партизанской группой. Ребята расселились у местных жителей, связались с партизанской группой, но не знали, что в числе подпольщиков есть предатель, и на явке их ждёт засада. Их группа была ликвидирована за три дня: кто-то успел уйти от погони, кто-то пропал без вести, несколько человек после пыток расстреляли гестаповцы. Диверсант Николай был схвачен на явке и после пыток повешен.

5-й Донской кавалерийский корпус. [6]

Место захоронения казненных подпольщиков по сей день остается неизвестным для их родственников, документы в секретных архивах хранят 75-летнюю тайну. (По воспоминаниям родственников погибших диверсантов).

Немногим более 10~% от всех павших и пропавших были люди старше 40~и 45~лет, не подлежащие призыву, но ушедшие добровольно на фронт.

Только по известным данным, из Константиновского района ушли на фронт 33 человека непризывного возраста, войдя в состав 5-го Донского кавкорпуса, образованного 19 ноября 1942 года по приказу Ставки ВГК Северной группы войск Закавказского фронта и базирующегося в районе Кизляра. [5]

В состав 5-го Донского кавкорпуса были призваны и подростки, пережившие оккупацию.

Вернувшийся домой житель г. Константиновска Михайлов Николай Никитович вспоминает, как в Венгрии части корпуса попали в окружение:

«Впереди танки, сзади болото. У артиллеристов не осталось бронебойных снарядов. Вечерний бой переходил в ночной. Надо было использовать темноту для быстрого манёвра, чтобы выйти из окружения, но кони не могли пройти через топь. Приходилось бросать верных боевых спутников и уходить налегке. Наш отход прикрывали артиллеристы, обстреливая осколочными снарядами фашистские танки и пехоту. Был виден сноп искр, когда снаряд попадал в лобовую броню вражеского танка. Немец сначала прятал машины за здания, но потом, видя безопасность осколочных снарядов, начал сдавливать нас в болото. Помню, что в период отступления увидел своего земляка, артиллериста из станицы Константиновской, но поговорить нам так и не удалось. На моих глазах героический расчет погиб от прямого попадания вражеского снаряда, а фамилия героя с годами забылась».

В одном из таких боев погиб уроженец Николаевского района командир взвода 127-го кавполка младший лейтенант Ефимкин Александр Петрович. Сведения о его гибели семья искала более семидесяти лет, и только в 2016 году поисковики принесли копии документов архива МО РФ о месте гибели и захоронения Ефимкина А.П. потомкам погибшего.

А.П. Ефимкин

Были добровольцы и из Николаевского района.

Из наградного листа автоматчика 1-го эскадрона

25-го гвардейского кавполка 6-й гвардейской кавалерийской Гродненской дивизии Михайлова Василия Трофимовича, 1897 года рождения.

Другие добровольцы из Константиновского и Николаевского районов пополнили партизанские отряды ещё в 1941 году, участвовали в боях под г.Таганрогом

О начальнике штаба партизанского движения Ермакове Якове Дмитриевиче, уроженце х. Савельева, есть информация в моей книге «Я погиб на Донском рубеже». Представляю вашему вни-

манию новые материалы о нём и фотографии, присланные из Словацкой Республики.

В августе месяще 1944 года был переброшен на территорию Словакии с группой в должности начальника штаба группы.

Влагодаря уменому руководству группа выросла в бригаду численностью 800 человек.

Хорошо составлял боевне операции, в результате которых противник понес большие потери в живомсиле и технике.

За заслуги в деде развития партизанского движения на территории Словании, умелое планирование боевых операций, в результате чего противнику нанесен большой урон.

Тов. EРМАКОВ Яков дмитриевич достоин награждения орденом "Отечественной войны 2-й степени.

командир партизанской бригады

компосар партизанской вригады

THE (FYHA

Командир группы Эрнст Белик и начальник штаба Яков Ермаков

Десантная группа перед вылетом в Словакию

40-летние мужчины, прошедшие несколько лет службы в рядах Красной Армии в тридцатые годы, шли на фронт добровольно и по призыву. Они пополняли поредевшие ряды защитников родного Отечества.

Рычагов Илья Петрович ушел на фронт в 40 лет. На привалах, между боями, заносил в небольшой блокнот скромные записи: отмечал места кровопролитных боев, адреса и фамилии сослуживцев. Илья Петрович вел дневник, который пронёс дорогами войны: через жаркие бои под Вязьмой, тяжелые отступления, тропами окружения, через госпитали, оставив потомкам память о прошедшей войне.

Блокнот был найден родственниками в старых вещах ветерана, умершего в феврале 1945 года. Это позволило частично установить боевой путь автора.

Сегодня трудно разобраться в записях в потертом от времени блокноте. Большая часть листков утеряна, многие фронтовые записи, фамилии и адреса однополчан не сохранились. До войны

Илья Петрович пять лет отслужил на Турецкой границе, защищая рубежи родного Отечества от диверсантов и бандитов. Видимо, этот опыт пятилетней службы в борьбе с диверсантами и помог ему выжить в боях под Ржевом и Вязьмой.

28.12.41. Был ранен, деревня Сухнино.

08.01.42. Был ранен в тылу врага.

31.01.42. Был ранен, стан. Погорелово...

В августе 1941 года Илья Петрович был призван в саперные части 20-й армии, которая создавалась, в том числе, из уральских танковых корпусов. В октябре 1941 года, с началом Московской битвы, 20-я армия оказалась в окружении под Вязьмой.

7 октября 1941 года в ходе операции «Тайфун» танковые группы соединились и замкнули кольцо в районе Вязьмы, окружив пять советских армий Западного фронта. В разрыве обороны частей Красной армии образовалась брешь, куда немецкое командование бросило третью танковую группу Гота. Противник стремился прорваться к Калинину (сегодня Тверь) для дальнейшего наступления на Москву. На этот момент в Калинине не было

регулярных частей РККА. Чтобы организовать оборону на калининском направлении, сюда начали стягивать войска с разных участков фронтов. Очевидно, и Илья Петрович Рычагов со своими однополчанами был направлен для создания оборонительных рубежей на этом участке Западного фронта.

На фото слева – И.П. Рычагов

Из воспоминаний немцев о январских боях:

«Термометр показывал минус 40 градусов! Тяжелые бои шли по всему фронту. И все же измотанным и замерзающим войскам, несмотря на чудовищное напряжение, удалось преодолеть сопротивление численно превосходящих, отлично подготовленных для зимней кампании и хорошо вооруженных сибирских дивизий и сохранить, хотя и слабую, линию обороны.

Снимок карты: октябрь-декабрь 1941 г.

После того, как фронтальное наступление русских против VI корпуса (генерал Ферстер) не удалось, Советы сгруппировали свои силы, намереваясь прорваться западнее Ржева на юг.

9-я армия и присоединившиеся к ней с юга 3-я и 4-я танковые армии были заблокированы и вынуждены сражаться в четырехугольнике железной дороги Смоленск – Вязьма – Ржев – Оленино.

Передовые подразделения противника (на 5 января) находились в восьми километрах западнее и юго-западнее Ржева, важнейшего пункта снабжения 9-й армии.

7 января, поддержанный артиллерией 251-й дивизии под командованием полковника Фельдмана, полк должен был атаковать противника вдоль дороги на Молодой Труд. Начавшееся с запада наступление в восточном направлении кавалерийской бригады СС «Фегеляйн» должно было закрыть образованную русскими брешь.

С рассветом в 5 часов утра 39-й полк перешел в наступление, и уже в 6 часов 3-й батальон под командованием оберлейтенанта Кампса в ближнем бою отбивал у захваченных врасплох русских дом за домом в деревне Петуново. Сильный зенитный огонь с юга замедлил дальнейшее наступление. Тогда 1-й батальон под командованием капитана Матерна выдвинулся к югу от деревни Петуново. Первая деревня была взята. Однако в следующей деревне разгорелся ожесточенный бой за каждую улицу, каждый дом. Русские оборонялись отчаянно, отстреливаясь из горящих домов и сараев. Целый день продолжался жестокий бой, и только с наступлением темноты деревней удалось овладеть. Повсюду лежали мертвые и обожженные тела русских солдат. Противник еще удерживал несколько сараев и обстреливал каждого, кто появлялся в деревне. В тот же день 3-й батальон взял две следующие деревни. Атака русских была отражена. Наступающая в тылу 39-го полка 256-я дивизия и части 84-го полка взяли еще две деревни на северном берегу Волги. Слева действовал І батальон 348-го полка 216-й дивизии, который отбивал мощные атаки противника.

Воины 20-й армии ведут бой на берегу Днепра. Сентябрь 1941 г.

Русские, поддержанные реактивными снарядами «катюш» и многочисленными танками Т-34, 11 января прорвали позиции 5-го корпуса и вторглись глубоко в его оборону. С большим трудом эту атаку удалось остановить. В этот же день мощная вражеская группировка выдвинулась из 20-километровой зоны северозападнее Сычевки, угрожая жизненно важной железной дороге Вязьма — Ржев, а также самой Сычевке — главному снабженческому и транспортному центру.

Своевременно подошедшая 1-я танковая дивизия, совершившая марш от Погорелого Городища на Ржев, смогла выправить положение, отбросив врага от железнодорожного вокзала в Сычевке и складов снабжения.

Снимок: На калининском направлении 1942 г.

Как только подготовка заканчивалась, следовал массированный огонь из всех видов орудий, включая зенитки, минометы, реактивные снаряды, а также бомбовые удары с воздуха. Земля была буквально пропахана. Затем следовала атака, переходящая в жестокий ближний бой. Вновь занятые позиции удерживались до тех пор, пока контратаки русских не затухали. Лишь тогда

штурмовой отряд уходил на отдых до следующего броска. Противник терял опорные пункты один за другим и оттеснялся все дальше от своих пунктов снабжения. [25]

В тяжёлой обстановке армия продолжала вести упорные бои. Часть войск армии, прорвав фронт окружения, с боями вышла на Можайскую линию обороны. К 20 октября 1941 года полевое управление армии было расформировано, а её войска переданы на укомплектование других соединений и частей фронта. [19]

Илья Петрович о войне не распространялся, в его скромных рассказах упоминались тяжёлые кровопролитные бои под Вязьмой и в районе Ржева, где он был неоднократно ранен, контужен и выходил из окружения.

Судя по его немногословным воспоминаниям и скромным записям в блокноте, боевой путь в конце 1941 года он продолжает в 31-й армии в составе 359-й стрелковой дивизии, что подтверждается его записями о местах боёв и погибших сослуживцах.

Из воспоминаний П. Михина, участника боёв под Ржевом:

«Мы наступали на Ржев по трупным полям. Ни миновать, ни обойти их нет возможности: по ним проложен телефонный кабель — он перебит, и его во что бы то ни стало надо быстро соединить. Ползешь по трупам, а они навалены в три слоя, распухли, испускают тошнотворный сладковатый запах разложения человеческих тел. Разрыв снаряда загоняет тебя под трупы, почва содрогается, трупы сваливаются на тебя, в лицо быет фонтан тлетворной вони... Идут дожди, в окопах воды по колено... Если ты уцелел, снова смотри в оба, бей, стреляй, маневрируй, топчись на лежащих под водой трупах. А они мягкие, скользкие, наступать на них противно и прискорбно». [24]

5 декабря войсками Калининского фронта началась Калининская наступательная операция. Преодолевая упорное сопротивление противника, неоднократно переходившего в контратаки, к исходу15 декабря войсками 29-й и 31-й Армий были охвачены оба фланга калининской группировки противника, а 16 де-

кабря был освобождён город Калинин. Учитывая благоприятную обстановку, Ставка потребовала от командующих расширить полосы наступления.

7 января войска 39-й, 29-й, 31-й и 30-й Армий были остановлены на подготовленном рубеже обороны севернее города Ржева — севернее Лотошино. [20]

В январе 1942 года стрелковые полки (1196-й, 1198-й, 1194-й) 359-й СД, в результате прорыва группы советских войск в тыл противника на Калининском фронте, попадают в окружение. В этих же боях Рычагов Илья Петрович был ранен, погибают его однополчане: 08.01.1942 г. — сапёр красноармеец Потокин Михаил Григорьевич, 09.01.1942 г. — сапёр красноармеец Трухин Павел Иванович.

Из журнала боевых донесений 31-й армии за 07-08.01.1942 г.:

Mepeg	appo 4 mo	n quentus mpommbien
TRUBOLL OR	en your	THOS CONFIDENCE TEACH
примен	an 34 1	инопенерные загразодени
a upuci	werder 9	ил обброна жинне дом
y wem	por Ku	
1198 en	mpoplati	nuce & man moning-
HUKA 6	egen, one	bayun & panone Banyon
Headhow	pannine a	тожи противникам
omoumor	e sonsum	им для нас потерям.
1196	en begen ?	our colmoenino e1194 eu,
		атаки Маниново Лондин
HO MOESE		Common - occess - occ of o
crota n	omamos	вызвратиться в и еходное
crota n	me, no	вы вратиться в неходное
crota n nanonces minbruk	me, no para	вызвратиться в и еходное

«Сапер красноармеец Чикишов Афанасий Давидович погиб ещё в декабре 1941 года (24.12.1941 г.)

С 8 января по 20 апреля 1942 года армия участвовала в Ржевско-Вяземской наступательной операции. С 20 апреля армия перешла к обороне восточнее Зубцова.

С 23 июля 1942 г. вошла в состав Западного фронта и участвовала в Ржевско-Сычевской наступательной операции с 30 июля по 23 августа. 23 августа 31-я армия освободила город Зубцов.

С 25 ноября по 20 декабря 1942 года участвовала в операции «Марс» (Вторая Ржевско-Сычёвская операция).

В 1943 году 3-я Армия участвует в Ржево-Вяземской и Смоленской операциях. 16 марта 1943 года войска 31-й армии освобождают Новодугино, 18 марта выходят на Издешково и затем к Днепру. (20)

Город Ржев и его окрестности были ареной самых жестоких боёв во всей войне, которые продолжались до 3 марта 1943 года. Безвозвратные потери Красной Армии, включая пленных, составили 605984 человека, вместе с санитарными — 1374217 чел. При этом санитарные потери противника — 773000 солдат и офицеров. На день освобождения Ржева, из 20000 жителей, оказавшихся в оккупации, осталось 150 человек, вместе с районом — 362 человека. (21)

По другим источникам:

«Ржевско-Вяземский плацдарм — выступ, образовавшийся в обороне немецко-фашистских войск в ходе наступления советских войск зимой 1941-42 г.г. на западном направлении. Ржевско-Вяземский плацдарм имел размеры до 160 км в глубину и до 200 км по фронту (у основания). Зимой 1942-43 здесь было сосредоточено около 2/3 войск группы армий «Центр». Против этой группировки действовали основные силы Калининского и Западного фронтов. Со 2 по 12 июля вермахтом была проведена наступательная операция под кодовым названием «Зейдлиц» против соединений Калининского фронта, попавших в окружение. На протяжении многих лет о ней предпочитали не говорить.

Ржевско-Вяземская операция (8 января — 20 апреля 1942 г.): безвозвратные потери Красной Армии — 272320 человек, санитарные — 504569 человек,

всего – 776889 человек.

Ржевско-Сычевская операция (30 июля -23 августа 1942 г.): безвозвратные потери -51482 человека,

санитарные – 142201 человек,

всего – 193383 человека.

Ржевско-Вяземская операция (2 – 31 марта 1943 года):

безвозвратные потери – 38862 человека,

санитарные – 99715 человек,

всего – 138577 человек.

Во всех трех операциях:

безвозвратные потери – 362664 человека,

санитарные – 746485 человек,

всего – 1109149 человек.

Участник этих событий маршал Советского Союза В. Г. Куликов назвал ориентировочную цифру общих потерь Красной Армии на Ржевской дуге — 2 миллиона 60 тысяч человек.

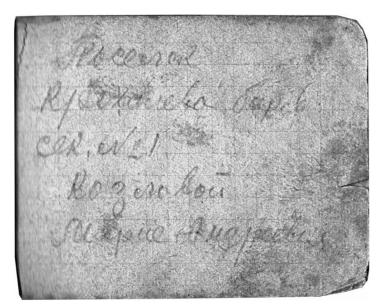
(Из словаря-справочника «Великая Отечественная война 1941-45 гг.»). [23]

Из фронтового блокнота И.П. Рычагова:

«17.04.43 г. прибыли на ст. Туманово Смоленской области». Об участи Ильи Петровича в боях под Смоленском подтверждают и записи о гибели его однополчанина, Ерашкина Ильи Тимофеевича: убит в Смоленской области 4 октября 1943 года.

Ранение и пребывание Ильи Петровича в медсанбате № 401 ОМСБ 31-й гвардейской стрелковой дивизии на территории Смоленской области.

Козлова Мария Андреевна, военфельдшер 34 отдельного МСБ (401 ОМСБ) награждена медалью «За боевые заслуги» и орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

После нескольких ранений и контузий, по воспоминаниям родственников Ильи Петровича, его перевели в обоз, где он отвечал за гужевой транспорт и его тягловую силу — лошадей.

В 1944 году 3-я армия вошла в состав 3-го Белорусского фронта. В феврале — марте она участвовала в Витебской операции. В составе 3-го Белорусского фронта участвовала в Белорусской и Гумбиннен-Гольдапской наступательных операциях. [20]

Сослуживцы Рычагова попадают в части 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Но на фронте часто бывало, что вчерашний тыл сегодня становился передовой.

Где Илья Петрович получил своё последнее ранение и контузию, осталось не известным. В ноябре 1944 года он был демобилизован по состоянию здоровья из госпиталя ЭГ № 3104, который располагался в городе Вильнюсе. Хотя по воспоминаниям родственников, домой ветеран прибыл из другого города, где он был на последующем излечении.

Рычагов Илья Петрович пришел домой в декабре 1944 года, а феврале 1945 года умер, три месяца не дожив до Победы...

Костромины

Одним из добровольцев был 42-летний Абросим Васильевич Костромин, ушедший на фронт в октябре 1941 года.

А.В. Костромин

ными очередями, с единственным желанием уйти на фронт и беспощадно бить врага. Так поступили и дети Абросима Васильевича.

Из семьи Костроминых из х. Савельева на фронт ушли все: отец, два сына и дочь. Вернулись трое.

Первым был призван старший сын, Костромин Андрей Абросимович, 1918 г. р. Призванный

Абросим Васильевич прошёл дорогами войны до Берлина, был удостоен нескольких наград и благодарности от маршала Г.К. Жукова.

В ту военную пору добровольцы окружали военные комиссариаты страны Советов круглосуточ-

На снимке справа – Андрей Костромин

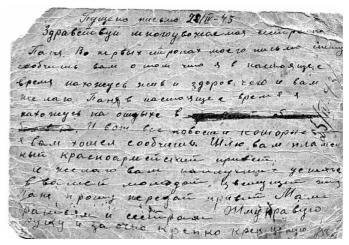

Василий Костромин

в 1938 году, он начал свой боевой путь с финской войны. С первых дней вторжения фашистов на советскую землю ушёл на фронт. Служил механиком. В окружении под Киевом попал в плен и был отправлен оккупантами в трудовые лагеря на территории Франции. Бежал, участвовал в группе сопротивления фашистскому режиму, являлся почетным гражданином Франции.

Меньше всего повезло младшему сыну Костроминых – Василию. 18-летний юноша был призван в 1942 году Николаевским

военкоматом. После ускоренных курсов радиотелеграфистов направлен в танковую часть. 16 октября 1943 года сержант, старший телеграфист 155-й танковой бригады 20-го танкового корпуса погиб при освобождении Украины в Запорожской области.

Последнее письмо-открытка Василия Костромина

«Здравствуйте, многоуважаемая сестричка Паня. Вопервых строках моего письма спешу сообщить вам о том, что я в настоящее время жив и здоров, чего и вам желаю.

Паня, в настоящее время я нахожусь на отдыхе (в Орловской области — зачёркнуто цензором — авт.) Вот и все новости, о которых я вам хотел сообщить. Шлю вам пламенный красноармейский привет и желаю наилучших успехов в вашей молодой цветущей жизни.

Паня, прошу передай привет Маме, братьям и сёстрам. Жму правую руку и заочно крепко, крепко целую. Василий».

Не поддаваясь на мольбы и уговоры матери, 18-летняя Зинаида Костромина после освобождения Константиновского района добровольно ушла на фронт. Получив 2,5-тонный лизинговый «Студебеккер», она подвозила снаряды к линии фронта, на обратном пути вывозила раненых бойцов и командиров. По воспоминаниям фронтовых водителей, машина требовала частого технического ухода, от перегрузов ломались диски сцепления и мосты, но была легка в управлении.

Фронтовой «Студебеккер»

Как справлялась маленькая казачка со «стальным конём» в дни распутицы, суровые зимние морозы и метели, под огнём

врага на фронтовых дорогах устраняла поломки — сегодня трудно представить. Но Зинаида Костромина на своем «боевом коне» ни разу не подвела своих товарищей, прошла тысячи километров фронтовых дорог от Новочеркасска до Германии. Награждена медалью «За победу над Германией».

На фото (Зинаида с мужем Петром и товарищем)

В январе 1945 года неутомимый 46-летний ездовой 130-го инженерного саперного Одесского батальона 61-й инженерносаперной Кишинёвской бригады А.В. Костромин, при подготовке наступательной операции, под огнём противника, не считаясь со временем и сном, увлекая своим примером других бойцов, осуществлял сверхплановый подвоз леса, чем обеспечил досрочное строительство сооружений. 30 января награждён орденом Красной Звезды. [1]

Благодаря воспоминаниям участников Великой Отечественной: ветеранов, тружеников тыла и детей войны, сегодня ещё можно узнать о реальных событиях тех огненных лет.

Коваленко (Мосиенко) Ольга Сергеевна, жительница г. Ростова-на-Дону, вспоминает, как во время второй оккупации Ростова она ездила в г. Батайск за солью:

«Перед отъездом ко мне подошел молодой человек и попросил разузнать обстановку на железной дороге возле Батайска и Ростова, посмотреть, как обстоят дела на станциях этих городов. Вроде как просьба, словно он собирался куда-то ехать. Это потом я поняла, что он был партизан и давал мне задание. А тогда я восприняла его просьбу, как обычный интерес о положении на железной дороге, на подъезде к городам.

Прибыв на станцию г. Батайска, мы увидели большое скопление транспортных составов. Я перед оккупацией работала
в Ростове на предприятии по перегрузке зерна. Может быть,
поэтому память у меня была хорошо развита. Я посчитала составы, запомнила их расположение и чем они были загружены.
Хотя сама не понимала, зачем высматриваю загруженность
станции. Думала, может молодой человек хочет найти какойто определённый состав? Соли я так и не купила. К нам подошел румынский солдат и, хорошо разговаривая по-русски, велел
быстро убираться прочь.

По возвращении меня уже ждал молодой человек. Расспросив, что я видела на станции Батайска, он сказал: «Большое Вам спасибо! Вы достойны звания героя!» И быстро ушёл. Больше этого человека я не видела. Но в эту же ночь был совершён налет советских бомбардировщиков на станцию Батайск. Вот тогда я и поняла, какое ответственное поручения мне дали. Ведь после этого удара нашей авиации враг замедлил наступление на Сталинградском направлении».

Это героический пример того, как советские люди совершали подвиги, не подозревая об их значении, и какую большую лепту они вносли в Победу над врагом. (Из личной беседы с Ольгой Сергеевной в день её 98-летия).

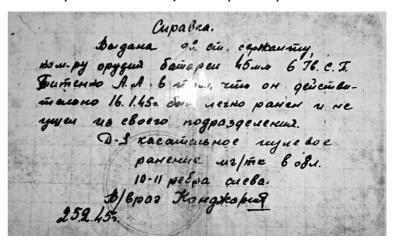
Герой Советского Союза Андрей Лаврентьевич Титенко, был призван прямо от окопов, которые он копал под Ростовом-на-Дону в 1941 году. Как вспоминает сам Герой: «Осенью под Ростовом первый раз понюхал пороху».

Перед войной он приехал в Семикаракорский район на заработки и привез свою семью, а в 1941 году при подходе фашистов к городу Ростову, Андрея Лаврентьевича с другими жителями х. Золотарёвка мобилизовали на строительство оборонительных рубежей. А.Л. Титенко остался в воинской части, обучился на курсах, и став отличным артиллеристом, возглавил орудийный расчёт 45-мм орудия.

Первое ранение будущий Герой получил в июле 1942 года на донской земле в Шолоховском районе. За оборонительные бои награждён медалью «За отвагу». Как вспоминает Герой: «Потом были освободительные бои за города: Керчь, Симферополь, Евпаторию, Севастополь…»

За освобождение Донбасса и Запорожья второй раз награжден медалью «За отвату».

16 января 1945 года получил очередное ранение.

За героические бои в Шауляйской операции по освобождению Прибалтики А.Л. Титенко был награждён орденом Славы III-й степени.

В составе гвардейцев-артиллеристов 6-го гвардейского артполка 418-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 197-й стрелковой дивизии и вместе со своей сорокопяткой дошел до пригорода Кёнигсберга.

18 марта 1945 года полк вышел к опорному пункту противника — Прейсиш-Тирау, в Восточной Пруссии. (Сегодня — Багратионовский район Калининградской области).

Получив приказ занять оборону в точке «N», зацепив орудие за верных скакунов, отправился с расчётом вдоль шоссе по заданному маршруту. Этот маршрут для Титенко оказался последним. Через несколько километров расчет был обстрелян из крупнокалиберных пулемётов из вражеской засады. Потеряв тягловую силу, Титенко приказал скатить орудие в ближайшую низину и занять оборону.

Артиллерийский расчёт 45-мм орудия

Из наградного листа гвардии сержанта Титенко, командира орудия батареи 45-мм пушек 6-го гвардейского стрелкового Севастопольского Краснознаменного полка 2-й гвардейской стрелковой Таманской Краснознамённой ордена Суворова дивизии:

проделжении наших частей. В этих условиях 18 марта поли приступия и выполнению задачи по свладению населенным пунктом Прейсим-Тирау, который ососбенно сместоченно сооронные немами.

Действуя исильчительно смело и рамительно товарищ титенко со свим расчетом значительно смело и рамительно товарищ титенко со свим расчетом значительно сперали боевые порядки пекоты и несметра на сильный загредительный огоры програные», стремичельно ворвался на сметным загредительной огоры протвения сильным пулеметным и минометным огнем смелый расчет советских артилеристов. Орудие тов, титенко оказалось отрезаным от боевых порядков пекоты сильным огнемы валом, который образовал противник. Орезу-же были убитн обе дошали орудийного расчета. Неменкая некота начала обходить расчет с фленгов, рамимо с пецью захвата его в плен. Тов. титенко прикадал расчету занат, круговую оборону и стирить оголь по врагу. Немию открыми пулеметый оголь по расчету из онна дома. Тов. титенко стел за орудие и премой наводкой уничтомил пулемет вместе с его прислугой. Тогла немие открыми по нему стовь из другого пулемет противника, Немию открым товерийным по нему стовь из второй пулемет противника, Немию открым по терай бизы минательный оголь, и предприняли втаку. Тов. Титенко открым беглий оголь по несоте противника и второй пулемет противника, немию открым оголь и по нему десегом, отбольжая об прислугой. Тогла немые того, титенко оголь и предприняли важе на отбольком вражеской мини тор. титенко расчетом, отбольжая об прислугом внесимось унительи оголь по потесника противника, товарим титенко, вагораченный боем, продолжая в потесника противника, товарим титенко, вагораченный боем, продолжая еще оражаться и в это време дни ранен вторично. В тяжелом, бессовнательном остоянии он быт завкупрован о поля-боя.

«...18 марта 1945 года полк приступил к выполнению задачи по овладению населённым пунктом Прейсиш-Тирау, который особенно ожесточённо оборонялся немцами.

Действуя исключительно смело и решительно тов. Титенко со своим расчётом, значительно опережая боевые порядки пехоты и несмотря на сильный заградительный огонь противника, стремительно ворвался на окраину населённого пункта. Немцы встретили сильным пулемётным и миномётным огнём смелый расчёт советских артиллеристов. Орудие Титенко оказалось отрезанным от боевых порядков пехоты сильным огневым валом, который образовал противник. Сразу же были убиты обе лошади орудийного расчёта. Немецкая пехота начала обходить орудийный расчёт с флангов, видимо, с целью захвата его в плен. Тов. Титенко приказал орудийному расчёту занять круговую оборону и открыть огонь по врагу. Немцы открыли пулемётный огонь по расчёту из окна дома. Тов. Титенко стал за орудие и прямой наводкой уничтожил пулемёт вместе с его прислугой. Тогда немцы открыли по нему огонь из другого пулемёта с противоположной стороны. Тов. Титенко уничтожил и этот пулемёт противника. Немец открыли шквальный

огонь и предприняли атаку. Тов. Титенко открыл беглый огонь по пехоте противника и заставил её отойти. Осколком вражеской мины Титенко был ранен. Превозмогая боль, он продолжал отражать атаки наседавшего врага, ведя точный огонь, экономя боеприпасы. Около четырёх часов тов. Титенко со своим расчётом отбивался от врага, и как потом выяснилось, уничтожил свыше 30 немцев, 4 станковых пулемёта противника. Когда подошла наша пехота, тов. Титенко разгорячённый боем, ещё продолжал сражаться и в это время был ранен вторично. В тяжёлом бессознательном состоянии был эвакуирован с поля боя».

Из личной беседы с героем-артиллеристом Л.А. Титенко:

«Нам была поставлена задача командованием: в авангарде полка выдвинуться к населенному пункту. Мой расчет орудия (я, наводчик, заряжающий, подносчик снарядов, ездовой) первым приблизился к окраине поселка. И настолько были увлечены атакой, что от неминуемого плена нас «спасла» очередь немецкого пулемета, убившего обе лошади в конной тяге. Первые окопы с мелькающими немецкими касками были в каких-то нескольких десятках метрах от нас.

Я дал команду выпрячь пушку и скатить ее в ближайшую низину у дороги. Немец усилил огонь из станковых пулемётов и минометов, нам приходилось прятаться за щитком орудия. Получил первое ранение, отрубив часть щитка орудия, перебило пальцы. Нас начали окружать, и нам ничего не оставалось, как занять круговую оборону и отстреливаться из стрелкового оружия. Мы попали в такую ловушку, что с одной стороны вражеские окопы оказались так близко, что можно было добросить гранату. Судя по расстоянию, я понимал, что если бы немец не открыл огонь, то мы с орудием угодили бы прямо к немцам. Немец кинет к нам гранату, у них ручки длинные, мы её подхватим и обратно, а нашу лимонку он поймать не мог. Несколько раз предлагали сдаться. На предложенный кем-то вариант отступления ответил категорическим «Нет!» Ведь мы

тогда потеряли бы орудие и могли все погибнуть на открытой местности.

Мы оказались отрезанными от наших боевых подразделений. Игра в «картошку» — перебрасывание немецких гранат продолжалась. Сколько прошло времени, не помню. Помню, что бросив в очередной раз в ответ последнюю лимонку, начался ураганный обстрел нашего расчёта. Когда меня подняли и понесли на носилках, понимал, что получил ещё два ранения, видел, что немцев обстреливают наши зенитчики, установив орудие на прямую наводку. Если бы они не подоспели, не знаю, что с нами было бы.

Победу встретил в госпитале, выписался в декабре 1945 года. Но еще несколько лет рана давала о себе знать, кровоточила, ведь раненая нога стала короче второй на 9,5 см.

Через два года решил посетить места, где работал до войны. Проезжая на повозке мимо очередного колодца, встретил своего однополчанина-старшину. Он и сообщил, что после последнего боя мне присвоено звание Героя Советского Союза, и, видя моё удивление и замешательство, решил отправиться со мной в военкомат. Не сразу мы нашли Звезду Героя, пришлось несколько месяцев разыскивать документы, подтверждающие награждение...»

Вот так, через два с лишним года, в 1947 году Герой Советского Союза Титенко Андрей Лаврентьевич получил свою Звезду Героя в г. Ростове-на-Дону. Вручал награду и денежную премию в 25000 рублей маршал Советского Союза С.М. Буденный.

(Из личной беседы в 2016 г.) [3]

А.Л. Титенко, 1947 г.

Нашел героя поисковик Максим Дуля

15 декабря 2018 года герою-артиллеристу А.Л. Титенко исполнилось 100 лет.

К сожалению, не все герои войны вернулись домой. Кто-то отдал свою жизнь за Победу, а кто-то навечно остался в списках пропавших.

«В восьми километрах от Старого Оскола, у железнодорожного разъезда Набокино, 17 советских воинов в мерзлой земле рыли окопы. В 4 часа дня на заснеженном поле показалась вражеская колонна...» [4]

Когда командир взвода погиб, командир отделения бронебойщиков 409-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 107-й стрелковой дивизии сержант Бабков Тихон Петрович взял командование на себя. Когда во взводе никого не осталось, Бабков организовал оборону из группы пехотинцев и не пропустил врага. За что был представлен к званию Героя Советского Союза. Награждён орденом Красного Знамени. (Из наградного листа).

Более пятисот вражеских солдат и офицеров не смогли прорваться в город Старый Оскол на этом рубеже. Оставшиеся четверо героев держали оборону до подхода подкрепления. Домой Тихон Петрович не вернулся, пропав в водовороте жестокой войны, а все документы доверчивая вдова Евдокия Ивановна после войны отдала каким-то людям, интересующимся службой Тихона Петровича. Документы так и не вернулись в семью. У вдовы на руках остались три дочки, обречённые на самообеспечение и голодное детство.

8 мая 2016 года в х. Савельеве Константиновского района Ростовской области благодарные родственники установили памятную плиту, увековечив на малой родине память о герое и его подвиге. Может быть, это послужит примером для той части равнодушных жителей России, которая смотрит «голодными глазами» на Запад.

Летом 2015 года в районе хутора Новороссошанского поисковиками отряда «Донской» им. А. Калинина было найдено неучтенное захоронение времен Великой Отечественной войны. Благодаря найденным части почтовой открытки со штемпелем полевой почты и медали «За отвагу» было установлено, что останки принадлежат бойцам 258-й стрелковой дивизии, попавшим в окружение в январе 1943 г.

Поиск пропавших без вести. Лето 2015 г., температура свыше 40° жары

Медаль принадлежала командиру отделения разведчиков 782-го артполка 258-й СД сибиряку Потапову Василию Алексеевичу, пропавшему без вести в 1943 году. Родственники В.А. Потапова из далёкого Новосибирска, которых разыскивали бойцы ПО «Донского», решили увековечить память героев-сибиряков, погибших на донской земле, установив памятные плиты на месте захоронения останков павших. На открытие памятного знака приехали родственники другого героя, сложившего голову на донской

земле, – Куклина Геннадия Савельевича, бойца 405-го стрелкового полка 258-й стрелковой дивизии.

«73 года семья не знала о военной судьбе Куклина Геннадия Савельевича. 21 год я искал его по всем архивам, работал в Подольском архиве МО РФ. Проблема была в том, что похоронка не сохранилась.

В простой, работящей семье Куклиных, Савелия Аверьяновича и Екатерины Герасимовны, было пятеро детей. Геннадий, 1922 года рождения, был старшим, после него родились Анна, Фёдор, Мария, Катя. Савелий Аверьянович всю жизнь работал сапожником, Екатерина Герасимовна вела хозяйство. Гена в свои 18 лет работал продавцом и одновременно заведующим маленького магазина, что стоял между железнодорожными путями на ст. Инская, и обслуживал машинистов, кочегаров, учился в техникуме.

Похоронки на Савелия Аверьяновича и Гену пришли в один день в конце мая 1944 года. На Фёдора извещение пришло в ноябре 1943 года — пропал без вести. От ужаса моя мама (Мария) закопала их в огороде и потом не нашла. Осталось в памяти только то, что успела запомнить. Про отца: похоронен на крымском городском кладбище, могила №2, про Гену: ушёл в разведку и не вернулся. И — ВСЁ!

Деда я нашёл через военно-медицинский архив: рядовой 315-й дивизии умер в госпитале в г. Саки, похоронен в братской могиле № 2. А по Геннадию не было ничего, даже фронта не знал, листал донесения дивизий, что шли рядом с 315-й. И только в феврале форумчане подсказали проверить по фамилии матери (кому было отправлено извещение о гибели). Всё сошлось!.. Кроме фамилии. Теперь, по сути, Куклин Геннадий был призван в октябре 1941 года на обучение в 21-й лыжный запасной полк в г. Бердске, что под Новосибирском, обучался на миномётчика.130-й, 131-й, 132-й лыжные батальоны были отправлены на Карельский фронт. Как только положение там стабилизировалось, часть подразделений отправили под Москву на формирование 258-й стрелковой дивизии, затем — на Воронежский фронт (не надолго) и под Сталинград, в район Котлубани. В составе 5-й Ударной Армии – направление на Ростов...

Куклин Геннадий Савельевич был найден в списках пропавших без вести 11.01.1943 г. в составе 405-го стрелкового полка 258-й стрелковой дивизии в боях за хутор Новороссошанский. Мой брат (сын Кати) в Подольском архиве нашел списки и пропавших, и погибших, а также донесение командира 405-го полка о боевых действиях с 8 по 11 января 1943 г., когда остатки полка прорывались из окружения к хуторам Ермилов и Кондаков. Как раз в это время сосед слева — 315-я дивизия — вела бои за Константиновский район. Так и не узнал отец, что совсем рядом погиб его сын. В условиях тяжких боев, гибели непосредственных командиров, Геннадий был записан созвучной фамилией Никулин». Из письма Иванова Анатолия Петровича, г. Саратов.

Куклин Савелий Аверьянович

Куклин Геннадий Савельевич

На открытии памятного знака павшим воинам 258-й СД 7 мая 2017 г.
Поисковики, учителя и ученики Новороссошанской школы, Глава Ермаковского поселения Л.Н. Исаева, Анатолий Петрович Иванов с братом Сергеем Степановичем Зайцевым, его сыном Ярославом и внуками: Олегом и Мишей

А сколько ещё было неизвестных героев и совершённых ими подвигов, о которых мы не знаем?!..

Бой на опушке леса

рассказ

Немец все ближе и ближе подкатывался к Дону. Иногда по ночам вдалеке виднелось зарево, и слышалась канонада приближающихся боев.

Недалеко от нашего хутора бойцы Красной Армии спешно возводили укрепления, день и ночь копали траншеи, сооружали землянки и рыли ходы сообщения к ним. Каждый день через хутор шли отступающие красноармейцы, проезжали повозки с ранеными. По пыльным и уставшим лицам отступающих бойцов и стонущим раненым, перемотанным окровавленными, серыми от пыли бинтами, было видно, что совсем рядом идут жестокие кровопролитные бои.

Нас, мальчишек, матери посылали со скромным узелком продуктов к бойцам, понимая, что полевая кухня отстала где-то в пути или попала под бомбежку. Вот и обходились бойцы тем, что смогли принести местные жители, или ловили рыбу и готовили днем уху в землянках, чтобы не привлечь немецких воздушных разведчиков.

Как обычно, я бежал по лесу, засматриваясь то на пернатых, взволновано щебечущих о приближении войны и нервно перелетающих с ветки на ветку, то останавливался у больших муравейников, где насекомые дружно сооружали свои укрепления.

Опушку леса от ближайшего излома траншеи отделяло всего несколько десятков метров. Когда сквозь поредевшие стволы деревьев уже были видны фигуры бойцов, снующих у насыпи ближайшего ко мне дота, я услышал приближающийся рев немецких стервятников. Свист пулеметной очереди и разрыв первой бомбы на опушке леса притянул меня к земле. Земля вздрагивала и звенела от пулеметных разрывных пуль. Сквозь пыльный занавес, ветки и листья, отсеченные осколками бомб, сыпалась на мое тело. Комья вырванной земли колошматили меня без передышки. Я не мог поднять головы. Когда разрывы перенеслись вглубь донской степи, я почувствовал под собой сырость. Это перевернутый кувшин с молоком выливал содержимое на мою рубаху и

штаны. Приподняв кувшин, в котором оставалось не более половины молока, я взглянул на траншею, где были видны перемещающиеся каски красноармейцев. Десятки «юнкерсов» продолжали атаковать дальние окопы, а от Дона вверх ползли десятки немецких танков. Я насчитал более двадцати восьми машин, когда послышался свист, и рядом с дотом разорвался первый снаряд. За танками медленно тянулись бронетранспортеры с черными крестами, и бежали вражеские солдаты. Нам в школе пришедший с войны однорукий учитель русского языка Николай Иванович рассказывал, что воевал с «коричневой чумой», так он называл фашистов. Эти солдаты были с серой форме.

Когда вражеские танки повернули вглубь степи, и вражеская пехота развернулась цепями за своими железными монстрами, из дота ударил наш пулемёт. Какой отважный стрелок, подумал я, когда серые фигурки стали сыпаться в степи, как осенние орехи в саду у деда Григория. Они что-то вскрикивали, падали и навечно замирали на донской земле, другие прятались за холмиками и складками степи и вели огонь из винтовок и автоматов в сторону дота. Несколько танков повернули по направлению к доту, открыв бесперебойный огонь по траншее и пулеметчику.

В траншее вздрогнул ствол длинного ружья, и ближайший танк завертелся на месте. После второго выстрела задымил сначала белым, потом густым черным дымом. Два монстра, обойдя подбитый танк, низовьем небольшой балки направились в сторону опушки леса.

Я уже опасался, что немцы увидели меня и хотят раздавить, думая, что я солдат. Но, видимо, они хотели обойти дот. Один танк бронебойщики подбили у самой опушки леса, второй повернул назад. Воспользовавшись передышкой, я поднялся и принялся собирать наполовину передавленный своим телом обед бойцов. Сырые яйца были подавленны, молока осталось полкувшина, хлеб и немного бабкиного сала, которое она хранила на черный день. Видимо, этот день пришел.

Пройдя несколько метров, я услышал знакомый рев приближающихся вражеских самолетов, и бросился бежать к траншее, чтобы донести хоть часть продуктов смелым бойцам.

Но «юнкерсы» так и не дали достигнуть траншеи, и я укрылся в воронке у последнего дерева на опушке леска. Около часа фашист смешивал все живое со степной землёй. После налёта гудела голова, тряслись ноги, ныло всё тело. Кровь, смешавшись с пылью, струилась серыми струйками из расцарапанных коленок, я практически ничего не слышал. Единственное, что я увидел, это бесстрашного пулеметчика на бруствере траншеи, который поливал огнём наступающих фашистов. Три танка обходили его с двух сторон, длинное ружьё бронебойщиков валялось изуродованным за траншеей, несколько бойцов вели ружейный огонь.

Выстрел, облако дыма и всполохи огня в окопе, часть человеческой руки упали недалеко от меня, тлела обожженная гимнастерка. Меня стошнило. Я невольно заплакал и сжался в комок. Было страшно и одиноко, меня засыпало землей после каждого разрыва вражеских снарядов у дота. Сколько продолжался бой, я не знаю.

Когда стрекот немецких пулемётов и разрывы танковых снарядов стали реже, я осмелился выглянуть из воронки. Между мной и дотом лежали два раздавленных танком бойца, рядом горел немецкий танк. Внезапно послышался отдаленный знакомый стрекот пулемета. Да! Это наш отважный пулеметчик вел бой из траншеи. Немцы заходили на его позицию подковой, он был почти окружен и перемещался с пулемётом по траншее. Враги не могли поднять головы, и лишь изредка какой-то немецкий солдат, пытаясь броситься с гранатой к окопу, мгновенно находил свою смерть. Следом слышался разрыв немецкой колотушки.

«А я так и не донес этому пулеметчику обед...», — на глаза невольно накатились слезы.

Почти час пулеметчик, меняя позиции, вел прицельный огонь из своего Дегтярёва. Потом на позицию отважного воина вышли два вражеских танка и стали обходить его с двух сторон. Смелый красноармеец не растерялся, он пополз по полуразрушенной траншее к ближайшему танку и поразил его гранатой, а следом открыл огонь по спасающимся танкистам и вражеской пехоте.

Но другой танк почти в упор выстрелил по позиции красноармейца. Наступила звенящая тишина, даже немцы боялись под-

няться в атаку, они что-то громко кричали друг другу. Танк остановился в нескольких метрах от пулеметчика, открылся люк, и из него показался фашистский танкист. Раздался выстрел, и танкист упал в башню танка. Махина тронулась на героя, раздался страшный нечеловеческий крик. Закрыв глаза и уши, я упал на дно воронки. Меня затрясло в лихорадке. Мне казалось, что скрежет вражеской махины, перемалывающий кости героя, и этот скрежет и крик умирающего красноармейца у меня внутри головы. В следующее мгновение вздрогнула земля, и я невольно выглянул из воронки. Из открытого люка танка валил черный дым.

Кто он был, этот герой-пулеметчик, не отступивший от коричнево-серой чумы? Кто он, давший бой целой армии фашистов?

Немцы бегали вокруг горящего мертвого зверя и пытались заглянуть под гусеницы, стреляли под танк, один фашист даже бросил гранату. Они всё ещё боялись, что пулеметчик жив и даст им отпор. Но пулемет молчал...

Когда я, оглушенный, шатаясь, вошел под вечер в дом, мать почему-то не кричала, как обычно после наших мальчишеских проказ, а кинулась ко мне и, упав на колени, обняла мои исцарапанные в кровь ноги в изорванных штанах и стала причитать и плакать. А бабушка, увидев меня, стала молиться. Покосившись в сторону зеркала, я увидел себя. Нет, это был не Сашкасорвиголова, как меня прозвали на хуторе. Это было пыльное, лохматое огородное пугало в окровавленной рубашке с одним рукавом и в изодранных в лохмотья штанах. Только вот такого количества ссадин и синяков у меня не было даже после драки. Потом мама с бабушкой кинулись меня переодевать, купать и расспрашивать, но я почти ничего не слышал. Крик пулеметчика, скрежет немецкого монстра и шум боя стояли у меня в голове. Я мечтал об одном, чтобы поскорее уснуть, а утром, когда проснусь, всё, что я увидел, оказалось бы просто страшным сном.

Но настало утро и первое, что я услышал, была немецкая речь, взволнованное кудахтанье кур, визг поросят, женские крики и стрельбу на окраине хутора.

Война пришла на донскую землю...

Не зря говорят, что на войне каждый день — подвиг! И действительно, независимо от того, какое задание выполнил тот или иной боец или командир, в боевой обстановке или сумел мобилизовать граждан на обеспечение эвакуации обороудования, техники, людей, строительство оборонительных рубежей — это уже шаг к Победе над вероломным врагом, а, следовательно, — подвиг! Как расценивали подвиги и какую степень им придавали гражданское руководство и командиры, это уже другой вопрос.

В архивных документах нередко попадаются сводки и донесения о героической обороне при отступлении Красной армии, где подвиги чаще не учитывались, — их считали за выполнение воинского долга. Подобные случаи оставления героев без наград были и в период доблестного удержания городов, огневых рубежей и при победоносных наступлениях.

В июле 1942-го

Группа молодых летчиков обороняла донские переправы в июле 1942 года, но, как я уже упоминал выше, об их героических действиях остались скудные архивные данные да рассказы очевидцев – детей войны.

По рассказам очевидцев и архивным документам, в Константиновском и Николаевском июльском небе 1942-го наши советские соколы вели ожесточенные бои с воздушным противником. Более двух десятков советских машин было сбито в неравном бою, многие летчики вернулись в свои части, но были и те герои, чьи останки до сих пор покоятся в донской степи...

Самолёт И-16

Свидетелями воздушных боёв были подростки военных лет: Павел Чеботарёв и Николай Краснянский.

По рассказам Чеботарёва, один из отважных летчиков И-16 вел неравный бой над Константиновской переправой с вражеским воздушным разведчиком. Краснянский видел неравный бой маленького истребителя И-16 с вражескими воздушными машина-

ми над Северским Донцом. В обоих боях советские истребители подбили по одной вражеской машине, но и сами погибли. Два летчика И-16 посадили свои машины за поселком Константиновским. По воспоминаниям очевидцев, оба летчика были мертвы. Очевидно, авиаторы умерли от ран после посадки своих машин. Хоронили их жители. Так как в эти дни константиновская земля была оккупирована врагом, где находятся их могилы, до сих пор не известно. Но даже по прошествии стольких лет родственники погибших продолжают разыскивать места гибели и могилы героев.

Москвич, младший лейтенант Назарьянц Дмитрий Степанович командир звена 68-го истребительного авиаполка (И-16) погиб у поселка Константиновского 21 июля 1942 года. Захоронен местными жителями.

Д.С. Назарьянц

Его сослуживец, украинец, старший лейтенант Девятко Степан Антонович, заместитель командира эскадрильи 68-го ИАП, был убит в воздушном бою у ст. Николаевской.

Судя по истории 68-го авиаполка, 20 машин И-16 входили в состав 238-й штурмовой дивизии 4-й воздушной армии Южного фронта, которая прикрывала донские переправы, в том числе Константиновскую и Николаевскую, до 19 июля 1942 года. Впоследствии 4-я ВА вела уничтожение противника на той же территории вплоть до последних чисел июля.

Три самолёта По-2 были сбиты в двадцатых числах июля. Один – у хутора Савельева. Могила авиатора оказалась забытой, найти её нам не удалось.

. Из воспоминаний Макаровой Александры Михайловны:

«Видим, закувыркался наш самолет и упал на поле. Нас было человек семь, мы побежали к самолёту, а там уже нем-цы. Они говорят :«Нихт», нельзя, завтра придёте.

Мы пришли утром. Крылья у самолета оторвались, рядом лежит весь перебитый летчик. Наша звеньевая Ольга Аверьяновна Костромина проверила карманы авиатора, документов нет. Сорвали с крыльев самолёта ткань, обернули ею погибшего и похоронили здесь же, в лесопосадке».

«Один сбитый самолет у х. Вербовского охраняли подростки, в том числе Авдеев Павел Селиверстович. Они по очереди дежурили по ночам. Когда пришел немец, начался обстрел амбара, где прятались охранники-подростки. Одного дежурного немцы ранили разрывной пулей, у него началось заражение крови, и он умер...» Рабичев Иван Селиверстович.

Один самолет упал около колхозных огородов, за ст. Николаевской, в восточной стороне Белужьего урочища. Судя по воспоминаниям жителей станицы, самолет приземлился, но летчик был мертв. Летчика захоронили местные жители.

Сегодня старожилы вспоминают, что была и изгородь, и памятный знак.

«Находила недалеко от Белужьего леса могилу летчика в 1949 г. Был небольшой холмик, и я поставила из веток крест. Первый раз эту могилу нашли в 1946 году». Жеребкова Зоя Ивановна.

«Помню, как один советский самолёт упал в Белужий лес, где сейчас верхний. При отступлении один истребитель ремонтировали около школы, ремонтом занимались военные.

Я помню, как к переправе немцы гнали много красноармейцев, они были все в изорванных гимнастерках и грязные. Полицай Шелестов в лесу расстреливал пленных красноармейцев. Много красноармейцев погибло у переправы, их там же и захоронили...» Родионов Михаил Иванович.

В перестройку развалилось колхозное хозяйство, прежние колхозные огороды заросли камышом и кустарником, зарос и могильный холм, сравнявшись с местным ландшафтом.

По воспоминаниям старожилов, ещё в 1980-е годы с могилы украли изгородь. В последующие годы о могиле вообще забыли...

Третий самолет По-2 упал у Константиновской переправы 22 июня, имя погибшего нашли в архивах МО РФ. Летчика Шкляева Е.А. похоронили местные жители. Точное место захоронения неизвестно. Его имя занесено поисковиками на памятные плиты мемориала у «Вечного огня» г. Константиновска.

Осенью 2017 года, благодаря воспоминаниям жителей ст.Николаевской, поисковикам удалось найти очередное место падения советского самолета И-15-бис, сбитого в том же июле 1942 года.

«...Мой дед, Ермаков Михаил Васильевич, рассказывал, что в 20-х числах июля 1942 года, в районе станицы два подбитых советских самолета ушли в сторону Белужьего урочища. Один летчик вышел к переправе и ушёл с отступающими частями Красной Армии на левый берег Дона».

Гончар Петр Васильевич, житель ст. Николаевской.

Из воспоминаний Сапунова Леонида Александровича:

«...В 20-х числах июля 1942 года дед Шепелева Олега видел, как горящий советский самолёт упал в пойме Дона, сегод-

ня это — урочище Белужьго леса. Дед вспоминал, что самолет летел со стороны ст. Мариинской. Рассказывал, что нашел воронку, заполненную водой, в которой плавало тело погибшего пилота. Об этом случае он неоднократно рассказывал своему внуку Олегу уже после войны.

...В 60-е годы Олег предложил мне и Борисенко Анатолию найти место падения самолёта. На месте падения машины росли молодые деревца лесопосадки. Нашли воронку и начали копать подручными средствами. Попадалось много патронов, пулемётных лент. Нашли алюминиевую лопасть винта, пустую кобуру, согнутый пулемёт и останки летчика. Значит, дед не обманул. Лопасть винта оказалась тяжёлой, и мы бросили её на полпути. Придя домой, я рассказал о находках своей бабушке. Она сказал, что негоже лежать в лесу останкам героя и предложила похоронить их во время перезахоронения останков, привезённых из братской могилы х. Вербовского».

Из воспоминаний Острянского Михаила Васильевича и Рускова Николая Петровича:

«В 80-е годы на месте падения самолёта мы находили много патронов и гильз, пулемётные ленты. Всё это было в воронке, рядом с озером, в пойме Белужьего леса. Нашли алюминиевую лопасть от воздушного винта самолета и принесли её в станицу. Пилили её для изготовления хлопушек. Потом ктото из взрослых забрал её от греха подальше и куда-то выбросил...»

А дальше начинаются загадки и вопросы.

Судя по оперативным сводкам авиадивизий, в 20-е числа июля 1942 года были потеряны десятки советских самолётов, как при защите отступающих войск и обороне Донского рубежа, так и при уничтожении вражеских переправ. Одна из таких переправ находилась в километре от упавшего самолёта.

Два года длился поиск места гибели летчика. На месте падения самолёта поисковиками были найдены разорванные и обгоревшие детали двигателя, обшивки и панели приборов, в том числе шильда с картера двигателя и номерные детали, а также пряжки ремней и заклёпки от парашютной сумки, разорванная, обгоревшая стропа, ремень от планшета, часть кобуры, разорвавшиеся пулемётные патроны...

Шильда двигателя М-25В самолёта И-15-бис

Просмотрев детали самолёта и архивные документы архива МО РФ, можно сделать определённые выводы:

Согласно ссылок на донесения летчиков Люфтваффе, заявкам на сбитые самолёты 25.07.1942 года:

Реш Рудольф 6/JG521 I-153 18 842: at 1500m 8:00 Реш Рудольф 6/JG521 I-16 18 391:at 600 m 8:21

В переводе с немецкого: пилотом Рудольф Реш 52-й (ЈС) истребительной эскадры, (в которой летчики летали исключительно на Messerschmitt Bf109E) сбит советский самолёт И-16 на отметке 18 391 на высоте 600 метров в 8 часов 21 мин. (по берлинскому времени). Место боя: юго-западнее в 2-3 км от места нахождения сбитой машины И-15-бис.

Судя по данным ряда источников, 52-я немецкая истребительная эскадра — это эскадра Люфтваффе, добившаяся наибольших успехов во Второй мировой войне, в которой служили знаменитые «асы», на счету которых были сотни сбитых машин противника. Хотя в ряде источников упоминается, что немецкие летчики «асами» себя не называли.

Лётчики Люфтваффе вспоминали, что подготовка советских летчиков в то время была значительная хуже, чем у них, и советские истребители начального периода войны, в 1941-1942 годах, не могли на равных конкурировать с новой модификацией истребителя Bf.109-F.

В середине июля 1942 на вооружение эскадры стала поступать новая модель Мессершмитта — Bf-109 серии G. В это время части вермахта на южном участке фронта начали наступление на Кавказ, что значительно расширило зону ответственности эскадры. Для того, чтобы эффективно выполнять прикрытие наземных войск на столь протяженном фронте, была принята схема быстрого реагирования. Одна из групп эскадры JG52 оперативно перебрасывалась на наиболее угрожаемый участок фронта от Керчи до Москвы. Непрерывно участвуя в боях, пилоты группы к сентябрю 1942 записали на свой счет 700 самолетов противника.

Герой Советского Союза, участник Отечественной войны, кандидат технических наук летчик-испытатель Александр Щербаков обращает внимание, что немецкие асы претендуют на 50 тыс. сбитых советских самолетов. Если учесть, что боевые потери ВВС РККА реально составили 49,5 тыс. самолетов, из которых около трети можно отнести на счет зенитной артиллерии немцев, то при условии, что на долю асов обычно приходилась половина всех воздушных побед, реально немецкие асы могли одержать их не более 16-17 тысяч.

Подобное фашистское враньё на фронте называли «шейная чесотка» немецких асов. Да и в других источниках, как и в воспоминаниях самих летчиков Люфтваффе, часто упоминается, что большинство асов болели «шейной чесоткой», то есть старались записать себе круглые цифры побед.

Рудольф Реш

В материалах военного историка М.В. Зефирова «Кто есть кто» упоминается, что Рудольф Реш совершил удачный вылет утром 25 июля, в ходе которого сбил три советских самолета: И-153, И-16 и ЛаГГ-3, достигнув рубежа в 40 побед, за что 27 июля гауптмана Реша наградили германским Крестом в золоте.

Поисковики ПО «Донской» обратились за помощью на сайты и к опытным поисковикам. Нам ответили:

«Номера найденных деталей характерны для типа самолета И-15-бис... Наличие нескольких номеров говорит о том, что самолет был ремонтный и на нем могут стоять детали с самых разных машин».

«Полностью согласен с вашим предположением, что детали принадлежат самолету И-15-бис. Считаю, что вы на правильном пути. Ищите потери в нужный период. Удачи!». Москва.

«25.7.1942 г. 590-й шап потерял 3 самолета при выполнении боевого задания в районе ст. Николаевской.

9.45. И-153 с мотором М-63, л-т Мильто, сбит ИА, упал в р-не Дубенцовская.

9.45. И-15-бис № 3781 с мотором М-25В №1915805 сбит Ме-109ф и упал в р-не Дубенцовская.

9.45. И-15-бис № 4157 с мотором М-25В №19115338, к-н Попов, сбит ИА, ушел дымящий со снижением, курсом на ЮГ! Мотор М-25В № 19115338 выпущен 24.2.1941».

Оперативная сводка № 67 штаба 230-й шад от 25.7.1942 г.:

«590-й шап в течение дня произвел 25 самолетовылетов. Из них по мотомехчастям противника в районе Пирожок, Денисов, Константиновская, Николаевская, и одновременно вели разведку в районе действия 16 И-15-бис.

В 9.45. 7 И-15-бис и 4 И-153 из района Николаевская были сильно обстреляны огнем ЗА и ЗП противника. Группа, произведя противозенитный маневр, рассредоточилась и продолжала полет к цели. В это время группу атаковали 6 МЕ-109ф. Воздушный бой происходил между 7 И-15бис и 4 МЕ-109ф.

В результате воздушного боя, предположительно, сбито 2 И-15бис (капитан Попов Виктор Алексеевич, лейтенант Мильто Александр Павлович)».

По документам ЦАМО (№ 51398269) лейтенант Мильто сбит в районе х. Дубенцов Цимлянского р-на.

На И-15 устанавливались моторы M-22 и M-25A, на И-15 бис – M-25B.

Все эти доводы позволили прийти к единому мнению, что сбитый самолёт бесспорно И-15-бис. Судя по военным донесениям, в июле 1942 года у ст. Николаевской сбит единственный И-15-бис летчика капитана Попова В.А.

Из собранных материалов поисковиками ростовского клуба «Память-Поиск» о героическом летчике, тридцатипятилетнем капитане Попове Викторе Алексеевиче:

«Уроженец Саратовской области, заместитель командира эскадрильи 590-го штурмового авиаполка 230-й штурмовой авиадивизии 4-й Воздушной армии. Совершил многочисленные успешные боевые вылеты на территории Ростовской области.

Один день из боевой жизни этого летчика:

«...За 3 вылета 12 октября 1941 года в районе хутора Мокро-Сарматский был дважды обстрелян зенитной батареей противника. В самолете было 30 пробоин. Вел воздушный бой с четырьмя самолетами противника Ме-109 и, несмотря на то, что был один против 4-х, вступил в бой, из которого вышел невредимым».

В ноябре 1941 г. был представлен командиром полка майором Телегиным и военкомом старшим политруком Воронцовым к ордену Красного Знамени, а в декабре — к ордену Ленина. Но командиром дивизии подполковником Белицким и военкомом дивизии полковым комиссаром Мачневым награда понижена до ордена Красного Знамени.

В феврале 1942 года Попов представлен командиром полка майором Соколовым и военкомом старшим политруком Воронцовым к званию Героя Советского Союза. На этот раз командир и военком дивизии поддержали представление, но командующий ВВС 56-й армии генерал-майор авиации Скоблик понизил награду до ордена Ленина». Орден вручён в мае 1942 года.

В июле 1942 года Попов пропал без вести – не возвратился с боевого задания на самолете И-15-бис».

(22 мая 1942 года 590-й иап был переименован в 590-й шап с подчинением 230-й шад).

Много металлических деталей самолёта, найденных поисковиками, были гнутые и разорванные, рассеянные на площади более 2000 кв.м. Детали двигателя со следами сажи и расплавленного дюраля лежали на глубине до 1 м. Это подтверждает, что машина взорвалась. Судя по уцелевшему телу летчика, взорвалась после падения, возможно на своей же бомбе, закреплённой под левым крылом. Вторая бомба (правого крыла) найдена и обезврежена службой МЧС во время поисковых работ.

Крупных деталей машины не обнаружено. Это и понятно, рядом шла бойкая просёлочная дорога на колхозные огороды. Крупные части самолёта постепенно растаскивались местными жителями.

Останки Попова Виктора Алексеевича были обнаружены подростками и перезахоронены в 70-е годы в братскую могилу ст. Николаевской, как неизвестного...

В 20-30 метрах найдены несколько стреляных гильз от немецкого карабина (Маузер-98).

Вывод напрашивается сам собой. Судя по небольшому расстоянию от вражеской переправы (в 1 км), горящий самолёт упал у озера. Лётчик, возможно раненный, вёл машину в урочище Дона с целью посадить в заросли у воды, сбить

Попов Виктор Алексеевич

пламя. Он был жив, но самолёт потушить не получилось. Пилот отполз от машины до взрыва, судя по найденным пряжкам, клёпкам от парашютной сумки и стропе (в 10 м от воронки) и воспоминаниям свидетелей, что тело было целым и плавало в воронке, заполненной водой из озера. Очевидно, что после взрыва бомбы его нашли немцы, скорее всего, из охранной (комендантской) части переправы и застрелили, а тело сбросили в воронку.

В декабре 2017 года мы получили из МО РФ архивную справку за №11/22617. Согласно этой справке, «капитан Попов В.А. на самолёте И-15-бис выполнял боевое задание в районе Дубенцовская». В журнале лётных происшествий 590-го штурмового авиационного полка за май-август 1942 года записано: «25.07.1942 года, 9.45-9.50 (время), группа самолётов 7 И-15-б под прикрытием 4 И-153 (из них 3 И-153 от 889 САП), выполняла боевое задание в районе ст. Николаевская на Н=1200-1500 м. В районе цели прикрывающих И-153 атаковали 2 МЕ-109ф, а группу И-15-бис атаковали 4 МЕ-109ф. В результате боя были сбиты: И-15-бис, пилотируемый старшиной Завражным, И-153, пилотируемый лейтенантом Мильто, И-15, пилотируемый ст. лейтенантом Шелкуновым (889 САП). И-15-бис, пи-

лотируемый капитаном Поповым, был подбит и дымящимся пошёл со снижением с курсом на Юг. Сбитые самолёты 1 И15-бис и 2 И-153 упали в районе Будённовская».

«Старшина Завражный — погиб, лейтенант Мильто — погиб, старший лейтенант Шелкунов — погиб, капитан Попов — пропал без вести.1 И-15-бис сгорел, 2 И-153 сгорели, 1 И-15 бис произвёл посадку неизвестно где».

(Основание ЦА МО РФ, оп. 224805-с, д. 1, л. 6-7).

26 ноября 2017 года, поисковиками ПО «Донской» им. А. Калинина в ст.Николаевской была установлена памятная плита герою донского неба июля 1942 г.

Благодаря Оксане Муха (г. Москва), нам удалось получить фотографию героя. А благодаря выпускам передач телерадио-компаниям Дон TP найти родственников Попова В.А.

Поисковики знали, что в семье капитана Попова Виктора Алексеевича было два ребёнка и жена Кондакова Валентина Константиновна. Последнее место проживание семьи было указано г.Ворошиловск. Но куда выбыла семья в период оккупации, оставалось вопросом времени, на которое ушло целый год.

Кондакова В.К. и Попов В.А.

Оказалось, что у семьи капитана Попова В.А. сложилась нелёгкая судьба.

Валентина Константиновна — уроженка Саратовской области, меняла место жительства, проживая в с. Скоморохи Житомирской области, в г. Сочи, в г. Ворошиловске (Ставрополь). В эти годы потеряла старшую дочь. После эвакуации проживала с младшей дочерью Ларисой в с. Китаевское Новоселецкого района Ставропольского края. А в апреле 1943 года в 21 год умерла от болезни. Очевидно, по этой причине поисковики долгое время не могли найти ускользающую нить поиска родственников героя.

После смерти мамы, Лариса воспитывалась в семье Сидельниковых, Ксении Кирилловны и Семёна Егоровича, воевавшего на фронтах войны, участника освобождения Крыма.

После окончания войны переехали в ст. Александровскую Ставропольского края. После окончания школы Лариса училась в г. Ессентуки, г. Кисловодске. Работала в Азербайджанской ССР, где вышла замуж. В 1965 году переехала на постоянное место жительства в г. Севастополь. Но всю жизнь в семье Поповых (Гуриных) хранились фотографии и вырезки из фронтовых газет.

Последний полет

Бои на Дону, У кавказских границ. Проклятый фашист Над Донщиной навис.

Заданье комэскам: «Всем видам полков Бомбить, бить фашиста И ночью, и днём!

Бомбить переправы И броды реки, Колонны врагов Чтоб пройти не смогли!

Не дать им пройти На Кавказ, в Сталинград. Обрушить на них Огнедышащий град!..»

Ушли все на штурм Самолёты «ИЛ-ы», Что бомбы фашистам В «подарок» несли.

Сорвались с небес Семь фашистских Bf, И вздрогнул от взрывов В урочище лес!

…Лежал, догорал Самолёт у реки. Не сразу героя Нашли старики.

С последним патроном Не сдался герой... У табора бабий Послышался вой.

Кругом рыщет враг – Растерзают орла! Могилою стали Камыш да листва...

Проносятся годы, Пройдут времена, – Поднимется вновь Из руин вся страна.

Останки героя Найдёт детвора: Две лопасти Биса И части крыла.

Герой не известен, Как сотни имён, Кто пал здесь навечно, – Им низкий поклон!

Но поиск начнут Через семьдесят лет – Вот имя Героя Воздушных побед!

Виктор Попов, капитан, командир эскадрильи 590-го ШАП

2017 г.

Из числа ушедших на фронт земляков Константиновского и Николаевского районов, немало было авиаторов, как о них отзывались их сослуживцы, летчиков «от Бога». Мало кому удалось пройти огненные годы войны и вернуться домой.

О героических боях Героя Советского Союза замполита 155-го гвардейского штурмового Киевского Краснознаменного авиационного полка гвардии полковника Мельникова Сергея Фроловича, уроженца х. Кондакова знают многие.

О геройских сражениях полного кавалера орденов Славы гвардии сержанта воздушного стрелка 136-го гвардейского штурмового полка Радченко Ивана Семёновича, призванного в феврале 1943 года Николаевским РВК, узнали только в 2000-х годах благодаря Александру Кошманову.

В 2015 году стало известно о подвигах летчика Н.М. Матвеева.

Житель п. Константиновского, учащийся КСШ № 25, Матвеев Николай Митрофанович, уроженец ст. Усть-Быстрянской, ушел в 1941 году добровольцем на фронт. В июне 1942 года принял участие в боевых действиях. Произвел 154 вылета, из которых 26 на прикрытие торпедоносцев Северного Флота. На счету авиатора на британском самолете Харрикейн:

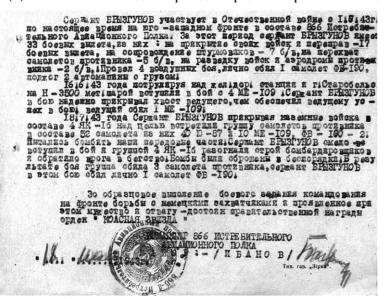
- в мае 1943 подбит ФБ-190;
- в мае 1944 сбит очередной вражеский истребитель Фоккё-Вульф FW-190.

3 июля 1944 года награждён орденом Красного Знамени. Старший летчик 3-го АЭ 2-го ГКАП им.Сафонова 6-й ИАД ВВС СФ гвардии лейтенант Матвеев Н.М. погиб 21 июля 1944 года в районе г. Киркенеса, в северо-восточной части Норвегии.

Харрикейн [14]

Ростовские поисковики нашли сведения ещё об одном нашем земляке-летчике. Это младший лейтенант, авиатор 866-го истребительного авиаполка 288-й истребительной авиадивизии 17-й воздушной армии Брызгунов Алексей Прокофьевич, 1918 года рождения. Проживал в п. Константиновском на ул. Карташова, дом № 64, был призван Константиновским РВК в 1940 г., чл. ВКП(б). 24 июля 1943 года награждён орденом Красной Звезды.

23 октября 1943 года, в ходе Днепропетровской наступательной операции, Брызгунов А.П. не вернулся с боевого задания из района Беленское — Михайловка — Васильевка, Запорожской области.

Из журнала боевых действий 288-й истребительной авиадивизии:

«...В 14 час. 42 мин. не вернулся из разведки мл. лейтенант Брызгунов, по докладу ведущего: «...утерялся при выводе из пикирования, ушел на снижение на восток в район Ореховский...»

Список побед мл. л-та А.П. Брызгунова:

18.07.1943 г. – истребитель ФВ-190; севернее Петрополье; 22.07.1943 г. – бомбардировщик Ю-87; южнее Синичино;

28.07.1943 г. – истребитель МЕ-109; восточней Курулька-1;

24.08.1943 г. – истребитель МЕ-109; южнее Долгенькая;

27.09.1943 г. – истребитель МЕ-109; южнее Щербаковка;

11.10.1943 г. – бомбардировщик Ю-87; Мокрая;

14.10.1943 г. – бомбардировщик Ю-87; западне о. Хортица. [12]

Возможно, кто-то, прочитав эти скупые строки, узнает в них своего родственника, геройского летчика Алексея Прокофьевича Брызгунова.

Памятник советским летчикам, освобождавшим Запорожье

Ф. Н. Растороцкий, политрук 156-й СД

Растороцкий Федор Никандрович, уроженец Воронежской области, с шестнадцатилетнего возраста начал свою трудовую деятельность учеником слесаря Лисковского депо Юго-Восточной железной дороги. Проработав помощником машиниста и машинистом, поступил в воронежский вуз. После окончания вуза окончил московские курсы красных профсоюзов. В 1934 году направлен ЦК ВКП(б) парторгом в депо города Елец, московской жд, в 1936 году переведён парторгом в депо в г. Владимир.

В дальнейшем его биография прерывается на три года. Что произошло за три года, выпавших из биографии Растороцкого, нам удалось узнать из документов семейного архива.

В 1937 году Федора Никандровича арестовали по доносу «за антисоветскую агитацию». Его жена, Аллилуева Таисия Алексеевна, умерла при родах вместе с третьим ребёнком в новогоднюю ночь 1 января 1938 года, в Нижнем Новгороде, из-за отсутствия медицинской помощи. Старших двоих детей разобрали родственники...

С 1939 года работает помощником начальника паровозной службы Горьковской железной дороги. 1940 год — курсы Ивановской военной политшколы. В 1941 году направлен райвоенкоматом на фронт по линии ВКП(б). После курсов военного политучилища, в апреле 1942 года направлен старшим инструктором политотдела 156-й стрелковой дивизии 51-й Армии — той самой дивизии, которая защищала донскую землю от фашистских полчищ в июле 1942 года. Бойцы и командиры этой дивизии стояли

насмерть до 28 июля на левом берегу Дона у посёлка Константиновского.

В июле 1942 года 156-я стрелковая дивизия удерживает оборону на Донском рубеже против немецких танковых и моторизованных дивизий. В эти тяжёлые дни обороны дивизия переходит из подчинения 51-й армии в подчинение 37-й армии. Нехватка снарядов и мин для орудий и миномётов, недостаток инженерных оборонительных сооружений, отсутствие минных полей способствуют прорыву немецких частей на левый берег Дона. Взят Ростов, враг рвётся на Кавказ и Сталинград, враг ежедневно, по нескольку раз в день, пытается форсировать левый берег, но воины 156-й дивизии продолжают удерживать оборону. Не так просто под огнём противника покинуть место обороны, без должной тягловой силы вывести орудия.

Из объяснительной Растороцкого сотруднику СМЕРШа спецлагеря № 174: «28 июля 42 года 156-я дивизия снялась у ст. Константиновской и отходила через Маныч, связи не было. При переправе дивизия была разбита.

1 августа 42 г., я, с группой бойцов и командиров, пошёл из окружения на Кавказ. На протяжении 140 дней, сначала ночами, потом переодевшись, мы двигались за фронтом. Последний раз пытались прорваться через линию обороны противника у Армавирской железной дороги. Но ввиду сильной плотности обороны противника и ослабших бойцов вынуждены были оставить свою попытку. У ст. Ильинская закопали свои документы и документы политотдела, сменив имена, устроились на работу, смешавшись с местными жителями...»

Дальше Фёдор Никандрович описывает, как несколько раз они, окруженцы, собирали диверсионные отряда из местных жителей и военнопленных, рвали вражеские линии связи, распространяли листовки, организовывали саботажи на промышленных и строительных объектах оккупантов.

В августе 1943 г., во время облавы, Растороцкий был схвачен, и с группой местных мужчин отправлен в Джанкойский лагерь в Крыму. В январе 1944 г. по состоянию здоровья переведён в Севастопольский лагерь, в августе 1944 года освобождён войсками

2-й Гвардейской Армии. После прохождения проверки, в декабре 44 г. направлен в 10-й запасной полк 2-й Гв. Армии.

В январе 1945 года Растороцкий напишет своей семье:

«Здравствуй, моя дорогая, моя милая дочка!

По некоторым обстоятельствам я не мог писать тебе письма, но теперь могу писать регулярно, так как нахожусь в другой части и на днях выезжаю на фронт...»

3 марта 1945 года стрелок 28-й отдельного штурмового батальона Растороцкий Фёдор Никандрович погиб в боях за освобождение Латвии.

В 1941 году 17-летний сын Растоцкого Владимир сбежал на фронт и был участником штурма Берлина. Дочь Евгения в 1944 году уехала восстанавливать разрушенную войной Украину...

О некоторых героях июля 1942 года и боях на Донщине написано в предыдущих моих книгах — «На Донском рубеже» и «Я погиб на Донском рубеже». Остаётся лишь добавить, что большая часть событий того времени и многие имена героев боёв у станицы Константиновской остаются нам до сих пор не известны.

Оборона п. Константиновского. Июль 1942 г.

«...Участвуя в Отечественной войне, старший лейтенант Безуглый Павел Николаевич, будучи командиром минбатальона 503-го стрелкового полка 91-й стрелковой дивизии, 51-й Армии, на Южном фронте со своим подразделением принимал бой в районе ст. Константиновской.

17 июля 1942 года, тов. Безуглый, находясь в составе одной роты своего батальона в обороне на левом берегу р. Дон, в районе ст. Константиновской отразил атаку противника, уничтожив до роты пехоты противника.

19 июля, после того, как командир 2-го стрелкового батальона 503-го СП был убит, совместно с помощником комполка организовал оборону ст. Константиновской и с группой бойцов в составе 40 человек удерживал натиск противника, уничтожив в бою 35 автоматчиков противника.

Несмотря на попытку противника окружить группу бойцов, возглавляемых т. Безугловым, своей стойкость и командирской находчивостью сумел вывести бойцов из тяжелого создавшегося положения, уничтожая на своем пути вражеских солдат, где был ранен и контужен. Потерявшего сознание, его вынесели на руках бойцы и отправили в санчасть».

За данные подвиги П.Н. Безуглый в 1944 году представлен к награде медалью «За боевые заслуги». В июле 1945 года награждён орденом «Красная Звезда».

(Из наградного листа).

Военком

Гарматин Алексей Прохорович, 1912 года рождения, уроженец хутора Гусынка (Литвиновского) Белокалитвенского района Ростовской области, в РККА призван в 1938 году Константиновским РВК. Сегодня Ильинское сельское поселение, куда входит хутор Гусынка — это приграничная территория к Усть-Донецкому району. В семилетнем возрасте потеряв мать, а в 1927 году отца, работал чабаном. После окончания 5 классов в местной школе, вступил в колхоз, работал рядовым колхозником, бригадиром. За хорошую работу был направлен в военную школу.

Служба в армии

В 1935 году окончил комсомольское отделение в Высшей коммунистической сельхозшколе им. Сталина в Ростове-на-Дону. В 1936-1937 год работал в Цимлянском райкоме комсомола заведующим отдела пионеров, в 1938 году — в Цимлянском райкоме партии. В этом же году отправлен на переподготовку в

административный запасной состав при Константиновском райвоенкомате.

В августе 1938 года назначается военкомом Семикаракорского районного военного комиссариата. Здесь же проживала его первая жена Фисько Елена Савельевна, её младшая сестра Бугаева Валентина училась в средней школе ст. Семикаракорской.

30 марта 1944 А.П. Гарматин женился второй раз. Супруга, лейтенант медицинской службы Валентина Иосифовна Медюха, с 8 августа 1942 по 16 июня 1943 года была ко-

А.П. Гарматин

мандиром санитарного взвода в 1159-м стрелковом полку 351-й стрелковой дивизии на Северо-Кавказский фронте. Награждена медалью «За боевые заслуги» — за организацию в трудных условиях хорошего ухода за раненными во время боев с 19 по 23 февраля 1943 года за хутора Свистельников и Солодковское.

31 декабря 1939 года Гарматину доверена должность политрука. На этом посту в военкомате он встретил начало войны. Первую боевую награду, Орден Красной Звезды, Алексей Прохорович получает за отличное проведение мобилизации военнообязанных и поставку гужевого и механизированного транспорта для частей Красной Армии, а также обеспечение вывода военнообязанных из Семикаракорского района в июле 1942 года.

В конце 1942 года учился и окончил курсы «Выстрел» при Закфронте по штабному курсу, после чего был направлен в действующую 56-ю Армию, где был ст. адьютантом 1/187 азсп.

В начале 1943 года, после ранения отозван на работу в военкомат и в мае этого же года переведён из Семикаракорска в Ростов-на-Дону на должность военкома Железнодорожного района. 2 июня 1943 года ему присвоено звание капитан.

«Военный комиссар военкомата Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону отлично провел мобилизацию военнообязанных и поставку гужевого и механизированного транспорта для частей Красной Армии. Задания командования выполнил в срок и досрочно. При вынужденном отходе, в июле 1942 года, обеспечил полностью вывод ресурсов военнообязанных из Семикаракорского района. Достоин правительственной награды Ордена «Красная Звезда». Облвоенком Ростовской области.

Так в конце 1943 года были оценены его заслуги перед Родиной в горячем июле 1942 года.

С июня по октябрь 1944 года — военком в Ленинском РВК г. Ростова-на-Дону.

В конце 1944 года Гарматин во второй раз отправится на фронт, откуда уже не вернется. 29 октября 1944 года зачислен в резерв СКВО. 7 января 1945 года — в резерве 3 Армии. В феврале

1945 года убыл в распоряжение начальника отдела кадров 2-Белорусского фронта.

Следующий орден Отечественной войны 2-й степени Алексей Прохорович получил пятого марта 1945 года в должности старшего адъютанта 336-го стрелкового батальона Белостокского полка 5-й стрелковой Орловской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова дивизии, за мужество и отвагу в боях с немецкими захватчиками.

Из наградного листа:

«12 февраля 1945 года противник, при поддержке танков, бронетранспортёров пытался овладеть высотой 79,2. Находясь в одной из рот, капитан Гарматин мужественно и стойко отражал натиск превосходящих сил противника, умело организовывал связь с поддерживающими средствами, отбил нападение врага, нанес противнику потери до 32 убитыми и раненными, удержал занятый рубеж.

За проявленные решительность и смелость, обеспечившие отражения контратаки превосходящей численности и закрепления данного рубежа, капитан Гарматин представлен к награждению орденом «Отечественной войны ІІ степени».

15 марта в боях на территории Восточной Пруссии, при атаке на противника, западнее населённого пункта Кальвальде, Алексей Прохорович был удостоен следующей награды. В этом бою Гарматин, исполняя обязанности командира стрелковой роты, проявил воинское мастерство и исключительное мужество. С началом наступления, когда в соседней роте вышли из строя все офицеры, капитан Гарматин принял командование на себя. Яростно сопротивляясь шквальному пулемётному и артиллерийскому огню, повел две оставшиеся роты на рубеж врага. Первым впереди бойцов ворвался во вражескую оборону в лесу, где в местной схватке уничтожили три немецких пулеметных расчета и 45 гитлеровцев. За проявленное военное мастерство и исключительное мужество представлен к ордену Красного Знамени.

19 марта, при овладении населенным пунктом Вальтерсдорф, где сегодня расположен польский хутор Пенцишево (Pęciszewo), несмотря на сильный вражеский огонь, продвинулся вперёд. Не-

мецкие пулемёты мешали дальнейшему продвижению. Гарматин, организовав огонь ручных пулемётов, уничтожил три немецких пулемёта вместе с расчётами. Ворвавшись в деревню, капитан Гарматин, обойдя сопротивляющуюся группу немцев с двух сторон, силою своих бойцов в ближнем бою истребил до 35 гитлеровцев, чем способствовал выполнению боевой задачи. В этом бою тов. Гарматин героически погиб. Посмертно награждён орденом Отечественной войны 1-й степени. [4]

Вышедшие из ада

Полк Стебалова подходил к очередному донскому хутору, освобожденному днем соседними пехотными подразделениям. Орудия по зимней, местами раскисшей дороге тянули уставшие лошади и подталкивали измученные последними боями артиллеристы. Только два дня назад был мороз под 20 градусов, а сегодня к вечеру — очередная оттепель. В этом, недавно наступившем новом году погода капризничала, испытывая наступающих бойцов артполка то пронизывающими ветрами и скрипучими морозами, то туманами с раскисшими дорогами и гололедицей, как сейчас.

Сапоги промокали и скользили по раскисшему рыхлому верхнему слою снега, валенки становились тяжелее в два-три раза, намокшие полы шинелей прилипали к намокшей же одежде и путались, мешая ускорять шаг к показавшемуся хутору. Кухня с обозом давно отстала, и рассчитывать на полноценный ужин не приходилось.

Темнело. Стебалов выслал вперёд разведчиков, мало ли что может быть. Офицер связи час назад привез данные, что пехотные части уже расположилась на ночлег, а своих разведчиков ещё днем отправили в соседние хутора. Части 315-й СД ушли вперёд и заняли позиции в западных хуторах Трофимове, Крюкове, Горелове и Каменно-Бродском.

В последние дни немцы не оказывали особого сопротивления и потихоньку откатывались к Северскому Донцу. Согласно журнала боевых действий 5-й Ударной Армии, 7 января 258-я стрелковая дивизия вышла к хутору Новороссошанскому, сосе-

ди, гвардейцы 4-й ГСД, вышли к х. Кухтачеву, 315-я стрелковая дивизия продвигается к х. Вифлянцеву.

Многим опытным бойцам и командирам казалось странным, что немец так легко сдает позиции, но усталость, бессонные ночи и нехватка продовольствия, в совокупности с непогодой, притупляли бдительность и боролись с мыслями по поводу происходящего. Хотелось просто согреться и выспаться, не говоря уже о питании.

Командиры и комиссары старались взбодрить бойцов: «Вот видите, враг бежит, осталось ещё немного, а там, через Донец, и Ростов близко. Скоро обогреемся, отдохнём и дальше погоним фрицев!»

Хутор встретил артиллеристов молчанием, кое-где слышался негромкий разговор местных жителей с расквартированными освободителями, да где-то глухо стучал топор, раскалывающий дрова.

Не всем пришлось выспаться в эту ночь. Стебалова одолевало нехорошее предчувствие. Хутор, расположенный в низине у небольшой речушки, с западной стороны закрыт возвышенностью, расположенной к хутору крутым косогором. На южном направлении донскую степь прорезали несколько балок. Места эти пока не изучены, из хутора не проглядываются. Балки позволяют незаметно подойти противнику вплотную к хутору.

Хотя разведка и доложила, что немец ушел далеко на запад, но командир артполка все же решил выкатить несколько орудий за хутор и окопаться, ожидая противника с южной стороны. Ночью немецкая авиация кружила в районе расположения полка и ближних хуторов, видимо, высматривая расположения атакующих частей Красной Армии. Была команда: «Костров не разжигать и соблюдать светомаскировку!» Стервятники улетели ни с чем.

Пасмурное утро встретило артиллеристов и стрелков недобрыми низкими черными тучами и порывами ветра, принесшего снег и мороз. Температура воздуха резко стала снижаться, срывающийся снег усиливался. В минуты затихания ветра с северозападной стороны слышалась канонада боя.

Связисты и разведчики доложили, что противник, в составе нескольких десятков танков и до полка пехоты, атаковал западные хутора и окружил части соседней дивизии. Там идут кровопролитные бои. На горизонте с восточной стороны, по проселочной дороге в северо-восточном направлении, в тыл полка проехали несколько немецких мотоциклистов.

«Странно, – подумал Стебалов. – Откуда они взялись и зачем помчались к нам в тыл? Ведь ещё вчера пехотные полки соседней дивизии прошли теми степями».

Ответ он получил через полчаса, когда с той же стороны раздался нарастающий гул, усиливающийся десятками моторов. Снежная пелена не позволяла просмотреть весь горизонт с восточной стороны. Шум танковых моторов приближался и охватывал уже всю северную и восточную часть степи.

«Что это? Танков у нас в тылу вроде нет? – спросил стоящий рядом старшина Кирсанов, всматриваясь в заснеженную даль. – Да нам бы и сообщили о такой подмоге».

Стебалов отдал команду связистам: «Передать командирам дивизионов: все к орудиям! Второму дивизиону развернуть орудия на северное направление, третьему дивизиону занять оборону на северной окраине хутора. При необходимости выкатить орудия на прямую наводку!»

Комполка выскочил из штаба и в сопровождении адъютанта и двух автоматчиков побежал к восточной части хутора. Но, не пробежав и десятка метров, услышал знакомый вой снарядов и мин. Противник открыл огонь с западной стороны.

«Видимо, из дальнобойных орудий, и где-то поблизости, изза бугра, – из тяжёлых минометов», – предположил комполка.

«Быстро – во второй дивизион! Пусть два орудия развернут на западное направление. Очевидно, враг начнет наступление с запада», – приказал он своему адъютанту Сергееву.

И тут же, как в подтверждение, со стороны бугра ударила пулеметная очередь, взбивая снежный наст вперемежку с мерзлой землей. Стебалов и автоматчики упали в снег. Острые куски снежного покрова больно ударили по лицу комполка, рассекая до крови левую щеку.

«Тяжелым 42-м работает, гад!» — выругался Стебалов, и, приподняв голову, посмотрел на косогор. На бугре стояло несколько немецких бронетранспортеров и несколько десятков мотоциклов с пулеметчиками, часть немцев устанавливали легкие минометы. Из бронемашин высыпали и бежали к хутору немецкие автоматчики, слышался сухой треск немецких ПээМов. Стебалов, не вставая, посмотрел вдоль улицы и увидел впереди бегущего адъютанта, сопровождаемого маленькими серо-белыми фонтанчиками от разрывных пуль немецкого пулеметчика.

«Только бы успел! Где стрелки? Почему не заняли оборону на склоне? Ведь ещё вечером подошли гвардейцы 4-й ГСД», — подумал комполка.

Как только немец перевел огонь на пехотное подразделение красноармейцев, атакующих склон, Стебалов вскочил и в сопровождении автоматчиков побежал к своему штабу. Лавируя между сараями и домами, огородами и садами, припадая к земле, уклоняясь от осколков вражеских мин и снарядов, Стебалов добрался к дому, где раньше был расположен штаб полка. От прежнего дома остались две стены. Посередине дымилась воронка с горящими бревнами и тлеющими останками вещей. Тел убитых людей не было видно.

«Наверно, местные жители успели до боя спрятаться в соседнем погребе, а связисты и начштаба перебрались в другое помещение или блиндаж. Но куда?» – подумал Стебалов.

Спрятавшись за уцелевший сарай, он посмотрел в бинокль в снежную пелену и насчитал более двух десятков идущих с северовосточной стороны немецких бронемашин и танков. Одно орудие было перевернуто, вокруг лежали убитые артиллеристы. Несколько сорокопяток вели огонь прямой наводкой.

«Молодцы соседи! – подумал Стебалов. – Успели закрепиться». На рубеже, у окраины хутора вели огонь из противотанковых ружей несколько огневых точек бойцов пехотных полков. «Откуда у немца такая сила, да ещё из нашего тыла? Неужели прошли ночью? Или проморгали разведчики?» – размышлял Стебалов.

В разгаре боя Стебалов и не заметил, как внезапно налетели стервятники «Юнкерсы». Упав, он ощущал всем телом, как вздра-

гивает земля и с каждым разом хотелось вжаться, врасти в неё, остаться незамеченным для немецких летчиков.

Бомбежка не прекращалась в течение часа. Одни стервятники уходили, другие заходили следом. Короткими перебежками комполка артиллеристов пытался добежать до штаба соседнего стрелкового полка. При очередной перебежке, за небольшим куренем, что-то глухо упало и свалило комполка с ног. Потом настала зловещая тишина. Стебалов с трудом встал, земля кружилась и уходила из-под ног, он потряс головой, но кошмарный навязчивый звон никак не хотел покидать голову. Все тело ныло, словно его побили палками. Оглядевшись вокруг, он увидел, что часть построек превратились в руины. Рядом с ними валялись разбросанные жерди заборов. Два автоматчика лежали убитыми.

За хутором виднелась степь, разрытая воронками от бомб, мин и снарядов. Одно орудие полка разбито прямым попаданием, другое, перекошенное, стоит на краю воронки. Тела погибших стрелков и артиллеристов разбросаны вокруг орудий и окопов. Видимо, бой продолжался и при бомбежке. На поле стояли пять вражеских машин, из трех валил черный дым. Со стороны косогора доносилась глухая перестрелка.

Под ногами задрожала промерзлая земля, в отдалении улицы, с северной стороны, в дыму пожаров показался серо-белый силуэт немецкого среднего танка.

Стебалов никак не мог прийти в себя от недавней бомбежки, в голове продолжало звенеть и ощутимыми толчками пульсировала кровь, которая вытекала из носа и правого уха. Контуженный, в изорванном грязном полушубке, покачиваясь, он еле держался на ногах. Легкий январский ветерок обдувал его рано поседевшую голову. Словно завороженный, он продолжал стоять и смотреть на приближающегося вражеского монстра. Из пушки танка вырвался клуб дыма.

Вдруг рядом, за его спиной, раздался взрыв, от которого его подбросило и больно ударило о землю. Сколько пролежал без сознания, он не помнил. Когда его нашли артиллеристы, уже смеркалось. Бой шел на окраинах хутора.

Приподняв голову, Стебалов увидел впереди, метрах в 100, средний немецкий танк Т- III, с открытым люком на башне, из которого валил едкий дым. Моторная часть танка тоже горела. Несколько санитаров в спешном порядке собирали по улицам хутора раненных и убитых.

В течение дня враг дважды предпринимал атаку по взятию хутора, но каждый раз, теряя танки и бронетранспортеры, откатывался. К вечеру артполк с несколькими орудиями и остатками стрелковых подразделений остались в полном окружении. В ночь противник возобновил атаку, два вражеских танка прошли по крайним улицам хутора и замерли там навечно, подбитые противотанковыми гранатами.

Когда Стебалов пришел в себя, было уже совсем темно, голова гудела, все тело болело и трясло мелким зудом. «Не хватало, ещё простудится», – подумал комполка.

Стебалов дал команду отойти на южную окраину хутора, где можно было незаметно пройти балками и выйти в юговосточном направлении. Он собрал всех оставшихся командиров подразделений и понял, что несколько офицеров полка уже никогда не вернутся с прежних огневых позиций. Удалось связаться со штабом дивизии, поступила команда-разрешение на выход из окружения. Сколько бойцов и младших командиров было убито, кто попал в плен, сколько пропало — сведения были расплывчатыми. Судя по донесениям командиров подразделений, было меньше половины артиллерийского полка и половина соседнего стрелкового полка, оставалось несколько орудий с небольшим количеством снарядов и чудом сохранившиеся несколько лошадей, спрятанных ездовыми в бывшем колхозном коровнике.

Согласно донесений, на 10 января артполк потерял: 300 человек личного состава, из них 46 среднего и 103 младшего командного состава, четырнадцать 76-мм орудий, 152 единицы конского состава.

Но приказ получить одно, а выйти из окружения, да ещё и вывести орудия — совсем другое. В эту же ночь артполк, в сопровождении остатков частей пехотных полков 258-й и 315-й стрелковых дивизий, уходили в южном направлении низовья ближней

балки. В середине шли обозы, отход прикрывали две сорокопятки с ротой автоматчиков, если это можно было назвать ротой.

С рассветом колонна отступающих, пополнившаяся бойцами 4-й гвардейской дивизии, достигла верховьев большой пологой балки. Не успели первые подразделения выйти наверх, как их встретили массированным огнем немецкие пулеметчики и минометчики, расположившиеся в засаде. Следом с трех сторон колонну атаковали немецкие танки и бронетранспортёры с высыпавшейся пехотой. Началась паника: кто-то бросался из стороны в сторону и попадал под перекрестный огонь, кто-то просто падал в снег, зарываясь от этого ужаса. Подводы неслись наперерез орудиям, чтобы скрыться в балке, и перегораживали зону видимости артиллеристам. В таком положении артиллеристам невозможно было развернуть орудия, занять надлежащую оборону, чем и воспользовались немецкие танкисты, давя всё на своём пути. Слышались отдельные команды разных командиров, но общую команду дать никто не мог, все подразделения перемешались.

Часть командиров погибла в первые же минуты боя, и их бойцы рассыпались, кружили и метались по балке в поисках укрытий. Лошади, испуганные взрывами, кидались в разные стороны, перегораживая своими повозками дорогу другим повозкам, пешим бойцам и орудиям. Несколько вражеских танков уже утюжили тыловые и санитарные обозы с ранеными и медиками в отрогах балки. Три бронетранспортера замкнули кольцо окруженных, когда первое орудие лейтенанта Исрапилова произвело прицельный выстрел, подбив вражеский танк. Опомнившиеся бойцы стали занимать оборону и вести прицельный огонь. В верховье балки шли рукопашные бои, но время было потеряно. Немецшел нагло в три шеренги, балку окружили более тридцати танков.

Стебалов приказал все орудия установить на прямую наводку на танковых направлениях противника. У каждого орудия отсутствовал полный расчет артиллеристов, убитых и раненых товарищей заменяли офицеры, минометчики или бойцы из стрелковых подразделений. Три танка шло на орудие, где вместо наводчика сидел Стебалов.

«Подкалиберный, огонь! Снаряд, огонь!», — только и слышались команды комполка.

Первым погиб старший лейтенант Иванников. Это его орудие выстрелило вторым и подбило головной танк, второй они подожгли в 100 метрах и погибли от снаряда третьего. Следом погиб расчет младшего лейтенанта Урзаева — от прямого попадания вражеского снаряда. Гибель остальных расчетов комполка уже не видел. Снаряды для 76-мм орудий кончились. Немецкие танки с пехотой обошли с двух сторон позицию его орудия, и им пришлось отбиваться стрелковым оружием и оставшимися гранатами. Хорошо, что рядом с орудием занял оборону стрелковый взвод лейтенанта Серёгина, двадцатилетнего сибиряка, они и помогли отстоять орудие. Хотя сам Серёгин был смертельно ранен и умер от потери крови.

Старшина Кирсанов погиб от вражеской пули, когда один, оставшись у огневой позиции, рубил фашистов саперной лопат-кой, не подпуская их к орудию. Командир роты Замайлов погиб под танком. Их окружили в низине, где он вел бой прямой наводкой. Когда кончились снаряды, и их осталось пять человек, все 18-19-летние стрелки и артиллеристы, он не захотел губить жизнь молодых ещё ребят и сам пополз к надвигающемуся фашистскому монстру, подорвав его и себя.

Но все же они победили, сохранив жизни другим и сохранив не подбитые орудия ценой больших потерь своих товарищей. Половина орудий, все лошади были потеряны, санитарный обоз разбит и раздавлен. Но и фашист потерял немало убитыми и ранеными. Наши потери были видны по усеянным трупами склонам балки, где было больше тел бойцов и командиров Красной Армии, чем фашистов. В низовьях балки — десятки раздавленных людей, подвод, лошадей и лишь два немецких броневика. Прикрывающее отход колонны подразделение так и не вернулось — очевидно, они отступили в сторону хутора или погибли.

(Это уже в мирные 1980-е годы стало известно, что артиллеристы и разведчики, сложив своих убитых товарищей в штольне местной шахты, дали последний бой на восточной окраине хутора, где их тела потом захоронили местные жители. А останки по-

гибших воинов, оставленных в штольне, нашли подростки, когда после весенних оползней открылся вход в старую шахту).

Стебалов присел на разбитое орудие и приказал начальнику штаба Денисову уточнить потери и связаться со штабом дивизии. Этот шестичасовой бой немцу обошелся немалыми потерями. Всего на поле боя, в изголовье балки, немцы оставили три подбитых бронетранспортёра, восемь танков и около пехотного батальона солдат и офицеров. Противник отошел, но недалеко, ветер доносил гул прогреваемых танковых моторов и немецкую речь. Они готовились к очередной атаке.

Хоронить товарищей не было ни сил, ни времени. В живых осталось намного меньше, чем лежавших в снегу донской степи. Всем оставшимся в живых из 782-го артполка, а их насчитывалось 117 человек с пятью орудиями, без конной тяги и без снарядов, поступил приказ из дивизии: «Сохранить и вывести всю матчасть!»

Ладно сорокопятки, а вот три 76-мм орудия без тягловой силы по заснеженной степи не потянешь. Оставалось два выхода: или погибнуть, выполняя приказ, выводя орудия из окружения, либо вывести оставшихся людей. Разведчики доложили, что со всех сторон стоят немецкие танки и бронетранспортеры, есть только небольшой проход между крутых балок в юго-восточном направлении.

Донесение начштаба о безвозвратных потерях не удивили комполка. Большинство были убиты или пропали без вести. Согласно приказу штаба дивизии, в ночь остатки полка, вместе с частями 315-й стрелковой дивизии, двинулись на юго-восток. Утопая в снегу, измученные, голодные бойцы и командиры брели донскими степями, таща за собой сохранившиеся орудия, что замедляло движение колонны.

Минуя хутора и дороги, колонна отступающих представляла собой растянувшуюся цепь бредущих в шинелях и полушубках бойцов разных подразделений, из них десятки раненых. Пестрая колонна бойцов с неполным боекомплектом патронов, большинство без оружия, они уже не представляли для вражеских моторизованных подразделений большой опасности. От наблюдате-

лей врага их спасал снежный занавес. Но с каждым километром орудия всё чаще увязали в свежем липком снегу и требовали все больше усилий от отступающих бойцов и командиров, толкавших их.

На рассвете отступающих обстреляли из минометов, из расположенного по пути следования хутора Новая Деревня. Пришлось свернуть южнее. Но через час их догнали немецкие танки и бронетранспортеры с автоматчиками, и они в третий раз оказались в окружении. Связавшись по рации со штабом дивизии, Стебалов узнал, что через 15 км в юго-восточном направлении их встретят бойцы соседней стрелковой дивизии. «Осталось только одно – прорыв через врага. Но какой ценой? Кто выйдет из окружения? Как вытащить орудия по заснеженной степи?» — думал Стебалов. Хотя была возможность пройти через немецкую цепь и укрыться в ближней балке.

Не успел он отдать команду, как немцы сами предприняли атаку. Растянувшись в цепь, немецкие автоматчики шли за десятком танков. В промежутках между порывами ветра, поднимающих снежные вихри, немецкие танкисты вели прицельный огонь. Первыми же выстрелами были уничтожены два орудия и их расчёты, два перевёрнуты. С последнего орудия Стебалов приказал снять затвор, понимая, что с орудием они не выйдут из боя.

Свои бронетранспортёры немец по степи не погнал, оставив на дороге. Возможно, из-за незнания местности, или пожалел их уничтожения, видя, что у окруженцев есть орудия.

Когда противник в очередной раз стал сужать кольцо, Стебалов отдал команду: «Растянуться цепью и приготовить гранаты, ПТРовцам бить прицельно, пехоту подпустить на 150-100 м». Когда в очередной раз немец подошел на расстояние до 300 метров, в степи горели три танка, лежала убитыми и ранеными рота немецких солдат и офицеров. Комполка скомандовал: «В атаку! За Родину! Ура!» — и первым с автоматом рванулся к шеренге атакующих фашистов.

Внезапно повалил густой снег, подавая последнюю надежду бойцам на выход из окружения. За белой стеной были слышны команды немецких офицеров и застрекотали автоматы. Немец

явно боялся неожиданного броска красноармейцев и стал поливать степь сплошным огнем. Через некоторое время фашистские танки и пулемётчики бронемашин перестали стрелять, боясь попасть в своих автоматчиков.

Сталкиваясь в густой снежной пелене, бой перешел в рукопашный. Нельзя было понять, где свои, где чужие. Только отчаянные крики на родном языке, чей-то злой рык, а чаще русский мат выдавали того или иного воина. Редкие выстрелы, лязг затворов оружия, удары саперных лопат по немецким каскам, вскрики и стоны — всё смешалось в снежной пелене января.

Через час в очередную донскую балку спустились сорок измученных бойцов из прежних трех полков стрелковой дивизии. Некоторые тащили пленных немецких солдат. Алтайцу Симонову удалость скрутить одного офицера, который был явно испуган небритым и окровавленным лицом бывшего охотника. «Сорок живых, из них десять раненых, и больше десятка пленных! Это победа! — подумал, отдышавшись комполка. — Остальные пали смертью храбрых или остались раненые на поле боя, и мы не можем вернуться и забрать их. Осталось три автомата ППШ, два без патронов, пятнадцать «симоновок», пять немецких ПээМов, три пистолета, на каждую винтовку по пять патронов, один «Дегтярев» с наполовину заполненным диском, три гранаты. Не густо. Если ещё раз окружат, то вряд ли кто выйдет из окружения».

«Ждать остальных и отдыхать нет времени. Если к ночи не успеем выйти к намеченному месту, то нас могут уже не ждать», – объяснил собравшимся Стебалов.

«Вперёд!» – скомандовал комполка.

Не успели пройти и трёх километров, как впереди, в снежной стене, замаячили силуэты высланного дозора. Подбежав к Стебалову, разведчик стрелкового полка, ленинградец, сержант Попов обрадовал: «Там еще трое наших, вышли из окружения, лежат в лощине с двумя ранеными и пленным, говорят, что захватили унтер-офицера наблюдателя, как гарант на прорыв. Все с немецкими автоматами».

«Хорошая новость», — сказал комполка и отправил вперед начштаба Денисова с двумя разведчиками, добавив для всех собравшихся: «Надо идти тихо, без шума».

К вечеру вышли к хутору, маячившему в туманной дымке января. Смеркалось, разведчики вернулись, не обнаружив впереди препятствий.

«Хорошо, будем продвигаться правее хутора, по балке, — скомандовал Стебалов. — Симонов, возьми двух хороших бойцов и просмотри окраину хутора. Мы будем ждать ровно 10 минут, потом пойдем следом».

Через 10 минут по балке со всех сторон раздался ружейнопулеметный огонь. «Отходим!» — приказал комполка. Кто-то из бойцов вскрикнул и упал скошенный пулей, кто-то убитый, молча уткнулся в снег. Кто-то из окруженцев громко крикнул: «Мать вашу так!» и кинул последнюю гранату. После взрыва гранаты канонада внезапного боя смолкла, и кто-то другой, с противоположной стороны, закричал: «Наши! Ребята! Не стрелять!»

Но было уже поздно. Из 40 героев, вышедших из немецкого тройного окружения, кто-то погиб, кто-то был ранен пулей стрелков дивизии, которые ждали их выхода, но не здесь, а в другом месте. Большая часть пленных, которых несколько километров тащили измотанные бойцы полка, были убиты. Разведчики с героическим сержантом Симоновым были тяжело ранены и не дожили до рассвета. Как потом объяснил командир здешнего стрелкового полка: «Здесь два дня назад немец пытался прорвать оборону, много наших полегло. Вот и ожесточились ребята, ждали момента отомстить врагу. А оказалось, своих положили».

Вот так и осталось немногим больше двух десятков бойцов от артполка Стебалова и тех, кто к ним примкнул из пехотных полков, вышедших из ада четырехдневных боев.

Но на этом история не закончилась.

Вечером в 21.30 Стебалов с начальником штаба вручили особисту донесение о четырехдневных боях в окружении. Фамилии командира артполка Стебалова и начальника его штаба Денисова в последующих военных донесениях дивизии не отмечены. Не были они и награждены за ожесточенные бои. Скорее все-

го, не простили командиру полка и его начальнику штаба потерянных орудий, бойцов, а главное, оставленного рубежа.

Командиры стрелковых полков, вышедшие из окружения частей трёх дивизий, пополнив свои части и получив заслуженные награды, продолжили свой боевой путь.

В архивных документах отмечено, что из окружения, позднее, вплоть до 20-х чисел января, группами и одиночками вышли ещё более 100 человек из прежнего состава героического артполка. Они вывели несколько орудий, которые принял уже другой командир и начальник штаба.

За четыре дня боев, из состава трёх дивизий, по данным Центрального архива министерства обороны России, погибших и пропавших без вести в здешних местах было более 4000 человек, большая часть которых остались навечно пропавшими.

В х. Новороссошанском потери составили 1237 военнослужащих, в т.ч. : 381 убиты, 17 умерли от ран, 839 пропали без вести. В х. Чумакове потери — 1556 военнослужащих, в т.ч.: 618 убито, 3 умерли от ран, 935 пропали без вести.

Не все эти фамилии есть на надгробных плитах братских могил. Это только два хутора. А еще х. Вифлянцев, х. Новая Деревня, х. Араканцев, х. Зазерский и другие.

(Рассказ написан по реальным событиям выхода из окружения 315-й, 258-й СД и 4-й гвардейской СД и героическим сражениям 782-го артполка 258-й СД.)

Январь 1943-го

У незнакомого посёлка, на безымянной высоте... Из песни.

Донские хутора, где велись ожесточённые бои, нам известны, а также высоты: 128, 142.2, 154.1 и другие. Они навечно остались в памяти ветеранов. Там полегли их товарищи, о месте гибели и захоронении которых потомки не знают и по сей день...

Останки одного воина-офицера остались безымянными. В захоронении, кроме пуговиц, советской военной формы и пряжек от ремней, ничего обнаружено не было. Единственным свидетельством являются воспоминания старожилов. Погибшего офицера привезли в х. Кременской и хоронили с почестями. С годами деревянный памятник истлел, и захоронение осталось забытым.

В 2016 году поисковикам пришло письмо от родственницы Леонида Васильевича Долгова с просьбой найти его могилу.

«Подскажите, пожалуйста, есть ли в х. Кременском воинское захоронение майора Долгова Леонида Васильевича, замкомандира 1328-го СП, 315-й СД? У меня есть фото этого захоронения 60-х годов. Я знаю, что школьники ухаживали за могилой. Я бы очень хотела увековечить имя майора Долгова. Это родной брат моей бабушки. У нас в семье всегда помнили дядю Лёню. С уважением, Мария».

Сегодня трудно сказать, было ли это перезахоронение останков майора Л.В. Долгова или останков павших воинов из братской могилы хутора Кременского, находившейся за школой, которые в 1960 году перенесли в братскую могилу х. Почтового. Известно только, что захоронений у хутора было несколько, часть из которых по каким-то причинам не перенесены. Одно из них оставалось у школьного двора хутора. По воспоминаниям старожилов, в могиле покоились останки советского воина, захороненного в январе-феврале 1943 года. При эксгумации были найде-

ны пуговицы от нижнего белья и пряжка брючного ремня. Эмблем, указывающих на звание воина, обнаружено не было. Судя по останкам, причиной смерти было попадание в голову осколка, а судя по содержанию захоронения, хоронили военные. Учитывая степень торжественного захоронения воина (отдельно от братской могилы за зданием школы и братских могил на хуторском кладбище) и учитывая описание причины его смерти, можно предположить, что останки принадлежат Л.В. Долгову. Останки воина с почестями перезахоронены 22 июня 2017 года в братскую могилу х. Верхнепотапова.

Мероприятие по увековечиванию памяти Л.В. Долгова Фото 1960-х годов, х. Почтовый

В 1930 году Леонид Васильевич Долгов, успешно окончивший школу 2-й степени с учительским уклоном, был назначен директором поселковой школы. После окончания московских педагогических курсов он работал учителем истории, в 19 лет на-

Леонид Васильевич Долгов

значен завучем Каштымской школы №1. В 22 года, несмотря на молодость, он уже работал заведующим отделом народного образования. О его плодотворной работе в 1935 году писали в местной газете «За цветные металлы».

В 1935 году Леонида Долгова призвали в РККА, где впоследствии он был оставлен для обучения молодых командиров, в том числе и в лётной школе г. Батайска. Затем он учился в Высшем военнопедагогическом институте Красной Армии, где его и застала война. Он мечтал учить детей, юношей и девушек, что-

бы они «строили новую жизнь», горячо любили Родину. Но война спутала все планы, и в декабре 1941 году Долгов ушел добровольцем на фронт.

С фронта Леонид Васильевич писал домой замечательные письма, полные уверенности в победе над фашистскими захватчиками:

«Получил боевое крещение, наша дивизия несколько дней подряд вела упорные бои с противником. Мы убедились, что немцы порядочные трусы, и наступают лишь тогда, когда им удается накопить много авиации, и непрерывно бомбят, гоняясь даже на самолетах за отдельными людьми. 5.12.1941».

На фронте о нём отзывались: честен, правдив, прост, смел и отважен. Солдаты и офицеры ценили его за справедливость, общественность и требовательность. Однополчане вспоминали случай, когда под Сталинградом, в августе 1942 года, командование дивизии было отрезано от полков, и он, не задумываясь, при-

нял на себя обязанности комиссара дивизии и выполнял их два месяца, за что был награждён орденом Красного Знамени.

В декабре Долгов написал родным:

«Вы теперь знаете, что Красная Армия наносит врагам один за другим сокрушительные удары. Каждый видит, какова сила нашей армии и величественный героизм её воинов. Немцы отступают, но, уходя, творят немыслимые злодеяния. Сегодня водил группу солдат в лазарет для военнопленных. Нашим глазам открылась картина, от которой кровь стынет в жилах. Я много видел следов фашистских жертв, но такого никогда и в уме не представлял. Этого мы им никогда не простим и будем истреблять их, как бешеных собак...»

Последнее письмо Леонид Васильевич написал уже из Константиновского района 17 января 1943 года. А 24 января, в ходе освободительных боев за станицу Усть-Быстрянскую, заместитель командира 1328-го полка 315-й стрелковой дивизии майор Долгов был убит осколком вражеского снаряда.

Из воспоминаний командира 1328-го полка И.В. Щёголева:

«Смерть Лёни была меновенной. Чуть заметная, почти бескровная рана за ухом.

Зазвонил телефон, звонили из политотдела штаба дивизии, он стал диктовать политдонесение, и в это время за тесовой стеной разорвался вражеский снаряд. Телефонистов убило наповал, меня ранило. Лёню убило...

Его тело расправили, руки по швам, он будто бы стоял на параде, красивый и нарядный. Под вечер его увезли в хутор Кременской для похорон. Похороны были утром на следующий день. За час до темноты был дан салют из орудий, миномётов, пулеметов, винтовок и автоматов. Минут 10-15 стоял сплошной гул».

Долгов Леонид Васильевич посмертно награждён орденом Красного Знамени.

(Из семейного архива и архивам МО РФ).

Во время поисков документов о судьбе майора Долгова, были найдены письма фронтовиков с воспоминанием о гибели

двадцатидвухлетнего начальника штаба 1328-го полка старшего лейтенанта Горелкина Захара Ивановича, уроженца Тамбовской области, и захоронении его на хуторском кладбище.

Из воспоминаний ветерана войны, командира взвода разведчиков 1328-го полка 315-й стрелковой дивизии Агеева Николая Алексеевича:

«10 сентября 1942 года я принял командование взводом разведки полка. В боях 10-11 января 1943 года был трижды ранен и контужен. Наш полк занял хутор Каменно-Бродский, на северной окраине хутора мы захватили вражеский автобус. Машина забуксовала, и водитель кинулся бежать, но я, угрожая гранатой, заставил его вернуться. Разведчики сдали его капитану Горелкину. В автобусе находилось несколько офицерских шинелей с меховыми воротниками, офицерские сапоги и несколько чемоданов. Один чемодан был полностью заполнен железными крестами.

В ночь с 10 на 11 января штаб получил шифровку, что полк полностью окружён немцами, и нам приказано пробиваться из окружения. Третий батальон уходил в резерв комдива. С ним уходила и Стеша Решетова, с которой мы познакомились в городе Барнауле в мае 1942 года. Я чувствовал, что вижусь с ней в последний раз, на прощание мы обменялись шапками, у меня была кубанка, а у неё обыкновенная солдатская шапка. Мои попытки найти её во время войны и после войны не дали результатов.

Беда была в том, что боеприпасы были на исходе, боепитание отрезано немцами. Уже за полночь полк начал отход. Ночь была тёмная.

В какой-то лощине столкнулись с немцами, завязался бой, в основном бились врукопашную. Темнота, где кто, ничего не понять. Мы несколько раз брали скотные дворы (как они назывались, не могу сказать, запомнились стены из красного кирпича). После очередной атаки, подробности её я не помню, я оказался на северо-западе от скотных дворов на расстоянии около 500 метров. В левой руке противотанковая граната, а в правой ав-

томат ППШ. Хотя до боя у меня кроме двух лимонок и пистолета ТТ, ничего не было.

Таким образом я остался один в бурьяне, где явно было видно, что здесь отступала часть: валялись пустые ящики из-под снарядов, вещмешки, сани и телеги (коней и людей, ни живых, ни мёртвых, не было). Была брошена 45-мм пушка, возле неё лежало несколько пустых гильз. Я шел ускоренным шагом, но куда и зачем, не знаю. Затем меня обогнали несколько наших солдат. Я почему-то даже не поинтересовался, кто они и куда бегут? Быстрым шагом прошли два незнакомых офицера, но они почему-то шли мне наперерез. Затем я увидел знакомого офицера — это был политрук роты автоматчиков Воронин. Он тоже шёл, чуть ли не бежал, его шинель была распахнута, хлястик висел на одной пуговице, и я рассмеялся.

Политрук обернулся, подошёл ко мне и выразительно сказал: «Полк гибнет, а ты смеёшься...», и пошёл в том же направлении.

Меня как холодной водой окатило: остановился, немного постоял и пошёл вслед за политруком. Потом пошёл, куда шёл раньше. Куда я шёл, — там рвались снаряды, слышалась стрель-

ба из винтовок и автоматов, шел бой. Сколько я прошёл, не знаю, но было уже по-настоящему светло. Метрах в 50-ти разорвался снаряд, и осколками мне перебило два пальца на левой руке, которой я держал гранату. Пока я доставал из сумки пакет, ко мне подошла медсестра из медсанбата, быстро перебинтовала мне руку и ушла.

Немного постояв, я пошёл на шум боя. Стало светать.

Сколько прошёл, трудно сказать. Кончился бурьян, и началось чистое поле. Немного пройдя, я увидел немецкие танки. Вероятно, из первого танка заметили меня. Я услышал, как раздались пулемётные очереди и почувствовал, как меня сильно ударило по ногам. Было ощущение, что оторвало ноги. Я упал на спину, автомат отлетел в сторону метров на пять. Сразу мелькнула мысль о плене. Я был в офицерской форме с орденом на груди. Я решил не сдаваться. Торопясь, кое-как вытащил из кобуры пистолет, зная, что у меня в стволе всегда есть патрон, и уронил пистолет в снег. Теперь уже спеша поднял пистолет, отряхнул с него снег, и даже подул в дуло, наставил его в висок и нажал на курок. Выстрела не последовало. Я решил перезарядить оружие. Кое-как, прижимая пистолет к груди, помогая левой рукой, перезарядил пистолет, но патрон выпал в снег. «Э-э-э! – подумал я, – жить мне ещё долго, если не смог застрелится».

Посмотрел на ноги — они вроде целы, пошевелил — шевелятся, но с болью. Пополз к автомату и опираясь на него, поднялся и пошел, хотя боль отдавалась при каждом шаге. Мимо проезжала повозка: на задке — полевая кухня, на передке — ездовой и медсестра. Я уцепился за повозку и пошел следом, прячась за кухню. С танка застрочил пулемёт, и сестра закричала, — вероятно, её ранило. В голове мелькнула мысль, что кухня — это большая мишень и я, оттолкнувшись от повозки, пошел дальше.

Сколько прошёл, не знаю, танков уже не было видно. Недалеко показался бурьян, и я поспешил туда. В бурьяне лежало человек сорок, здесь были и офицеры. Всех рассмотреть не успел,

т.к. подскакал верхом на лошади начальник штаба капитан Горелкин. Не успел он спешиться, как разорвался снаряд, и капитан упал, я подбежал к нему. Он только и успел сказать: «Агеев, не бросай меня». Я не успел ответить, как следующий снаряд ранил и контузил меня. Несколько часов я пролежал без сознания. Когда очнулся, стало темнеть. Слышу, как вокруг суетятся люди, решают, куда, в какую сторону идти. Я зашевелился, и, видимо, издал стон. Ко мне подошли, стали помогать подняться. Заметил несколько человек из полковой разведки, которыми я командовал. Предложил разведчикам идти строго на восток. Так мы шли всю ночь, обходя все шумы и шорохи, как я узнал позднее, мы так прошли более 20 км. Зашли на окраину села, нашли какое-то строение в виде сарая, зайдя в него, стали совещаться. Кто в селе, неизвестно. Решили выслать разведку, стали собирать патроны для автомата, собрали два неполных диска. Не успела выйти разведка, как услышали вой «Катюш», – значит, в хуторе наши...»

Двадцатилетняя санитарка Решетова Степанида Васильевна, уроженка города Барнаула Алтайского края, погибла у хутора Новая Деревня 11 января 1943 года.

У политрука роты лейтенанта Воронина Николая Петровича – другая история. Долгое время он числился пропавшим без вести, пока не был освобождён из плена.

Старший сержант Агеев Николай Алексеевич был награждён двумя орденами: Красной Звезды — в октябре 1942 года, и Отечественной войны II-й степени — в ноябре 1943 года.

Из воспоминаний ветерана А.А. Шикова:

«...Мне пришлось участвовать в этой операции от начала до конца. Командиром полка был Щеголев, комиссаром Долгих, начальником штаба Горелкин. На 7 января мы, под покровом темноты, продвигались в тыл врага. Расстояние до намеченного рубежа было 20 км. Продвижение было при строжайшей тишине, без света. В совхозе (схз № 37 «Стычной» — авт.) сделали остановку, накормили лошадей, к утру достигли на-

Н.А. Агеев

меченного рубежа. Взяли пленных и трофеи.

Я занимал должность политрука транспортной роты. Утром нас вызвал комиссар полка Долгих и обрисовал обстановку, что мы попали в окружение, положение наше тяжелое, надо провести работу среди своих подразделений, чтобы не было паники, сказал, что будем сражаться, не жалея ни сил, и самой жизни.

Полк был расположен в трёх населённых пунктах. Бои были тяжелыми, связь была по рации. К нам была направлена 40-я гвардейская стрелковая

дивизия, часть из гвардейцев пробилась к нам, но результат не был достигнут.

Командиру полка докладывают, что остался один снаряд, что делать? Он даёт команду выстрелить по врагу и показать, что «мы — зубастые».

В ночь на 11 января при полной дисциплине и порядке идем туда, откуда пришли. Противник устроил засаду и встретил нас шквальным огнём. Первая колонна вступила в бой и прорвалась к штабу полка, им удалось вывести часть людей и техники. Мы шли во второй колонне, и выйти не смогли. Мы выстроили цепь бойцов человек 200, но пришло решение: во что бы то ни стало выводить полк из окружения.

Старший лейтенант, командир полковой разведки, берёт с собой бойца, и мы пошли по балке в разведку. Прошли метров 500, выходим на пахотную полосу, заросшую бурьяном. Затем вышли на дорогу и вплотную встретились с противником. У них впереди идет кухня, потом взвод автоматчиков. Мы сделали два выстрела из револьвера и убили двух немцев, за нами

направились автоматчики. Ночь, беспорядочная стрельба. Убегая, пришлось бросить ремень, шинель и полевую сумку. Нашего бойца убили. Встретились с тремя отступающими бойцами 40-й дивизии, чуть не постреляли друг друга. Пролежали в бурьяне весь день: с одной стороны — автоматчики противника, с другой, на таком же расстоянии в 250 м — вражеские танки.

Как только наступила темнота, мы стали искать выход. Немецкие танки стояли на расстоянии 300 метров, мы решили проскочить в этот промежуток. Когда вышли к своим, нас встретили с необыкновенной радостью. О капитане Горелкине слышал, что он был ранен и остался на поле боя. Умирая, он написал записку: «Умираю за родной Дон».

Когда наши войска пошли вперёд, нашли его тело. При нём была полевая сумка с документами, оружие и эта записка».

На хуторском кладбище х. Кременского Константиновского района поисковиками была найдена безымянная могила павшим воинам 1943 года.

Вышло так, что с годами перестал работать поисковый школьный отряд, дети выросли и разъехались, документы утеряны. Свидетели тех событий ушли в мир иной, оставляя безымянные могилы, большая часть которых сегодня сравнялись с ландшафтами донских степей и заброшены на старых станичных и хуторских кладбищах.

Коротка память людская...

Благодаря письмам, сохранившимся в семейных архивах ветеранов, в 2017 году на братской могиле х. Кременского администрацией Почтовского поселения (глава поселения — О.Н. Зубкова) установлен новый памятник, где появилось имя погибшего героя войны Горелкина Захара Ивановича.

В этом же году 22 июня останки майора Долгова Леонида Васильевича и лейтенанта Тихоновича Александра Марковича, уроженца г. Кустаная Казахской АССР, заместителя командира батареи 90-го гвардейского артполка 40-й ГСД были перезахоронены со всеми почестями в братскую могилу х. Верхнепотапова.

Новый памятник воинам на кладбище х. Кременского

Останки лейтенанта Тихоновича были найдены ПО «Донской» им. А. Калинина в 2016 году на окраине хутора Нижнепотапова.

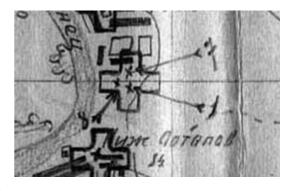
Из воспоминаний Серафимы Герасимовны Димитровой:

«Когда один из офицеров, лейтенант, вышел из блиндажа, рядом разорвался немецкий снаряд. Осколками снаряда убило офицера и почти всю семью Старикова Ивана Николаевича, погибли жена, дочь и внук. Сам Иван Николаевич получил тяжелое ранение. Офицера красноармейцы захоронили с почестями, хотя — какие почести, когда кругом идет война...

В этот же день в нашем доме убило Николая Рожнова, отчества, к сожалению, не помню. Он наблюдал в бинокль за вражеской обстановкой на правобережье Северского Донца». Согласно данным о безвозвратных потерях 90-го гвардейского артполка 40-й ГСД, Николай Рожнов был телефонистом.

Кем был погибший офицер, осталось загадкой. На остатках его гимнастерки были пуговицы с гербом СССР, это обстоятельство и ввело в заблуждение поисковиков. Ведь подобную форму носили пограничники, оперативники или служившие в органах НКВД. Дальнейшие поиски привели к архивным документам, подтверждающим факт захоронения гвардейца-лейтенанта.

1 D-Hm Suvodolus - 20.1482 8. Kp-eu Tobpules - 21.1482
2 om 1-mm Doropes - 61.484 9. Kp-eu Rodowud - 181434
3 om 1-hm Ahmowedeo-10.1484 10. Lp-eu Maxout - 181424
5 om cepok Eymoris - 30.12.484 11 kp-eu Maxout - 181434
6 kp-eu Angouous - 26.1484 12 kp-eu Maxoungpus - 181434
7 kp-eu Tosfortis - 22-14824
8 Hor wimoso Mrb. on es wourp 18600

О событиях тех дней рассказывают воспоминания помощника начальника штаба по разведке 119-го гвардейского стрелкового полка 40-й ГСД Рожкова Александра Семёновича:

«... 17 января, ночью, мы вошли в хутор Верхне-Калиновский. В 4 часа утра, войдя в х. Верхне-Потапов, командир полка поставил задачу командирам батальонов: 2-му батальону — выбить немцев из х. Н.-Калиновского и обеспечить переправу 1-му батальону на правый берег Северского Донца. 1-му батальону — занять высоту 128.4.

В 7 часов утра 17.01.1943 первый батальон и рота минометчиков, взвод ПТР выбили немцев с высоты и заняли оборону. С 10 час. до 21 час. немцы крупными силами пехоты при поддержке 26 танков, артиллерии и минометов атаковали наших гвардейцев. На помощь переправили 2-й батальон. Бой продолжался до последнего гвардейца, и никто из них не отступил. И только к концу боя, когда подошла артиллерия дивизии — 90-й гвардейский артполк и «Катюши», немцы отступили. Полк понёс большие потери, погибли командиры 1-го и 2-го батальонов, командиры рот: Гравит, Макеев и др.

На место погибших комбатов, командир полка послал начальника штаба Фирсова Ивана и моего начальника по разведке ст. л-та Якунина Ивана Михайловича. Они сумели организовать отпор врагу. Под конец боя они погибли, и были вынесены с поля боя под высоту и похоронены на берегу реки.

С 17 по 25 января полк занимал оборону по р. Северский Донец. КП полка находился у самого берега на левом берегу в домике в х. В.-Потапов. Отсюда мы наблюдали все бои, отсюда боями командовал Блажевич (командир 119-го гв. полка).

Когда мы уходили из х. В.-Потапова и поднялись на горку около 300-400 м, в тот домик, откуда мы вышли, попал фугасный снаряд».

О подобном случае рассказывал ветеран войны, уроженец ст. Богоявленской, Павел Петрович Астахов:

«Смотрим мы, выкатили наши артиллеристы большую пушку, приготовились к артобстрелу немецких позиций. И вдруг, в один миг, – разрыв вражеского снаряда, и всё: – ни пушки, ни артиллеристов, ни солдат, которые стояли поблизости».

Когда есть воспоминания, есть свидетели и есть места, где искать имена и останки погибших, это значительно облегчает поиск.

Далее в своих письмах, отправленных в Почтовский сельсовет (председателю Лосеву), Александр Семёнович упоминает о погибшем офицере:

«... Может быть, офицер, погибший у нашего штаба, у домика, — Александр из 32-й кавдивизии? У нас погибли Фирсов, Якунин, Коряков (комбат), Гравит, Матвеев (Макеев — авт.), других не помню... Прошу найти адреса Фирсова и Якунина, чтобы сообщить родным».

Захоронение останков Л.В. Долгова и лейтенанта А.М. Тихоновича. х. Верхнепотапов, 22.06.2017 г.

17 января 1943 года погибли:

- 1. Гвардии майор Фирсов Иван Петрович, 1911 г.р., уроженец Челябинской обл., с. Гутрновское, призван Челябинским ГВК, начальник штаба 119-го ГСП 40-й ГСД, захоронен в х. Нижнекалинове.
- 2. Гвардии старший лейтенант Якунин Иван Михайлович, 1913 г.р., уроженец Горьковской области, Муромонского р-на, с. Поздняково; призван Омским ГВК г. Омск, командир истр. батареи 119-го ГСП 40-й ГСД; захоронен в х. Нижнекалинове.
- 3. Гвардии старший лейтенант Коряков Леонид Владимирович, 1913 г.р., уроженец Орловской области, Дятьковского р-на, п. Старь; призван Выгоничским РВК, Орловской обл., Выгоничский р-н; заместитель командира 1-го стр. батальона119-го ГСП 40-й ГСД; захоронен в х. Нижнепотапове.

- 4. Гвардии лейтенант Гравит Владимир Вилисович, 1922 г.р., уроженец г. Рыбинска; призван Сталинским РВК, Ярославская обл., г. Рыбинск, Сталинский р-н; командир взвода автоматчиков 119-го ГСП 40-й ГСД; захоронен в х. Нижнекалинове.
- 5. Гвардии старший лейтенант Макеев Дмитрий Петрович, 1918 г.р., уроженец Карело-Финской ССР, Тунгудский р-н, Лехтинский с/с, с. Шуозеро; призван Кольским РВК, Мурманская обл., Кольский р-н; командир 2-й стрелковой роты 119-го ГСП 40-й ГСД; захоронен в х. Нижнекалинове. (Имя найдено благодаря письму ветерана А.С. Рожкова.)

Об ожесточенных боях января 1943 года можно написать отдельную книгу. Часть материалов я уже публиковал в первых книгах о боях на Донском рубеже и в книге «Горящий снег». Но с каждым годом к нам поступают всё новые и новые данные о тех далёких героических событиях.

20-лентий телефонист 90-го гвардейского артполка Рожнов Николай Кирсанович и 19-лентий зам.командира батареи лейтенант Тихонович Алексей Маркович, погибли 20 января 1943 года.

Фёдор Иванович Клюев

Из письма племянницы Ф.И. Клюева:

«Фёдор Иванович родился в 1922 году в селе Усть-Калманка Алтайского края. Учился в Усть-Калманской школе, после окончания 7 класса работал рабочим в колхозе «Коминтерн». В 1941 году его призвали в армию и отправили в офицерское училище города Красноярска. Окончив обучение, через 6 месяцев был отправлен на фронт. Письма писал часто, в последнем письме было написано: «Завтра едем в Москву на парад, с парада – в бой». Больше писем не было.

В 1943 году пришло письмо от сослуживца-земляка Федора, он писал своим родственникам. В письме была записка для мамы Анастасии Степановны, мамы Федора: «Сына не жди: он погиб при бомбёжке». Похоронки не было. Только после войны сестра Фёдора, Васса Ивановна, подавала в розыск. Ей пришёл ответ, в котором говорилось, что младший лейтенант Клюев погиб на территории Ростовской области».

В 2016 году поисковики отряда «Донской» им. А.Калинина установили, что младший лейтенант, командир взвода 1328-го стрелкового полка 315-й стрелковой дивизии Клюев Фёдор Иванович погиб 11 января 1943 года в ходе ожесточённого сражения в районе хутора Новая Деревня. На момент гибели Фёдору было всего 20 лет.

Только в 2017 году Николай Иванович Клюев узнал о месте гибели брата.

Младший лейтенант Н.П. Казаков, 1913 г.р., был командиром роты 1328-го стрелкового полка, 315-й стрелковой дивизии. Выходя из окружения, 11.01.1943 г. он был убит у хутора Новая Деревня. Награжден медалью «За отвагу». Видимо, свою награду он не увидел. Его жена, Казакова Нина Николаевна, воспитывала двоих детей: Юрия, 1939 г.р. и Ольгу, 1940 г. р. (Из семейного архива и архива МО РФ).

Николай Петрович Казаков

Январские бои у х. Новая Деревня были ожесточёнными. Из воспоминаний очевидцев известно, что противник, превосходящими силами пехоты, при поддержке десятков танков и бронемашин (броневиков с установленными на них крупнокалиберными пулемётами), неоднократно атаковал раздробленные части Красной Армии.

Нина Зиновьевна Костромина до сих пор помнит кровавые дни января 1943 года:

«Когда бои закончились, приехали представители Николаевского военкомата, составили списки погибших. Приехали на ферму ребята из коммуны им. Калинина. Они сказали, что колхоз почти весь сожгли, ребята завели трактора и поехали собирать тела погибших. Люди ходили и собирали трофеи, после немцев осталось много продуктов, мы с сестрой тоже пошли. В одной из лощин, ближе к Новой Деревне, мы увидели страшную картину: снег был смешан с кровью, валялись части человеческих тел, тела были подавлены танками. Мы в панике бросились бежать домой. Отец сказал нам: «Не ревите, запомните это на всю жизнь».

На памятных плитах обелисков много имен павших. Иногда чей-то взгляд задерживается на несколько минут. У одних в памяти всплывают воспоминания, у других — вопрос: «Кто они, эти люди? Почему они, не щадя себя, бросив свои семьи, защитили нас от фашизма?»

На памятных плитах хутора Гапкина, среди павших и умерших от ран наших освободителей, есть фамилия молодой девушки — Гафурова из Татарской АССР (Татарстана), с красивым именем Роза.

Заведующая аптекой 274-го гаубичного артполка резерва Главного Командования Р.А. Гафурова умерла от ран в полевом передвижном госпитале № 4166 в феврале 1943 года и захоронена в братской могиле х. Гапкина.

зтаков так ког противника подонв четире среднях такка, израсходо вод 70 гранат. Потеры: убито, среднего комсостава - I, рс-12, ранево: среднего комсостава - 2, рс. -10. Виведено из строя две группи, ПТР - пять, впитовок - 8. В галичим 122 мм выстрелов - 72. Продовольствия одна сутодача. ГСМ - 1 заправка.

Из боевых донесений 315-й СД известно, что в боях у хутора Вифлянцева враг бросил десятки танков на отражение атак пехотных полков дивизии. Для поддержки пехотинцев командование Армии направило резервные артполки, в том числе 274-й ГАП РГК.

Из донесений о боях на 10-14 января у х. Вифлянцева известно, что, при поддержке 724-го стрелкового полка 315-й СД, в 274-м ГАП выведено из строя две гаубицы, пять противотанковых ружей, 8 винтовок. Убито: 1 чел. среднего комсостава, рядовых — 12 чел. Ранено: ср. комсостава — 2 чел., рядовых 10. Очевидно, в числе раненых была и фармацевт Роза Гафурова.

Роза Гафурова

Учитель Гапкинской школы Елена Московкина занялась поиском родных погибшей татарской девушки. Как потом выяснилось из воспоминаний, Роза действительно была первой красавицей полка. «Здравствуйте, Надежда Васильевна!

Меня зовут Елена Московкина. Я полгода разыскиваю родственников Гафуровой Розы Алиевны, которая умерла в госпитале, располагавшемся в 1943 году в нашем хуторе, и похоронена на гражданском кладбище. Мне о красивой женщине-медике, погибшей и похороненной здесь, рассказала наша односельчанка, а ей свекровь, которая во время войны помогала перевозить раненых к самолёту. Списки солдат, похороненных на хуторском кладбище, удалось обнаружить не сразу. В нём было имя только одной девушки. Если это ваша родственница, прошу откликнуться».

Прочитав сообщение, пожилая женщина несколько минут сидела в оцепенении, не зная, что ответить. Придя в себя, она смогла написать только несколько слов: «Да, это моя тётя Роза».

Переписка с новой знакомой растянулась на целую неделю. Каждый вечер, заходя в интернет, Елене рассказывали подробности жизни Розы и её семьи. В одном из писем она попросила прислать родственников фотографию Розы.

Племянница Розы Надежда Васильевна сфотографировала снимок и отправила ей.

Взгляд задержался на старом военном фото Розы, так навсегда и оставшейся молодой, — сердце сжалось от тоски, и Надежда Васильевна заплакала...

Вдруг каждой клеточкой своего тела она ощутила, как гдето там, за сотни километров от неё, в далёком казачьем хуторе возле монитора сидит чужая женщина и, глядя на ту же фотографию, тоже плачет.

Потом ей пришло сообщение: «Какая красивая и нежная улыбка у Розы! Любуюсь ею, а слёзы сами текут из глаз... В этом году ведь исполняется 100 лет со дня её рождения».

Дрожащими руками Надежда Васильевна напечатала: «Я очень поражена и тронута таким трепетным отношением к моей тёте. Спасибо вам за всё! Вас послал нам сам Бог!..»

Надюшкина мечта

рассказ

Первые воспоминания детства — самые яркие. Так всегда бывает: деревья, дома, люди кажутся детям большими. Первые эмоции пронзают сердце маленького человечка и поселяются в нём навсегда...

Отец пришёл из армии осенью. Ночи уже становились холодными. В саду опадали листья — желтые, красные. Надюшка любила играть с ними. Их можно подкидывать вверх и наблюдать, как они, тихо кружась в воздухе, будут падать. Можно валяться на них, как на ковре.

Из-за дома вышла мама. Рядом с ней шёл какой-то дяденька в военной форме. Большой, красивый. Мама улыбалась и дяденька тоже.

Надюща, папка приехал, – сквозь слёзы прошептала мама.
 Надя застыла на месте. Папу она не помнила. Ведь когда его забирали на службу в армию, ей исполнился только год.

Отец подошёл к Надюшке, поднял вверх и закружил над головой так, что у неё даже дух захватило. Он целует дочку. Щека у отца колючая, небритая. Пахнет от него табаком. Вот он какой, оказывается!

Все втроём идут в дом, настоящий, казачий, с низами и верхами, вокруг мостки, по которым, когда мама не видит, можно бегать. В тот момент маленькая Надя думала, что так будет всегда.

Прошла дождливая осень, её сменила снежная зима, потом долгожданная весна. Наступило жаркое лето 1941 года. Надюшка радовалась тому, что скоро у неё должен появиться братик. Так папа сказал. Надя ему сразу поверила. Папа и мама были очень счастливы. Надя тоже счастлива: скоро у неё день рождения.

23 июня Надя проснулась от шума. Выбежала на крыльцо. Увидела около двора человека на коне. Много людей вокруг. Все очень громко разговаривают. Женщины плачут. Наде ста-

ло страшно, и она тоже заплакала. Мама подошла к ней и стала успокаивать.

Вот таким запомнилось пятилетней девочке начало Великой Отечественной войны.

Папа собирался на фронт. Он подошёл к дочке, обнял и сказал:

– Надюшенька, я вернусь скоро. Братик родится, береги его.

15 июля 1941 года папа ушёл. И дни стали казаться такими долгими...

Осенью родился Коленька. Наденька ни на минуту не отходила от него. Она мечтала о том, как папа вернётся, как он обрадуется, когда увидит сына.

Через год в хуторе появились немцы. Странная непонятная Наде речь заполнила родные улицы. Однажды немцы зашли в их дом и показали на выход. Мама сразу всё поняла, собрала детей и вышла с ними на улицу. Жить пошли к тётке. Все вместе ютились в небольшом домике.

Солдаты забрали корову и тёлку. Мама решила пойти к немцам, попросить, чтобы отдали хотя бы тёлку. Надюша увязалась вместе с мамой.

- Что, матка? спросил высокий офицер, когда женщина с девочкой вошли во двор, где квартировали немцы. Мама стала что-то говорить, офицер нахмурился, и тут Надя заплакала, да так громко, что даже этому чужому человеку, захватившему их родную землю, стало её жалко. Он развернулся и вошёл в дом. Вернулся с яркой коробочкой в руках, открыл её, а там Надюша увидела шесть разноцветных мармеладок. Они были такие манящие, такие аппетитные, что малышка, забыв, зачем они с мамой пришли, сразу же схватила их и убежала. Мама пришла чуть позже вместе с тёлкой. Надя подумала, что сейчас мама будет ругать её, но та ничего не сказала, просто села рядом и заплакала.
 - Ничего, доченька, скоро наши выгонят этих иродов...

Хутор освободили зимой. Уходя, немцы сожгли родной дом Надюшки. Зарево взметнулось высоко и осветило весь хутор. Так девочка вместе с меленьким братиком и мамой осталась без жилья.

Вьюжная зима 1943 года с тридцатиградусными морозами закончилась. Снег начал таять. Надя с соседскими ребятишками

бегала на речку смотреть на крыги. Лёд ломался кусками и плыл по реке. А вода в реке была красной от подтаявшей крови русских солдат, отдавших жизни за освобождение хутора.

В апреле мама начала строить землянку. Месила солому с глиной, лепила стены. Надюшка крутилась рядом, помогала. Издали увидела Надя почтальонку, побежала ей навстречу, думая, что та несёт письмо от папы. Но почтальонка тётя Глаша не улыбнулась ей в ответ, на глазах у неё почему-то выступили слёзы. Она подошла к маме и протянула ей какую-то бумажку. Мама тихо охнула, закрыла голову руками и заплакала. Надюшка сердцем почувствовала, что случилась беда. Она заглянула прямо в глаза тети Глаши, но та не выдержала её взгляда и молча обняла.

Весною 1945 года радостно встречали хуторяне своих родных с войны. Только Надин папа так и не вернулся. Не суждено было сбыться Надюшкиной мечте.

В голодные послевоенные годы девочка с братом просила милостыню. Дети ели траву, растущую по берегам рек. Трава утоляла голод, но от неё опухали руки и ноги. Спасали семью суслики, которых Надя вместе с мамой выливала из норок. Выучившись в школе писать и читать, Надя очень рано начала работать.

Шли годы. Послевоенная жизнь селян наладилась. Стала Надежда настоящей красавицей. Вышла замуж по большой любви, родила двоих детей. Вместе с мужем ударно трудились в родном колхозе.

Но сердце её не покидала горечь ранней потери отца. Появилась у Надежды Тихоновны другая мечта: найти его могилу.

А жизнь текла своим чередом. Выросли дети, женились, появились долгожданные внуки, затем правнуки. Заботы не давали скучать.

Весною 2005 года сын, объездив всю Воронежскую область, нашёл братскую могилу, где был похоронен его дед.

9 мая, стоя у плиты с высеченными на ней фамилиями, трепетно искала пожилая женщина имя своего отца...

Так сбылась мечта, которая жила в сердце Надежды Тихоновны долгие шестьдесят лет.

(По воспоминаниям Надежды Дмитриевны Костроминой).

Костромина Надежда с мамой и отцом, Дмитрием Тихоновичем

Ja yronnun b manniban glemnise no obnoglituro enreprome nyukunom dencey kon or oponto
cleso Currobanika. 2. 10. 48 2012, 192 beer Kepaltrusa. 6 in creine la ranob.
Tepenresur normi 6 pyronamioni entocime.
Bornou Apaini ensembremon unyusta:

apona, Kaaras 3kegta".

Lomontap normi
Bornkoin norma Tabril.

Jakis Johnsey Bornkoin norma Tabril.

3 okustips 1942 2022.

За героическое сражение 2 октября 1942 года у хутора Ольховатка Воронежской области, командир расчёта противотанковых ружей 1-го эскадрона 67-го горного кавполка 21-й горной кавдивизии младший сержант Тихон Дмитрий Тихонович был посмертно представлен к ордену Красной Звезды.

Кто-то погиб на поле боя при отступлении, кто-то – при освобождении, с криками: «Ура! За Родину! За Сталина!», кто-то – в окружении, попав в западню, как у хуторов Новороссошанского и Новая Деревня, а кто-то попал в другие ловушки, расставленные хитрым, расчетливым врагом.

Западня

Когда советские бойцы, утомленные непрерывными зимними маршами по раскисшим дорогам донских степей, измотанные ежедневными боями, по трое и более суток не получавшие горячей пищи, встречали на своём пути изобилие продуктов на столах только что сбежавших фашистов, конечно, разум отступал на второй план. Многие воины устремлялась к столам, стараясь утолить голод и запастись питанием на последующий долгий путь. Как говорили: «Сытому на войне и смерть не страшна». На это и рассчитывал отходящий противник — не пулей, так ядом нанести урон Красной Армии. Знал подлый фашист недостатки тылового обеспечения наступающей армии.

По воспоминаниям старожилов, в хуторе Трофимове немцы оставили щедро накрытые столы и отступили. Бойцы авангарда освободителей бросились к столам и спустя некоторое время после еды начали падать и умирать в муках.

Об этом вспоминали и ветераны, освобождавшие станицу Богоявленскую. Но здесь немцы придумали другой, более изощренный способ обмануть наступающего врага. Они оставили обоз с продовольствием. Кто-то вспоминал, что под хутором Кастырским красноармейцы внезапным натиском отбили у немцев продобоз из десятка машин и подвод, напичканных деликатесами. Но как бы там ни было, итог был печальным. Передовые части 24-й гвардейской дивизии стали пополнять запасы. «Сарафанное радио» быстро разнесло весть о легкой добыче по всем близко расположенным воинским частям. И вот уже к раздаче немецких «новогодних подарков» устремились тыловики.

Враг опять достиг своей цели. Осведомители быстро донесли, что уставшие и измотанные красноармейцы заняты разбором «подарков», а караулы не выставлены. Не зря немец заранее отвел танки в соседние хутора, и всю предыдущую ночь и день прогревал двигатели машин.

Охватив подковой полусонных и разморенных гвардейцев, часть из которых отметили немецким «шнапсом» Рождество, вражеские танкисты застали их врасплох. В полутьме началась

паника, ПТРовцы бросились к своим ружьям, но патроны они выложили, опорожнив подсумки для набора продуктов. Разъезжающиеся повозки и автомашины тыловиков рвали и без того повреждённые линии связи. Артиллеристы в темноте не видели, где свои, где враг. По воспоминаниям ветеранов-артиллеристов, они слышали рокот моторов, крики разбегающихся и умирающих бойцов и командиров, беспорядочную стрельбу и ржание лошадей. Немецкие танкисты больше давили и стреляли из пулеметов, чем из пушек. Потери 24-й ГСД и некоторых частей, участвующих в разделе трофеев, были непредсказуемы, о них, конечно, умолчали в рапортах и сводках, отметив лишь отсутствие караула и внезапный напор врага. Интересен факт, что подобная ситуация уже была в той же 24-й ГСД, на подступах к ст. Цимлянской.

В ст. Константиновскую воины-гвардейцы входили, уже с опаской поглядывая на столы, заставленные немецкими яствами и выпивкой. Они пили свой морковный чай и ели то, чем угощали их местные жители.

(По воспоминаниям ветеранов ВОВ и местных старожилов).

Из письма гв. старшего сержанта 290-го отдельного линей-

Николай Афанасьевич Лысых

ного батальона связи 84-го гвардейского стрелкового полка 33-й ГСД заместителя политрука Н.А. Лысых:

«Мы прошли с кровавыми боями 600 километров от Сталинграда до Ростовской области. 5 января освободили Цимлянский район, затем Николаевский и Константиновский. Стояла ясная морозная погода. На белом снежном поле выделялись боевые порядки наших частей. Враг бомбил нас с воздуха и обстреливал с суши. Мы провели на морозе трое суток, не имея возможности обогреться.

2-я Гвардейская армия была сильно ослаблена боями, не хватало боеприпасов, продовольствия. В сутки солдат получал 150-200 граммов хлеба. Голод был хуже блокадного. Люди валились от болезней...» (15)

Н.А. Лысых награждён медалью «За боевые заслуги».

Из приказа: «...За то, что он в бою под х. Лисичкин, когда вражеские автоматчики перерезали кабель, с группой бойцов под огнём восстановил связь...»

Погиб в боях на Миус-фронте 1 августа 1943 года.

Вернуться домой или погибнуть героем было более счастливой участью бойца или командира. Пропавшие же без вести несли в семью горе и разные толкования о пропавшем, чаще оставляя семью без пособий и льгот. Но самая страшная участь была у попавших в плен. Неизвестность была хуже смерти и увечья. Убьют свои или чужие? Остаться живым и восстановить статус героя выпадала возможность не многим советским военнопленным, и ещё меньше их вернулись домой.

Плен. (13)

Отслужив положенный срок в рядах Красной Армии, Костромин Иван Аверьянович вернулся в свой родной хутор Савельев и продолжил работать в колхозе. Крупный, мускулистый Иван мог остановить на ходу упряжку из двух колхозных лошадей. Подобное он пытался сделать еще на службе в армии. Когда одна из четырёх лошадей, тянущих полковое дальнобойное орудие, взбесилась и понесла весь «кортеж» на сараи, Иван вскочил на эту лошадь и пытался урезонить строптивое животное. Но как удержать четырех разогнавшихся коней с тяже-

Иван Аверьянович Костромин

лым орудием? Иван успел спрыгнуть в последний момент с упряжи перед стеной строения, чем спас себе жизнь. Удар был настолько силен, что животные, подгоняемые орудием, снесли стены каменного сарая.

Война не дала ему надолго задержаться на донской земле и завести семью. С первых дней войны Иван Аверьянович ушел на фронт. 1 июля сержант Костромин был направлен на курсы младших командиров в г. Каменск-Шахтинский, откуда в октябре 1941 года прислал свое последнее письмо.

В ноябре 1943 года семья Костроминых получила из военкомата уведомление на без вести пропавшего Ивана Аверьяновича. 75 лет продлилось молчание о гибели младшего лейтенанта, командира артиллерийского расчета И. А. Костромина. Последний запрос о сыне отец Ивана, Аверьян Федорович, послал в Министерство обороны 23 июля 1946 года и, не дождавшись результатов поиска, в скором времени умер.

Интересно, знал ли отец, что и второй его сын, Дмитрий, попал в плен и погиб в шталаге №310, лагерный номер 248776 Дмитрий умер 29.01.1942 года. Похоронен в Нойенгамме.

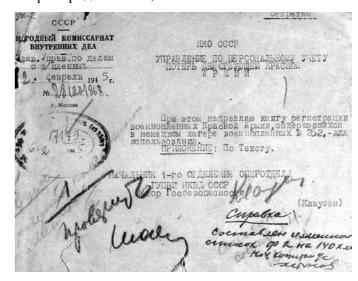
Дмитрий Аверьянович Костромин

gefangenen=Stan	1990	The second second	10 810) Pager: Stalag 8 1 7310
me KOSTR		AND DESCRIPTION OF THE PARTY OF	Staatsangroorigleit: 20032
ranne: DMI		30 Weller	Washington 6581 4 R Roma Sell on
	ortows	aja sau	No Camputated 0581 V R Romp Spol Cen-
gion: 9.0			Ratrifel Rr. (Stammerde bei Deimathantet):
name bes Baters:		setjan e	Gefangennahme (Det sied Datum): 20 VII 41
illienname ber Mutter	- let	rozowa	Ob gefund, trant, verroundet eingeliefert: 959und
. Eidibilb	Rabere Berfonalbefdreibung		
	178	gendente gendente	Befondere Renngeichen;
869	Bie bes recht	geraldrad en l Beigefingern	Mame und Anfdulft ber ju innuchrichtigenben Berfen in ber Seinet bes Reinftelngenen
	A TAPE		Hostromin Awayjan
Leels			Rostowskajo Lan, Nixolawskiji
y my		200	
9 my			A SomeGen
y my	-		A SomeGew
9 my	1		no y for of of of verto race Bung Cabense 6

Карточка военнопленного Дмитрия Костромина

Наш исх. №6662005	аннета 🖒
 Фамилия, имя ц отчество разъ- скиваемого. 	Устрошин Иван Аверы ковер.
2. Год рождения.	1912 Ростовиния облады в
3. Место рождения: область, р. с/совет, деревня, город.	a. cobeuce lamente coro co Phina co de que
4. Каким военкоматом призван когда, в какую часть и когд направлен.	12 12 cuores 194/2.
5. Военное звание.	e Kengagio pacrema
6. Занимаемая должность в Крас ной Армин.	
7. Когда прекратилась письменна связь.	18 8000 nies Spe. 194/2094.
8. Воинский адрес по последнем письму.	i
 Где проживал до призыва: об ласть, р-н, с/совет, деревия, го род. 	
10. Дополнительные данные о развеживаемом: письма товарище сообщения в/ч. свидетельски показания и др. (приложить анкете).	n, Professional Control of the Contr

В мае 2016 года 90-летнему племяннику Костромина, Анатолию Александровичу, в хутор Савельев поисковики отряда «Донской» им А. Калинина принесли копии архивных документов о гибели Ивана Аверьяновича 18.12.1941 года в рабочем фашистском лагере города Минска, в Шталаге-352.

(ЦАМО ф. 58, on. 18003, д. 408)

(ЦАМО ф. 58, on. 18003, д. 408)

Большая часть военнопленных доставлялись в Лесной лагерь по железной дороге, но были и приходившие пешими колоннами. У новоприбывших отбиралась кожаная обувь и одежда. Поз-

Тактика истощения

НЕКОТОРОЕ представление о том, в каких условиях находились военнопленные, дает описание двух бараков, местонахождение которых уже не установить. Итак, два полуразрушенных сарая без крыш — бараки № 21 и № 22. Суточное питание: хлеб — 80 — 100 граммов и 2 кружки перлового супа с гнилой промерзшей картошкой и соломой. Каждое утро из сараев вытаскивали 100 — 150 трупов, которые сваливали в общую кучу, словно дрова. Для непокорных немцы предусмотрели специальные камеры-клетки размером 1,5 на 2 метра. На высоте 1.3 метра в несколько рядов натягивалась колючая проволока. Пленный залезал туда, на холодный цементный пол, на четвереньках. Через 3 — 5 дней из клетки доставали замерзший труп...

Осенью 41—го в лагере началась эпидемия тифа, было создано сыпнотифозное отделение. Большинство больных тифом спасти не удалось, но, судя по документам, они умирали не столько от тифа, сколько от истощения. Таким же образом обстояли дела и в других отделениях лазарета. По документам, смертность в лазарете достигала 175 человек в пень. После освобождения Минска в

Статья «Тактика истощения». (8)

же взамен выдавалась обувь на деревянной подошве и одежда, снятая с убитых и умерших. Часть пленных была размещена по 400-500 человек в бараках, предназначенных для 60-75 заключённых. Зимой 1941-1942 годов около 80% узников содержалось в Лесном лагере под открытым небом.

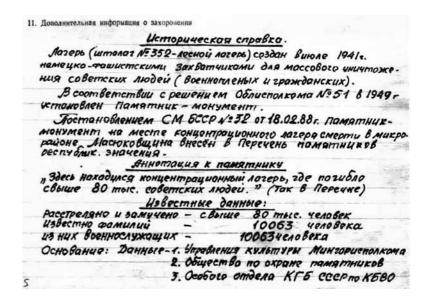
Рабочие команды Шталага были размещёны в хозпостройках Пушкинскобывшего го военного городка. В ноябре-декабре в лагере вспыхнула эпидемия тифа. Никакой медицинской помощи пленным не оказывалось, ежедневно умирало по 200-300 человек. В рабочем лагере за декабрь 1941 – январь 42 года умерло 10000 человек.

Штадлаг-352. Вывоз умерших.

Кроме этого, пленных морили голодом, зимой держали часами на открытых плацу, где замерзало по 200 человек.

Очевидно, среди умерших был и наш земляк, Костромин Иван Аверьянович.

Из воспоминаний ветерана войны ст. Богоявленской Дмитрия Григорьевича Кузнецова:

«Надолго запомнился лагерь Бухенвальд, в котором мне пришлось в 1947 году охранять заключённых. Наше начальство организовало экскурсию в крематорий. Сначала мы вошли в комнату, где находилось много стеклянных банок, трёх- и двухлитровых, наполненных всякими человеческими органами, законсервированными, а стены другой комнаты были изодраны, повсюду засохшая кровь. Висели какие-то верёвки с крюками, а в другом конце крематория была печь, в которых сжигали трупы людей... Хватит! Думаю, больше такого в мире не будет. После того, как лагерь передали немецкой полиции, нас отправили домой, в Россию».

Александру Арефьевичу Лаптенко, уроженцу х. Кастырского, удалось дважды бежать из фашистского плена. Первый раз, в

Александр Арефьевич Лаптенко

июле 1941 года, он попал в окружение под Минском, 7 дней голодали под палящим солнцем вместе с 44 тысячами солдат, ждали отправки в Германию. Именно тогда Александр с двумя товарищами решается на побег.

А в июле 1942 года в городе Умань, что на Украине, Александр опять попал в плен на 3 суток, но ему опять удается бежать. (Из воспоминаний ветерана). (22)

На оккупированной территории действовали чужеземные законы — чтобы поставить страну Советов на колени. Хотя для казачества в какой-то мере были послабления: жили в большей части в подвалах, летом в хозпостройках, на колхозных бригадах. Ре-

гулярно кормили немцев, румын, венгров, итальянцев молоком, яйцами, овощами, картошкой и другими продуктами, отказывая в достаточном питании своим детям и больным старикам, одевали оккупантов, отдавая им последнюю одежду и обувь. А если и не отдавали, что было нужно оккупационным войскам, то их тыловые представители или полицаи забирали насильно, забирали, когда хотели и что хотели. Лишь иногда возвращали дойную скотину хозяйке, да и то не из жалости к детям или казакам, а для обеспечения молоком солдат германского вермахта.

Это сегодня некоторые защитники фашизма с пеной у рта кричат, что при оккупантах жилось бы лучше, и что пили бы сейчас гамбургское пиво. Забыли военное время, когда их предки чистили немецким офицерам сапоги, обстирывали, убирали свои собственные дома, где жили чужестранные «хозяева», носили по сугробам им воду, а себе пекли лепёшки из перекати-поля и лебеды, грызли жмых, варили суп из картофельных очисток и боялись за детей...

Житель г. Таганрога Игорь Михайлович Додонов 1929 года рождения вспоминает:

«С размещением немецко-фашистских войск в городе наступили тяжёлые времена, я с сестрой оставался один, а матушка ходила по деревням, меняла вещи, чтобы прожить, чтобы было, что кушать. Я помогал матери, как мог. Приходилось даже чистить вражеские сапоги, чтобы заработать на еду».

Хотя в распоряжении № 53 бургомистра Таганрога от 20 апреля 1942 года указывается:

«Детям моложе 14 лет воспрещается как торговать на базаре, так и иметь какой-либо другой заработок (чистка саnoг)...»

В один из дней оккупации в 1943 году Игорь Додонов находился на рынке, где его схватили немецкие солдаты и отвезли в родную школу, в которой детей уже давно не учили — здесь располагалось гестапо. Впоследствии Игорь Михайлович рассказывал:

«Нас, человек шесть, туда завели. Думаем, вывезут на Балку Смерти, расстреляют. Но нас погрузили в «чёрный воронок» и куда-то повезли. Ехали долго. Оказалось, что нас привезли на завод имени Димитрова, где мы увидели ещё много молодых ребят, которые под надзором немецких солдат грузили слесарные верстаки для отправки их на Запад. Через два дня нам выдали на руки бумагу: «Приказ о трудовой повинности». По ней мы назначались на работу в тылу в прифронтовой полосе оккупированных восточных областей. В случае неповиновения наказание несла вся семья — расстрел. Выхода не было — поехал. Отправили нас в Винницкую область, на работы в мастерские. Жили за колючей проволокой, обращались там с нами очень жестоко». (16)

Безусловно, некоторая часть жителей Дона, как и всего прежнего Союза, жили в своих домах и ели с одного стола с оккупантами. Они же и сдавали своих земляков в гестапо и комендатуры. Они же, опережая немецких солдат и офицеров, устраивали расправы, пытки и расстрелы сограждан, грабили своих соотечественников. И они же подались, как крысы с тонущего корабля, вслед за оккупантами. И сегодня «из-за бугра» пытаются навести смуту в России. А может слишком гуманно, что сегодня нельзя обижать предателей, прощать заблудившихся в помыслах, не называя их фамилии и деяния, боясь обидеть потомков?

Сталкиваясь с архивными документами, с воспоминаниями участников событий, и выслушивая рассуждения о Великой Отечественной войне, иной раз приходится удивляться тому, что некоторые потомки погибших советских людей на фронтах войны, сомневаются в правильности действий своих дедов. Хотя это и понятно, поскольку в современном Мире всё чаще героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны подменяется выдумками западных и американских СМИ, а в российских источниках информации публикуются выдумки псевдоисториков. В учебниках истории общеобразовательных школ произошло целенаправленное сокращение материалов о событиях в годы войны. Всё это наводит на мысль о постепенном переводе героизма и победы советского народа над фашизмом на второстепенный план, с целью затуманить мозги подрастающему поколению и привести к всеобщему прощению фашистов забыв их деяния.

Костин

Однажды при работе в архивах мне на глаза попалась газетная заметка 1966 года о последнем подвиге уроженца х. Крюкова Константиновского района красноармейца 366-го стрелкового полка Костина Ивана Георгиевича.

Летом 1944 года сержанта Ивана Костина дорога войны привела в Латвию. Был он тогда командиром стрелкового отделения в одном из полков, освобождавших Прибалтику.

…Гитлеровцы решили форсировать реку Дубису. В числе других этому помешал сержант Иван Костин со своими бойцами. Пятьдней гремели бои у реки. И пять дней автоматчики не выходили из сражений. В этом месте врагу не удалось прорваться. Вскоре на груди командира отделения засверкал первый орден — орден Славы третьей степени.

Через месяц новое наступление наших войск. Настроение у бойцов радостное. Уже на третий день боев они вышли в те места, гле начался первый день войны.

Летом прошлого года мы побывали в архиве Мини-

стерства Обороны СССР. В материалах армии сохранилось несколько документов, рассказывающих о мужестве и героизме комсомольцев из Константиновского района Ростовской области.

В одном из них сказано, что «сержант Костин в период боев 20—21 октября 1944 года за овладение высотой 9,8 около литовского города Шилуте первым со своим отделением ворвался в расположение противника и ручными гранатами вывел из строя огневую точку противника—станковый пулемет с прислугой. Три гитлеровца убиты, а один взят в плен.»

…Наступление продолжалось к нижнему течению реки Неман. Там врати упорно сопротивлялись, стремясь не допустить советские войска к водной преграде, за которой начиналась Восточная Пруссия. Наступление развивалось успешно.

На берегу реки раскинулась деревня Пляушварай. Преследуя отступавшего противника, сержант и на ее улицы ворвался первым, уничтожив только лично семь впрагов Приказом командующего армией Иван Григорьевни Костин был награжден орденом Славы второб степены. И опять бои тяжелые, кровопролитные. Впереди был Кенигеберг...

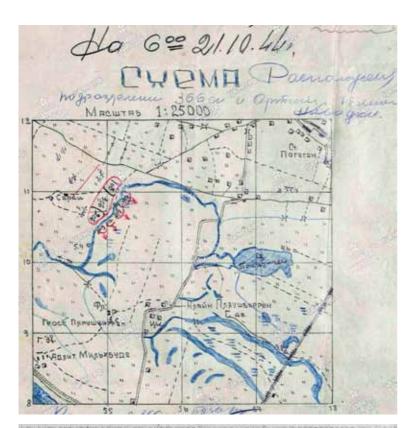
Не вернулся боец домой. В одной из атак он погиб. Мы не зікаем, кто из родных Ивана Костина проживает в хуторе. Им и всем землякам сержанта нам хочется сказать, что в далекой Прибалтике помият воина, знают о его ратных делах, свято чтут память.

П. ФРОЛОВ, руководитель военно-исторического кружка средней школы № 27 города Вильноса.

Из боевого донесения № 00519 штаба полка 336:

«В 7.30 20.10.44, получив приказ подразделения, пошли в наступление в направлении выс. 12.5 Адлих Гроспляушварен с задачей занять в целом мосты через р. Неман (2 и 3 стр. бат), 1-й сб. прикрывает их левый фланг».

Интересно, помнит ли нынешнее поколение в Прибалтике подвиг Костина? А ведь в свои 20 лет И.Г. Костин был награждён орденом Славы III-й степени, двумя медалями «За отвагу». За один из последних боев, 27 января 1945 года, за населённый пункт Меткойм сержант Костин представлен к ордену Славы I-й степени. Но эту награду Иван не успел получить.

Костин Иван Георгиевич, командир отделения 8-й стрелковой роты 3-го стрелкового батальона 366-го стрелкового пол-ка Горловской, дважды Краснознаменной ордена Суворова 2-й СД 2-й Гвардейской Армии, был ранен 30 января и умер от ран 1 февраля 1945 года в госпитале 43-й Армии ХППГ № 112, захоронен в Восточной Пруссии, г. Кенигсберг, место Косидорф, могила №1.

Николай Андреевич Блохин

В январе 1943 года, в дни освобождения Ростовской области, не дойдя несколько десятков километров до родного дома, погиб наш земляк Блохин Николай Андреевич.

Согласно архивных документов, из семьи Блохиных на фронт ушли два брата — Абрам и Николай. Оба с войны не вернулись.

Из писем красных следопытов Чекаловской школы и сестры Николая, Екатерины Андреевны, стало известно, что младший брат Николай был разведчиком-кавалеристом.

Из письма Екатерины Андреевны к юным следопытам:

«Мой самый младший брат Коля родился 9 мая в 1917 году, в семье кузнеца. Сам был кузнецом, проживал в ст. Константиновской. Действительную службу проходил на Дальнем Востоке на границе с Китаем.

В 1941 году, когда началась война, в июне—июле его мобилизовали на фронт. Он был рослым парнем — 180 см ростом и весом 120 кг. Очевидно, поэтому попал в разведку.

Брал живых «языков», защищал Сталинград. А когда освободили Сталинград, они гнали немцев, и он погиб. Его хорошо знал наш земляк, его сослуживец, Шебанов Василий Васильевич.

А где погиб ещё один наш брат, Абрам Андреевич, мы так и не знаем. Прислал одно письмо. Знаем, что был минометчиком. Под Гомелем был ранен и попал в госпиталь. Похоронки на него не получали. Всё ждём его домой».

Возможно, остались бы более подробные воспоминания о семье Блохиных и подвигах Николая, но 19 апреля 1975 года Екатерина Андреевна умерла.

Согласно документам, хранящимся в архиве МО РФ, Николай служил в 21-м разведывательном дивизионе 67-го горнокавказского полка 21-й горно-кавказской дивизии.

Дивизия базировалась в г. Фергане (Узбекская ССР). С 11 по 15 июля она была укомплектована по штатам военного времени и 17 июля, погружённая в 30 железнодорожных вагонов, оправлена на запад, на поля сражений, через Ташкент, Саратов, Тамбов и Брянск. Начиная с Орла, эшелоны подвергаются бомбардировке вражеской авиацией, и дивизия понесла первые потери.

28 июля 1941 года дивизия получает первый боевой приказ: выйти маршем к линии фронта и войти в состав 28-й Армии. (Дивизия была сформирована в 1918 году и принимала участие ещё в Гражданской войне).

В первый бой 67-й ГКП вступил с прорвавшейся на Рославль мотомеханизированной колонной противника утром 2 августа. В результате двух столкновений противник потерял 11 танков, 6 бронемашин и 6 машин с пехотой. Бой разгорался, противник усиливал свои действия, бросая в наступление всё больше и больше танков и пехоты. В полдень началась атака авиации. Слева и справа действия дивизии ограничивали болота.

К 16.00 было отбито шесть атак противника, от артиллерийского и минометного огня больше всего пострадали коноводы и эскадрон 67-го ГКП. Полк вынужден был отойти, оставляя на поле боя 25 вражеских танков, 8 мотовозов, 3 миномётных батареи, до двух батальонов пехоты. Подавлен огонь 6 минометных и 3 артиллерийских батарей.

Наши потери составили: около 400 чел. ранеными и убитыми; уничтожено одно 76-мм, одно 45-мм орудия, 14 станковых пулемётов, один 82-мм миномёт. Убит командир 67-го ГКП Максимов.

На следующий день дивизия вновь пыталась атаковать противника, но видя, что ввязалась в бой с крупными силами тан-

ковой колонны 24-го армейского корпуса, перешла к обороне. В последующие дни августа дивизия предпринимала атаки на врага, прорываясь в тыл его расположения, где понесла большие потери в конском составе.

9 мая 1942 года дивизия в составе 45-го стрелкового корпуса попала в окружение. Рассредоточившиеся части дивизии вели бои по тылам противника и к 14 августа с оставшимися частями корпуса вышли из окружения.

Так, с первых кровопролитных боёв, начался боевой путь 21-й ГКД и нашего земляка Блохина Николая Андреевича.

В декабре 1942 года кавалеристская дивизия подходила к донской земле, и Николай наверняка мечтал повидаться с родными. Оставались дни до начала боёв за освобождения родного Константиновского района.

В конце декабря 1942 года 67-й ГКП находился на исходном положении для наступления на восточную окраину хутора Лобачёва Обливского района, с заданием провести разведку в сторону х. Рябовский.

Из боевых донесений:

«31 декабря противник в течение суток вел почти непрерывный огонь 82-мм миномётами.

01.01.1943 г. 21-й ГКД в полном составе из района Обливская с боями совершила марш и к 14.00 сосредоточилась в районе хуторов Красный Яр и Богомазов.

В ночь с 01.01 на 02.01, в 22.00, следуя маршем Богомазов — Волоцкий, 67-й ГКП был обстрелян противником. Полк спешился и повёл наступление в юго-западном направлении. Сбив охранение противника, к 10.00, 2.01, сосредоточившись в н.п. Волоцкий, занял круговую оборону...»

4 января 1943 г. Николай погиб в бою при освобождении Морозовского района, и был похоронен в хуторе Троицком.

Из воспоминаний земляка и однополчанина Шебанова В.В.:

«Я и Блохин служили в одном полку с июля 1941 года. Николай – в полковой разведке, я – в пулемётном эскадроне.

В начале войны нам пришлось выходить из окружения по белорусским лесам и болотам, где на пересечениях дорог и в других местах мы вели ожесточенные бои. Но всё же наш полк вышел из окружения в районе деревень Нижне-Песочная и Верхне-Песочная, около Курска.

Во время этих событий Николаю пришлось отдать много сил и выковать в себе стойкость в отпоре врагу – фашизму!

В период боевых операций мы редко виделись, так было и в этот раз. О его смерти мне рассказали его друзья-разведчики. Когда полк находился между Морозовской и Тацинской, взвод уходил на задание, а его в этот раз оставили в небольшом укрытии в балочке с лошадьми. В балку попала вражеская мина и навсегда оборвала жизнь Николая.

Сколько раз ему приходилось быть с врагом в непосредственной схватке, как на переднем крае, так и в тылу противника! А тут погиб...»

Старший брат Николая, красноармеец 21-й армии Абрам Андреевич, был ранен 14 июля 1941 года в Гомельской области и умер 18.07.1941 г. в передвижном полевом госпитале № 503. Похоронен в п. Боровая Корма Жлобенского района.

Николай Филиппович Подус

1 июня 2014 года в хуторе Топилин Семикаракорского района, на подворье А.И. Змешкалова, сводным поисковым отрядом «Донской» им. А. Калинина было найдено неучтённое захоронение советского солдата.

Ещё в 1950-х годах прошлого века семья Змешкаловых, получив земельный надел, обнаружила на нём могилу неизвестного солдата. Долгое время они бережно ухаживали за ней. Находясь в преклонном возрасте и не имея сил должным образом досматривать захоронение, А.И. Земшалов попросил перенести останки неизвестного воина в братскую могилу. При эксгумации была обнаружены обгоревшие останки воина, брючный и шинельный

ремни, две отвертки, два ключа, гайка и, главная находка, — солдатский медальон.

Старожилы вспомнили, что в январе 1943 года здесь похоронили обгоревшего танкиста.

При наружном исследовании из-за ветхости вкладыш медальона показался не заполнен. Спустя год, благодаря коллегам-экспертам из Белоруссии, вкладыш медальона удалось прочитать. Он принадлежал гвардии младшему сержанту, шоферу 3-й гвардейской тяжелой танковой бригады Подусу Николаю Филипповичу, погибшему при налёте вражеской авиации 09.01.1943г. на дороге в ст. Семикаракорскую — х. Топилин. Его имя изначально было занесено на плиты братского захоронения в центре х. Топилин, хотя останки воина 70 лет пролежали в земле в 3 км от него, на окраине хутора.

22.06.2014 г. останки Подуса Николая Филипповича были торжественно перезахоронены в братскую могилу. Благодаря помощи местной сельской администрации была проведена полная реконструкция памятника и памятные плиты хуторского обелиска пополнились 70-ю именами советских воинов, умерших от ран в январе-феврале 1943 г. в полевых госпиталях №№ 141 и 144, 2-й гвардейской армии, дислоцирующихся в х. Топилин, и была проведена полная реконструкция памятника на братском захоронении.

Разведчики

28 апреля 2017 года поисковиками отряда «Донской» им. А. Калинина на окраине хутора Кастырского, найдено неучтённое захоронение. На глубине 170 см, в воронке, найдены останки советских воинов.

Поиски этого захоронения отряд вёл с лета 2012 года. Из опросов старожилов станицы Богоявленской и окрестных донских хуторов и стало известно, что на окраине хутора Кастырского в январе 1943 г. местные жители схоронили погибших во-

инов Красной Армии. Но за 70 лет хутор то разрастался за счёт приезжих, то становился малолюдным из-за отсутствия работы. В начале нового века многие местные жители разъехались в другие регионы в поисках работы, а старожилы умирали или переезжали к своим родственникам. В результате перемен некогда многолюдные казачьи дворы оставались брошенными или изменяли свои границы. В связи с этим осложнялся и поиск места захоронения, нахождение свидетелей событий военных лет.

Предполагаемое место неучтённого захоронения. 2012 г.

В ходе эксгумации останков попадались пуговицы от гимнастёрок и нижнего белья, остатки ремней, пряжек, валенок. Останки первого эксгумированного молодого воина были сильно обожжены. В течение дня на месте поиска были эксгумированы останки восьми воинов РККА.

Кости рук и ног погибших имели сколы и ровные разрезы, зарубины, не соответствующие боевым ранениям. Другие были повреждены вражескими осколками снарядов, мин и пулями, часть из которых навечно остались в телах бойцов. Самое ужасное, что

семь скелетов были без черепов. Черепа были найдены в том же захоронении (все семь), на некотором расстоянии от основных останков. Очевидно, тела бойцов после смерти или ещё при жизни были обезглавлены. На одном черепе есть двойной рубленый удар (скол части черепа).

Пришлось обратиться к архивам и собственным исследованиям поисковиков за прошедшие годы. Невольно на ум пришли воспоминания старожилов Д.А. Юдина и И.Ф. Фоминичева из х. Кастырского.

Беседа с Фоминичевым И.Ф. 2012 г.

Из воспоминаний подростка военных лет Дмитрия Юдина (опрошенного в 2012 году), о героях-разведчиках, погибших в январе 1943 года:

«Наши хуторяне всё старались подкормить бойцов, ведь они были такими измученными и голодными. У солдат были тыквенные и подсолнечные семена.

Хутор освобождали дважды, а то и трижды. Во второй раз пленных уже не брали, расстреливали прямо во дворах.

Вечером к нашему дому на мотоцикле подъехал немецкий вестовой. Выгнал всех из дома в прихожую. Вообще немцы вели себя нагло.

Только мы легли спать, как к нам кто-то тихо постучал в двери. Мы разбудили своего дядю, и он впустил «ночных гостей». Это были наши разведчики в белых халатах. Дядя дал им спички и показал на комнату спящего фашиста. Быстро его связав, и по ходу одевая, разведчики вытащили немца на улицу. Но внезапно изо рта «языка» выпал кляп и он заорал: «Рус! Иван! Рус! Иван!» А недалеко от нас, в метрах 200, стояли немецкие часовые и танки. Что тут началось!

Из разведки – с «языком»

Ночь, кругом тьма. Мы всей семьёй бросились в неподалёку выкопанный окоп. Разведчики на бруствере окопа расположили пулемёт и стали прикрывать отход четырёх бойцов с «языком». Им помогали наши жители, как проводники. Прикрывать отход остались восемь разведчиков. Немцы стали стрелять из танка. Разведчики, боясь за мирных жителей, отступили в степь, где пали в неравном бою с немецкой пехотой и танками. Жаль, что их имена остались неизвестны...»

Согласно архивных данных ЦДНИРО и городского архива г. Константиновска, подтверждённых воспоминаниями жителей х. Камышина — С.Л. Московкиной, П.М. Молокановой, П.А. Чернобылова, семь бойцов из группы советских разведчиков были взяты в плен, их пытали и расстреляли. Лейтенанту выкололи глаза и, облив бензином, сожгли. Разведчиков избивали прикладами.

Д.А. Юдин также видел, как утром следующего дня фашисты вели молодого, крепкого телосложения разведчика. Он был одет в ватные белые штаны и валенки. Его спина и грудь были покрыты кровавыми полосами и ссадинами, раны на лице и груди кровоточили, оставляя кровавые капли на январском снегу.

Все эти воспоминания давних лет оставляют нам лишь догадки и предположения. Ведь среди останков действительно попадались обгорелые кости и куски одежды и валенок. Конечности останков переломаны, видны рубленые сколы. Останки первого из восьми павших говорят о том, что при жизни он был ростом свыше 180 см, крепкого телосложения, возрастом не старше 25 лет. Очевидно, этот тот воин, о котором упоминал Д.А. Юдин.

По воспоминаниям ветеранов 24-й гвардейской дивизии, их кухня отставала на несколько суток, и приходилось перебиваться тем, что могли найти по пути следования. Чем могли, подкармливали освободителей местные жители, чаще угощали жареными семенами тыквы или подсолнечника. И действительно, при осмотре останков одежды эксгумированных воинов, в карманах шинелей остались несколько тыквенных и подсолнечных семян. У одного бойца в валенках были пучки сена, очевидно, для дополнительного обогрева. Часть останков и одежды были обгоревшие.

И полное отсутствие всего, что могло говорить об имени солдата, — ни медальонов, ни личных бытовых вещей.

Остаётся вести поиск в архивах МО РФ о героических разведчиках, чьи имена до сих пор не известны...

Раз я коснулся судеб разведчиков, то хочу рассказать об одном эпизоде боевого пути нашего земляка, Коноплина Евгения Михайловича, уроженца ст. Константиновской.

Мы знаем о подвигах разведчиков, выполнявших свой воинской долг и, вместе с тем, спасавших жизни мирных граждан и жизни бойцов и командиров других воинских подразделений. Благодаря разведчикам Евгений Михайлович вернулся с войны в родной Константиновск.

Евгений Михайлович Коноплин родился 8 марта 1925 года, окончил неполную Константиновскую школу.

Из биографии: работал в гараже Нижнедонского участка, без отрыва от производства окончил курсы шоферов. В июне 1942 года эвакуировался в г. Ташкент. В армии с 1 мая 1943 года.

Прошёл курсы Энгельского пулемётного училища — и на фронт. Дважды был ранен, контужен. В 1945 году, после выздоровления, из резерва направлен командиром стрелкового взвода в Московский округ, в 36-ю дивизию КВ НКВД. В последующие годы возглавлял областную школу ОСВОДа.

«Я ведь остался жив случайно, благодаря разведчикам.

Война шла к концу, но немцы сопротивлялись упорно. В ночь на 25 января 1945 года я участвовал в ликвидации Курляндской группировки в составе 1166-го стрелкового полка 346-й ордена Кутузова III ст. Дебальцевской Краснознамённой стрелковой дивизии. В районе станции Булдури от разрыва снаряда вышел из строя наш пулемётный расчёт, фашисты перешли в контратаку. С двумя солдатами (я командовал взводом) кинулся к пулемёту. Дал несколько очередей по атакующему противнику, и они залегли. Но рядом с нами разорвалась мина, я был тяжело ранен и потерял сознание. Когда очнулся, увидел, что оба моих товарища лежат убитыми на снегу. Я истекал кровью от осколка, попавшего в бедро. Бой затих, кругом ни одной живой души, ни наших, ни фашистов. Собрав последние силы, я заполз в немецкий блиндаж и снова потерял сознание. И только на рассвете следующего дня дивизионные разведчики, выполняя задание командования по определению переднего края противника, натолкнулись на меня.

От них я узнал, что наш полк отошёл на исходные позиции, а я нахожусь в 100 м от немцев. Один из разведчиков стал тащить меня волоком на плащ-палатке к переднему краю наших позиций. У самой палатки, где располагался медпункт, мы попали под вражеский артобстрел. Я снова был ранен, а разведчик, вынесший меня, убит.

Прошли десятилетия, а образ разведчика стоит у меня перед глазами. Я мучаюсь все годы, что не успел узнать ни его имени, ни фамилии...» (Из беседы ветерана войны Н. Пронина с Е. Коноплиным).

«В боях западнее населённого пункта Булдури Латвийской ССР, тов. Коноплин проявил исключительное мужество и отвагу. Когда противник после артналёта предпринял яростную контратаку, в решающий момент боя расчёт станкового пулемёта был выведен из строя. Тов. Коноплин, несмотря на то, что он был ранен, сам лично расстрелял наступающую пехоту противника. Интенсивный огонь станкового пулемёта принудил противника повернуть обратно». (Из наградного листа).

За этот подвиг младший лейтенант Коноплин Е.Н. 28 января 1945 г. был награждён орденом Красной Звезды.

Сестра Евгения — Валентина после окончания неполной школы и ростовского техникума, с 1940 г. работала фармацевтом в аптеке п. Константиновского. После освобождения района от фашистских захватчиков уехала в г. Львов.

18 летний разведчик Виктор Шабатюк

В 1970 годы в среднюю школу ст. Николаевской были присланы несколько детских фотографий и пионерский галстук Вити Шабатюка. Кто он, этот юный герой Великой Отечественной войны?

После окончания школы семнадцатилетний ленинградец Виктор Шабатюк поступил в военно-морскую спецшколу, после её окончания отправлен на фронт. Домой Виктор писал: «Мама, тебе никогда не будет стыдно за меня».

В январе 1943 года, в составе 33-й гвардейской стрелковой дивизии, Виктор гнал с донской земли врага на запад. С первых чисел января 1943 года завязались кровопролитные бои за освобождения ст. Богоявленской и х. Кастырского. Усиленная оборона противника не позволяла передовым частям 2-й Гвардейской Армии выполнить приказ Верховного Командования: выйти на заданный рубеж п. Константиновский не позднее 5 января. Несколько раз разведчики уходили на задание к оборонительным рубежам противника.

Из воспоминаний старожилов:

«В бою за хутор Кастырский, недалеко от речки, группа разведчиков попала под смертельный огонь врага. Виктор был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Каждый день в госпиталь приходили учителя, среди из них была и Елизавета Александровна Хрустева. Учителя и школьники несли своё душевное тепло раненым. Жители района готовились к празднованию по случаю освобождения от фашистских захватчиков. Е.А. Хрустева вспоминала: «Виктор был жизнерадостным, даже когда его привезли тяжелораненого в госпиталь, он не думал о смерти. Школьники готовили праздничный концерт, и Виктор ждал этого дня». Вечером Виктор хотел увидеть питомцев Хрустевой и радовался предстоящей утренней встрече, а ночью умер».

Гвардейский разведчик 21-й отдельной гвардейской разведроты, восемнадцатилетний Виктор Шабатюк умер от ран в госпитале ЭГ 5192 в ст. Николаевской 23 февраля 1943 г. Награждён медалью «За отвагу».

Солдатская судьба

Бывает так, что боец погибает от пули или осколка в первом же бою. Обиднее всего быть убитым в последние дни войны или уже после Победы.

Но бывали и другие случаи, когда воин пропал без вести, или на него пришла похоронка, а он вернулся после войны живой. На то она и война, чтобы запутать судьбы людей, причинить боль от утраты и радость от победы и возвращения сына, брата, отца в родной дом.

На той войне были и более запутанные судьбы воинов. Об одной из таких судеб мне и хотелось бы рассказать читателю.

Девятнадцатилетний Александр Семёнович Саломатин, уроженец станицы Константиновской Ростовской области, в 1938 году был призван на службу в Красную Армию. Но по окончанию службы не суждено было Александру вернуться домой. Неспокойно было на границах родного государства. Войну артиллерист Саломатин встретил на Ленинградском фронте.

Его мать дважды получала похоронки, которые, очевидно, сократили её жизнь не на один год.

Первый раз его похоронили на Ленинградском фронте под Нарвой.

Полковым разведывательным группам так и не удалось вскрыть огневую систему противника, захватить пленных и документы. Так было отмечено в журналах боевых действий дивизии. В ходе очередной операции группа разведчиков, в которой находился Александр, смогла подойти поближе к оборонительным рубежам противника и определить огневые точки врага. Но и они сами были замечены и окружены. Несколько огневых точек врага ещё не были уничтожены, и разведчики, организовав круговую оборону, продолжали корректировать огонь артиллеристов.

Как вспоминал Саломатин, в тот момент единственным выходом было решение вызвать огонь на себя.

После артобстрела разведчики не вернулись к своим ни в первый, ни на второй, ни на третий день. Очередная группа раз-

ведчиков, посланная в одну из ночей, не нашла их тел среди множества воронок. Домой Александру полетела «похоронка».

Его молодое тело, изрешечённое осколками снарядов, санитары стрелкового полка нашли только на пятый день после прорыва вражеской обороны. Обходя поле боя, они увидели в воронке засыпанного бойца, лишь часть ступни и лица вырисовывалось из-под земли. Откопав воина, констатировали: «Не жилец: если выживет, это будет чудо». И отправили его в госпиталь.

Чудо произошло, Александр выжил. Молодой организм хотел жить и бороться с наседавшим на Отечество врагом. Восемь дней Саломантин пролежал без сознания, потом лечение и снова фронт. «Бить врага беспощадно!», — сообщил Александр своё единственное желание в письме к матушке.

Двадцатипятилетний сержант Саломатин продолжал вместе с ленинградцами отстаивать Родину от ненавистного врага, делясь пайком с голодными детьми. После прорыва блокады истощённый Александр опять попал в госпиталь. Из госпиталя — на фронт, снова бои и опять ранение в августе 1944-го.

В октябре 1944 года в Латвии, под Ригой, его похоронили второй раз. Нет, писарь ничего не напутал, разведчик артдивизиона сержант А.С. Саломатин вместе с радистом не вернулись с боевого задания.

В то время противник отступал. За три года войны он укрепил свои оборонительные рубежи дотами, провел подземные коммуникации, врыл танки в землю. Ввиду плотного огня, нашим разведчикам долгое время не удавалось даже приблизиться к передовому краю противника, а не то, чтобы взять языка. Для разведгруппы старшего сержанта Саломатина складывалась похожая ситуация, как под Лениградом. Нужно было любой ценой проникнуть в оборону врага и скорректировать огонь полковой артиллерии на подавление огневых точек противника. Задача осложнялась тем, что здесь у врага все огневые точки были хорошо замаскированы под местный ландшафт.

На рассвете перед разведчиками открылась хорошо укрепленная оборонительная система. Все опорные пункты были

связаны траншеями, скрытыми ходами перемещения. Все доты также имели ходы сообщения, между которыми стояли открытые пулемётные точки; за траншеями — скрытые, врытые в землю танки; в лесках, очевидно, орудия или миномёты. И это только то, что можно было заметить в первые часы наблюдения. На то, чтобы вскрыть в этой системе все огневые точки противника, требовалось время, которого у разведгруппы не было. Готовилась крупномасштабная наступательная операция.

Разведчиками было принято решение о корректировке кратковременного огня по видимым и предполагаемым целям, спрятанным в лесистой местности, с расчётом, что, запаниковав, противник обозначит и другие огневые точки. Так и произошло. После первого же артобстрела противник выдал новые, ранее невидимые места размещения орудий.

Теперь оставалось только своевременно засекать места, откуда были проведены выстрелы, и корректировать огонь наших артиллеристов.

«Но это хорошо говорить, когда ты в своём расположении, а не в нескольких сотнях метров от вражеских орудий, в центре обороны врага!» – вспоминал ветеран.

Вскоре немцы поняли, что рядом есть корректировщики противника, и стали прочёсывать местность. А на обороне противника всё выявлялись и выявлялись новые доты, орудия разного применения, танки, куда спешили фашисты, занимая оборону. Приходилось вносить изменения, направлять огонь наших орудий по прежним точкам и по новым.

Так разведчики оказались в окружении. Многие из группы погибли, успеха на отход не предвиделось, а сведения об огневых точках противника были необходимы для успешного наступления советских войск.

Вот и решили: «Двум смертям не бывать, одной не миновать! Если погибнуть, то —уничтожив врага!» Тем более, у Александра уже был опыт вызывать огонь на себя.

И снова в дом Саломатиных в посёлке Константиновском полетела похоронка...

Лишь по счастливой случайности он остался жив, о чём сослуживцы сообщили маме Александра, когда он лежал в госпитале. Но теперь она уже не верила приходящим письмам. Думала, что его друзья пишут, успокаивая поседевшую мать.

А сын продолжал бить врага уже в другой части, ведь свой дивизион ушёл далеко вперёд, на Запад.

Старший сержант штурмового стрелкового батальона 880-го стрелкового полка 189-й Кингисеппской краснознамённой дивизии А.С. Саломатин в апреле 1945 года при отражении контратаки противника в районе г. Эльба был ранен, но не оставил поле боя, показав образцы отваги и мужества. Награждён медалью «За отвагу».

И когда в один из ноябрьских дней в дом Саломатиных постучали и погрубевшим голосом сказали: «Мама!», она не поверила. Не сразу открыв двери, она сказала: «У меня сын погиб на войне...»

Прожив десятки лет, герой разведчик-артиллерист говорил: «Так поступил бы каждый. Если бы пришлось повторить всё сначала, не задумываясь, вызвал бы огонь на себя».

Он ещё часто вспоминал дни пожарищ, раскалённые стволы орудий и погибших товарищей, не доживших до Дня Победы...

А в выдвижном ящике стола семьи Саломатиных мирно лежали три медали «За отвагу», орден Красной Звезды и другие награды, напоминающие потомкам о героизме сержанта Александра Семёновича Саломатина.

Из архива г. Константиновска и МО РФ, запись Т. Котельниковой.

Дети войны

Я помню опалённое войной детство. Я помню, как от голода умирала бабушка, просившая «исти, исти», а мы, дети, неделями ждали маму, уехавшую на Украину, чтобы что-то обменять на еду. А ранней весной бежали в степь и рвали полевые травы, из муки которых тётка пекла нам лепёшки, хотя часть травы мы съедали по дороге. Мне кажется, что горечь этих лепёшек я ощущаю во рту по сей день. Желудок бабушки не выдерживал такой грубой пищи, и она постепенно умирала у нас на глазах.

Мои огрубевшие не по годам мальчишеские руки сохранили память первых колосьев послевоенного хлеба, сырость самана, который мы лепили из глинистоземляной жижи, мешая её с соломой для строительства своего будущего дома.

Сколько нас, подростков, тогда выжило?

Перед войной на нашей станичной улице в футбол играли две команды, учителя собрали два класса будущих лётчиков, которыми мечтали стать все пацаны и даже девчонки.

С приходом фрицев кто-то ушёл погонщиками скота, кто был постарше, погнали колхозную технику за Дон, да так и не вернулись.

Когда немец сбросил первые бомбы, погиб мой друг Николай, его дом был недалеко от Дона, а его младшие сестрички погибли в детском садике на другом краю станицы, куда фашисты сбросили свой смертоносный груз. Лёшку-соседа убили на переправе. Мы, мальчишки, часто бегали смотреть, как эвакцируется военная техника. В тот день все убежали, а Лёшку догнал немецкий летчик и расстрелял прямо на станичной улице. А в соседнем дворе убили сразу трёх малолетних девочек. Их отец, Кирьян Никандрович, в предвоенный год завёз с Дона две повозки песка, который высыпал под молодой грушей. Говорил: «Пусть дочки играют во дворе, это лучше, чем будут бродить по улицам, да по чужим дворам». На месте песочницы была огромная воронка. Всё что собрали от детей, тётка Серафима сложила в свой платок и вместе с изуродованными игрушками захоронила под обгоревшей грушей. А дядька Кирьян пропал без вести под Ржевом. Груша с изуродованным стволом, как и наши судьбы, подростков войны, стоит и сегодня в том дворе, только о войне многие уже давно забыли.

Моя старшая сестра Зинаида, с подружками, помогала медсёстрам в госпитале, грузили раненых на катера и баржи. После прямого попадания вражеской бомбы домой вернулась только Нинка с соседней улицы. Двое моих одноклассников, Михаил с сестрой Дарьей, погибли во время оккупации, подорвавшись на минном поле, когда искали корову. У наших вожаков-комсомольцев Николая, Анатолия и Сергея полицаи нашли листовки и их расстреляли за связь с партизанами.

Многих мальчишек и девчонок, что были постарше, полицаи угнали в Германию. Обратно вернулись измученные голодом и непосильным трудом только Митя, да Стеша. Митя после войны прожил не долго, кашлял, как туберкулёзник. Инвалидность ему не дали, ведь свои лёгкие он забил не в поле, где сутками работал механизатором, а в шахтах промышленности Германскго Вермахта. Не прожил и 10 лет после победы над нашим врагом. Стеша, после работы на заводах Круппа, всю жизнь жаловалась на нестерпимую выкручивающую боль в своих пропитанных химией вечно красных руках. Умерла в 60-х. Дмитрий и Стефан после возвращения из Германии получили сроки и сгинули в лагерях Сибири.

Пятеро мальчишек с нашей улицы подорвались после освобождения станицы, когда разбирали снаряды, причём трое из одной семьи. Тогда многие собирали артиллерийский порох для разжигания печек. Александра покалечило трактором на посевной в ночной смене. Младшая сестра Серафима умерла в 1944 году от воспаления лёгких. Сестра Мариша, повредив ногу косилкой в свои 12 лет, потом долго не могла выйти замуж из-за сильной хромоты. Сошлась с овдовевшим Григорием Николаевичем, умерла в молодом возрасте, сказалось голодное военное детство.

Девчат Клаву и Машу в последний год войны привалило деревом на заготовке леса для строительства колхозных амбаров. Алексей и Трофим, приписав себе по полтора года, ушли в 1943 на фронт, но назад не вернулись. Алексей погиб на Миусе, а Трофим был разведчиком, часто писал письма, был награждён орденом, погиб в Берлине 8 мая 1945 года. Жаль, что не осталось фотографий нашего класса.

Один Митрофан, которого мы ненавидели всей улицей ещё в детстве за его жадность, пособник полицаям, вернулся с сытой мордой через 15 лет и, став ветераном труда, живёт по сей день за Доном.

Сколько нас осталось сегодня, подростков той проклятой войны... (Из воспоминаний подростка военных лет).

Я пошел поливать капусту а
три девочки остались играть в
доже напротив Гавраловияс.
Наметели самолёты и разбольши стяжки кожен и эсумор. Больба попала
в gan и все девогки пошбли.
Coobrigual meme hame a been mouse
noxonominu
Сестренку я на учугой дене утром
пошел в Констинтиновку герез Быстранку
Во Быстрянке я стдохную и к вечеру
был в Константиновке.
завити машинами, они ехам на
переправу был наплавный мост но
ετο μαζδοπότων α μεπιζει σοιπαλί
вомды как им взумается.

Из дневника Губарева. Семейный архив

Из воспоминаний Г.З. Кузьменко:

«Мы, я и мой друг, Костромин Михаил Матвеевич, жители хутора Гапкина, поехали за лошадьми на третью бригаду, где наскочили на немцев-велосипедистов, которые отобрали у нас лошадей и плеть. Били нас плетью. Когда немцы уехали, мы поймали лошадей и уехали на вторую бригаду, куда опять приехали те же немцы, забрали работающих на бригаде военнопленных и куда-то ушли.

Бросив табор, мы с бригадиром ушли домой. Колхозники ещё долгое время боялись выходить на работу.

7 января 1943 года, при отступлении немцев, мы слышали, что они в хуторе Каргальско-Белянском расстреляли много мирного населения. Мы с другом Костроминым Михаилом решили уйти в степь и там спрятаться, чтобы немцы нас не нашли. Когда мы остановились у Россоши, под оврагом у х. Гапкина, нас догнали ещё трое: Мацко Никита, Малетин Виталий, Костромин Василий. А когда пошли по Россоши, Малетин и Костромин Василий вернулись домой. Пройдя три километра, мы остановились. В 200 м от нас появился танк и стал стрелять за хутор Гапкин в сторону х. Белянского.

Наступила ночь на 8 января. Мы решили идти в сторону бригады N2, где был ток и яма, в которой можно было отсидеться, пока придут русские.

По пути к току решили зайти на табор бригады. Зашли в дом, а там сидят три военнопленных и семья эвакуированных из Сталинграда. Здесь поужинали и решили идти к яме. Когда пришли к яме, она была занесена снегом, и нам негде было укрыться. Решили идти на табор.

Идём, а вокруг трещат пулемёты и гудят выстрелы, горят дома в х. Гапкине, в колхозе им. Калинина и в х. Ермилове. Доходим до табора, слышим разговор немцев, а где, не поймём. Легли в подсолнухах. Михаил решил сходить на табор, узнать, что там. Нет и нет Косторомина, и мы с Мацко решили идти на табор. Приходим, там сидят пленные и семья из Сталинграда и Михаил. Через пятнадцать минут пришли 12 немецких пулемётчиков и завели разговор о том, что как бы мы их не расстреляли. Один военнопленный начал объяснять немцам на немецком языке, что мы идем из Сталинграда. А нам рассказал, какие мысли у немцев.

Мы решили идти спать в скирды, где проспали до 12 часов. Когда проснулись, Костромин захотел идти на табор, а Мацко Никита не решался. Костромин пошел один, и мы поплелись следом. Немцев на таборе уже не было, были те же пленные и семья беженцев, начали варить обед.

На коммуну Калинина прошли два немецких бронетранспортера. К нам пришёл ещё один пленный. Бронемашины вернулись опять на бригаду № 3. А через 15 минут пошли обратно на колхоз Калинин. Снова вернулись на бригаду, где стояло скопление немецких машин.

Через полчаса к нам на табор пришли два военных в шинелях и два в полушубках. Немецкие машины, возвращаясь из Калинина, остановились на дороге и повернули стволы пулемётов в нашу сторону. Мы выскочили и залегли за фундамент. Немцы начали решетить дом, в доме застонала женщина. Один пленный испугался, весь затрясся и, подняв руки, вышел. Немец кричит: «Алес, ком!» Мы все вышли. Пленный на немецком языке стал врать, что мы отступаем на Украину.

Немец объяснил, что Калинин, Гапкин и Ермилов в руках русских и направил нас на х. Лисичкин. И мы все пошли на Лисичкин. Идем и думаем, куда спрятаться? Немецкие машины ушли на бригаду № 3, затем вернулись назад на бригаду № 2, одна машина остановилась, другая идет вдоль дороги. Немец стал стрелять из пистолета по ребятам. Мацко Никита Зиновьевич повалился на снег, остальные стали разбегаться. Бронемашина остановилась, и немец, высунувшись по пояс, продолжал стрелять из пистолета. Один военнопленный, 1925 года рождения, убежал в сторону Россоши и скрылся.

Остались четверо пленных, и мы с Михаилом. Вижу, подъезжает бронемашина. Услышав выстрелы по мне, я упал. Немцы начали убивать лежащих по правую сторону от меня, одного пленного, потом другого и ранили Михаила. Но он сел, и подняв руки, стал кричать: «Пан! Пан!» Я повернул голову в его сторону и видел, как немец перезарядил пистолет и добил его. Я отвернул голову, немец это увидел и стрельнул мне в спину. Я не шевелился. Он постоял немного, потом машины поехали. Когда они скрылись на бригаде № 3, я стал подниматься и понял, что ранен ещё в бедро. Поднялись ещё два человека и бросились в подсолнухи, там поднялись ещё трое, и все побрели на табор. Я побрел вдоль Россоши на хутор...»

Убитые фашистами женщины, старики и дети. [9]

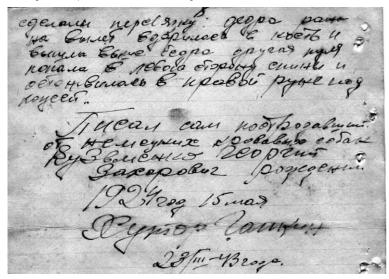
«...Уже через 200 метров от места ранения я стал чувствовать, что выбиваюсь из сил, но знал, что если упаду, то могу замерзнуть. Сел на край скирды, где ночевали прошлую ночь, и вижу, что на солому идет кровь. До хутора оставалось 4 километра, шел, останавливаясь через каждые 10 метров. В полночь дошел до овчарни, обошел мост, где должны были стоять немцы. Дошел до овцефермы, где жили киргизы, нашел землянку, попросил сделать мне перевязку. В глазах уже чернело.

Попросил воды, и послать кого-нибудь ко мне домой.

Два киргиза, Ахмет и Трахим, перевязали меня и послали старуху в хутор.

Наступило утро 9 января, пришла старуха с моей сестрой. Немец по ним стрелял, но не попал. Утром 10 января пришли русские. Через три дня отвезли меня на операцию, где вырезали мне пулю, которая попала в спину и застряла в правой руке. Друга пуля прошла насквозь, ударившись о кость бедра».

Георгий Кузьменко, 1924 г. р., х. Гапкин.

Были и другие судьбы у детей и подростков военных лет.

В июне 1941 года немецкие солдаты вступили на территорию Украины и уже через несколько месяцев стали мобилизовать украинских жителей на принудительные работы в Германию. Где уговорами или обманом, где насильно и принудительно забирали подростков для черной работы на фабрики и заводы фашистской военной промышленности и для работы в сельском хозяйстве.

Задействовав армию и полицию, немцы устраивали облавы и угоняли в Германию сотни тысяч советских людей. По немецким сведениям, в феврале 1942 года еженедельно отправлялось в Германию 8 — 10 тысяч «гражданских русских». В целом,

на принудительные работы из оккупированных территорий СССР было вывезено около 5 млн. человек, из них с территории Украины — 2,4 млн. человек, с территории Белоруссии — 400 тыс. человек. [11]

Кима Юдина писала родителям:

22 февраля 1943 г., Германия.

«Дорогие мои родители! Сообщаю вам, что я работаю на химическом заводе. Работа тяжелая и вредная. Трудимся по 14-16 часов без выходных.

Вчера я была больна и не могла пойти на работу. За это меня жестоко избили и целый день не давали кушать.

Плачу весь день. Очень тяжело жить, сердце разрывается от боли за Родину. Хотя бы одним взглядом хотела увидеть вас. Ваша Кима».

Мария Любаченко – родителям:

8 апреля 1943 г., Бромерверде.

«Добрый день, дорогие мои родители! Мы живем вместе, как и прежде. Живем плохо. Работаем день и ночь, как волы. Едим капусту, брюкву и больше ничего. Они считают нас за свиней.

Родная мамочка! Если бы ты видела, как они издеваются над нами, как только им хочется.

Не забывайте меня. Мария». [10]

Подобная судьба была и у сестёр Кузавко.

Сестры Кузавко, Вера и Елена, попали в трудовой лагерь города Берлина. Елену забрали на военный завод по изготовлению деталей для машин, где она проработала до освобождения её советскими войсками.

Вере повезло, её приметила хозяйка крупной пекарни, где девушка до освобождения западного Берлина американцами развозила хлеб по магазинам. Иногда приходилось ухаживать за малолетними детьми хозяйки. Но все равно жизнь у Веры было го-

раздо свободнее, чем у сестры Елены. Один раз, по просьбе Веры, хозяйка пекарни выпросила свидание для сестер. По воспоминаниям Веры, несколько раз немецкие идеологи собирали украинскую молодежь и фотографировали в нарядных национальных одеждах, создавали уютную обстановку для фотосессий своей лживой пропаганды. За непослушание грозили отправкой в концлагерь. Потом эти фильмы и фотографии «о хорошей жизни» в Германии рекламировали в кинотеатрах на оккупированных территориях и в самой Германии, а фотографии отправляли на родную Украину. Разрешалось писать домой, но цезурой проверялись все письма и сомнительный текст в письме замазывался или письмо уничтожалось.

Фото для немецкой пропаганды: Вера Кузавко, 1943 г.

По воспоминаниям Веры, для фотографий немцы выдавали молодёжи хорошие платья и костюмы, возможно, отобранные у населения оккупированных стран.

Девушки были молодыми, и, сохранив на память несколько таких фотографий, Вера привезла их домой. О том, что в послевоенное советское время такие улики могли повлечь за собой несколько лет лагерей на Родине, они, конечно, не знали. В последующие годы часть фотографий была уничтожена, а на оставшихся затерты надписи о пребывании девушек на территории фашистской Германии.

Вера с дочкой хозяйки пекарни, 1944 г.

В семье Гнетёвых до сих пор сохранилось несколько таких фотографий, и, с разрешения родственников Елены Кузавко, я публикую их в этом издании.

Елена в послевоенные годы переехала на донскую землю, где прожила всю свою жизнь.

Елена с мужем и дочкой. Ст. Егорлыкская

При работах на Тацинском аэродроме 17-летняя Александра Михайловна Макарова, жительница х. Савельева, была ранена и доставлена в больницу ст. Тацинской.

Из воспоминаний Макаровой:

«Нас, несколько человек из колхоза направили на месяц на строительные работы на Тацинский аэродром. Смотрим, летит самолет, начали разбегаться, кто-то из мужчин говорит: «Наш, не бойтесь». Все успокоились, стоят и смотрят, а он как даст по нам из пулемётов. Все бросились в окопы, а я была молодая, испугалась, замешкалась и бросилась между двух лошадей у повозки. Слышу только вой самолёта и ничего не соображаю, чувствую, как что-то больно ударило в бок. Меня подняли и отвезли в Тацинскую больницу. А там все разъезжаются, всё выносят, эвакуируются.

Меня уложили на подводу и отправили домой. Лежу третий день, рана загноилась, мама мажет её сметаной. Подъезжают немцы, заходят во двор и просят молока. Один здоровый немец подошел к маме и спрашивает на русском языке: «А что паночка лежит?» Мама и говорит: «Да ваш самолет обстрелял её, когда она работала на поле». Немец посмотрел рану и написал записку, предупредив, чтобы везли меня в больницу ст. Николаевской. Приехали в немецкую больницу (госпиталь – авт.). А там народу полно, никого не пускают. Вышел какой-то немец, спросил у мамы, чего приехали. Прочитав записку, немец распорядился занести меня в больницу, где уложили на операционный стол. Этот же немец чем-то намазал мне нос и сказал: «Считай». Я начала считать: «Айн, цвайн», а дальше не помню и расплакалась. Он сказал: «Ладно, считай по-своему». Я начала считать и заснула, чувствовала, что как в ране «бегают муравьи». Очнулась, когда немец говорил маме, чтобы мазала рану, и дал мазь. Через месяц рана затянулась».

Найдены ещё несколько бывших учеников сельхозтехникума, предвоенных выпускников Константиновской средней школы № 25.

Из воспоминаний жителя г. Константиновска Кирьянова Александра Никифоровича, его старшие братья Петр и Михаил ушли на фронт перед войной.

«Старший, Петр, 1920 года рождения, втайне от родителей посещал авиаклуб при своем сельхозтехникуме и после его окончания поехал в г. Шахты, сказав родителям, что едет посмотреть город. Потом прислал письмо: «Папа, мама, извините, я принят в Ульяновскую авиашколу». После окончания авиашколы в 1941 году отправлен в Хабаровский край инструктором. Принимал участие в войне с Японией».

Младший лейтенант П.Н. Кирьянов, лётчик 356-го истребительного авиаполка 246-й истребительной дивизии 12-й воздушной армии Забайкальского фронта, за образцовое выполнение заданий командования на фронте в борьбе с японскими милитаристами в сентябре 1945 года награждён орденом Красной Звезды.

«Средний брат, Михаил, 1923 года рождения, после окончания средней школы № 25 в 1942 году, был отправлен на курсы младших командиров или в Миллерово, или в Морозовск.

В первыё день бомбёжки поселка Константиновского нам объявили, что на следующий день нас опять будут бомбить, а ночью пришёл Михаил со своим однокашником и другом Ореховым Николаем, который проживал на ул. Фрунзе. У Михаила была противотанковая граната и винтовка. Так они отступали. Наутро вся их немногочисленная группа собралась и ушли за Дон. Потом нам стало известно, что Михаил был ранен, попал в плен, потом опять был ранен и отправлен в госпиталь, откуда направлен на службу в г. Москву, где и остался после войны».

Оба брата Кирьяновых, Петр и Михаил, в 1985 году награждены орденами Великой Отечественной войны ІІ-й степени.

Учащийся сельскохозяйственного техникума п. Константиновского Долгов Анатолий Иванович:

«Толя родился в х. Трофимове 18 ноября 1923 года. Учился там до 3-го кл., потом в Россоши — 4-й и 5-й класс, а 6-й и 7-й

класс – в Константиновске, а потом – в ветеринарном техникуме, по словам бабушки Марфы Ивановны, учился на ветеринара. Был примерным учеником. Мама вспоминала, что им в школе дали выращивать шелковичных червей, приходили из школы с проверкой. Толя вырастил с цветными нитями и ему выдали премию (ткань). Он, радостный, принес её маме, но пришлось поменять на продукты. Семья

Фото А. Долгова

была очень дружная, Толя опекал сестер Любу и Надю, брал с собой на рыбалку. В Константиновске, как мама помнит, была большая средняя школа, кажется, единственная, там он учился до 7 класса. Толя дружил с девочкой, мама помнит ее красивую косу.

Наверное, я пишу лишнее, но это очень для нас дорогие крупицы прошлого.

Призван был в ноябре 1941 года из техникума вместе с двоюродным братом Семиошкиным Василием Захаровичем, ушли ребята на Сталинград через ст. Николаевскую. Толя был призван из Константиновска, где учился в техникуме и 18 ноября 1941 г., в день своего рождения, пришел со своим отрядом из 10 чел. в Николаевскую. Там они переночевали у его родителей, а 19-го ушли вдоль Дона...

Потом были письма, еще ему отсылали посылку с продуктами. В 1942 году было тепло. Так его отец (мой дедушка) ездил к нему, они успели встретиться перед отправкой на фронт. Дедушка рассказывал, что на обратном пути домой, в ст. Николаевскую, он попал под бомбежку в районе станции Миллерово.

Больше они не виделись. Василий закончил командирские курсы, вернулся с войны с прострелянным лёгким. А Анатолий, минометчик 220-го стрелкового полка 4-й СД пропал без вести летом 1942 года.

Семья уехала в г. Шахты в феврале 1943 года, т.к. дом их в деревне разбомбили, а они прятались в это время в поле...

Я эти рассказы помню с детства, и как немцы в деревню пришли и чуть бабушку не расстреляли. Когда пришли немцы, письма с фронта, вместе со значками: Ворошиловский стрелок, ГТО, КИМ, их было много, еще книжечки к значкам, мама помнит, что все это завернули в тряпицу, и бабушка закопала в огороде, накрыв чугунком. Потом, после освобождения, перекопали все и ничего не нашли, в семье осталась только справка о без вести пропавшем Анатолии...»

Из письма племянницы А. Долгова — Наталии (Мельниковой) Морозовой.

В военной характеристике 220-го СП отмечено, что 11.11.41 года полк направился в Сталинградскую область, где его формирование продолжилось до 26.11.41 года.

Большинство документов: разведдонесения, журналы боевых действий, оперативные сводки и т.п. — обрываются тогда, когда пропал Анатолий, и продолжаются, датированные уже августом 42 года. Большое количество людского состава дивизий, полков и т.п. погибло. Отец с сыном встречались на Луганщине, и Долгов Анатолий Иванович, скорее всего, погиб 17 июля 1942 г. в бою с прорвавшимися танками и мотопехотой гитлеровцев на рубеже сёл Жёлтое — Суходол. Отец следовал через Миллерово, а 4-я стрелковая дивизия проследовала на Дон через Ворошиловград.

Дивизии была поставлена задача: удерживать противника на указанном рубеже до темноты 17 июля. Вскоре дивизия заняла заданный рубеж обороны: на правом фланге дивизии, возле села Жёлтое, оборонялся 110-й стрелковый полк, левее занимал оборону 220-й полк. 39-й стрелковый полк остался прикрывать отход дивизии.

17 июля 1942 года перед 220-м полком появились мелкие группы фашистов, и завязалась перестрелка. Бой постепенно нарастал. Ровно в полдень гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку, а через 30 минут двинулись вперед их пехотные цепи. Атака была отбита сравнительно легко. Противник отошёл и стал окапываться.

Вскоре атака врага возобновилась, противник ввёл в бой авиацию и танки. Дивизия стойко обороняла рубеж. Лишь в одном месте, на участке 220-го стрелкового полка, фашистам удалось вклиниться в оборону дивизии. Обстановка здесь быстро накалялась.

Стараясь развить успех, противник бросил в бой свой резерв – полк пехоты и ещё 20 танков. Залп дивизиона «катюш» причинил гитлеровцам большой урон и привёл их в смятение, а огонь 40-го артиллерийского полка и миномётов 220-го стрелкового окончательно расстроил их планы. С наступлением темноты части дивизии, выполнив свою задачу, незаметно оторвались от противника. Они пересекли затемнённый и притихший Ворошиловград, и ушли на юго-восток, в сторону Ростова...

Но были и счастливые дни – возвращение домой.

Ксения Васильевна Буланова (Морозова) после освобождения ст. Богоявленской, весной 1943 года была призвана Константиновским РВК.

Ксения Буланова

«В ночь с 8 на 9 января 1943 года советские войска с боями освободили ст. Богоявленскую. При отступлении фашисты сожгли хутор Кастырский, он находился в нескольких километрах от станицы Богоявленской. Нас, молодых девчат, попросили помочь хоронить погибших. Во дворе Семенцовой Дуси, в хуторе, был колодец. Так эти зверюги-фашисты покидали туда наших солдат. До сих пор стоит перед глазами мертвая девушка-санинструктор. Немцы у неё выкололи глаза, отрезали груди. Не было сил на это смотреть. Мы свозили тела в братскую могилу, искали документы и передавали их военным.

В апреле сорок третьего года меня вызвали в военкомат. «Ну, дочечка, собирайся», — сказал отец. 26 апреля, в первый день Пасхи, меня пришла провожать на фронт вся станица. Кто яичко принес, кто хлебушка, а одна бабушка подошла ко мне и говорит: «Мне тебе нечего дать, Ксенюшка. Возьми с собой молитву. Ты всю войну пройдёшь с ней и живой останешься». Так и вышло.

Нас, новобранцев, посадили в Константиновске на пароход и три дня мы плыли до Ростова. Здесь в качестве зенитчицы я получила первое боевое крещение. Нашим расчётом был сбит вражеский самолёт. Когда наш полк перебросили на Донбасс, там переучилась на профессию телефониста. На Дунае встретили Победу...

«Мне и рассказывать-то нечего, – говорит Ксения Васильевна, – подвига я не совершила, боевых наград тоже нет. Разве что медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Делали мы обычное для того времени дело – защищали свою родную землю».

Красные ботиночки

Рассказ

Анна Ивановна с тревогой ждала мужа с работы. Ушёл в пять часов утра, и вот уже десять вечера, а его всё нет. Не случилось ли чего? Может, в поле поломка, а вокруг никого. Нынешнее лето выдалось для колхоза особенно урожайным. Чтобы быстрее убрать зерно, косили и днём, и ночью.

Маленький сынишка Ванечка не спал, дожидался отца.

- Мамка, а мамка, а когда папа приедет?
- Не знаю, дорогой. Скоро, наверное.

Сынишка задумался и выдал:

– А я папку очень люблю, он сильный и добрый!

Анна Ивановна улыбнулась:

- Конечно, сынок!
- Мама, вдруг спросил Ванятка, а твой папка тоже такой был?

Нежданный вопрос застал молодую женщину врасплох. Щемящая боль, которая с годами немного поутихла, вновь заполнила её сердце. О своём отце она помнила всегда, каждую минуту, но старалась редко о нём говорить: эти воспоминания были слишком горькими.

- Знаешь, сынок, я ведь папку своего никогда не видела. Даже фотокарточки его не сохранилось. Когда война началась, мне ещё и года не было. Отец работал в районном центре. О том, что его призвали в армию, мама узнала случайно. Подхватила меня на руки и побежала на станцию. Надеялась успеть к поезду, проводить любимого мужа. По дороге мама загадала: «Вот свидимся с Ванечкой вернётся он с войны, а не свидимся значит, погибнет».
 - Успела бабушка? спросил тревожно сынишка.
- Нет, милый, не успела. Знаешь, сынок, а я ведь очень его ждала. Всё хотела узнать, какой он. Сёстры мне часто говорили: «Вот, Анечка, папка скоро приедет и привезёт тебе красные бо-

тиночки». А ведь с обувкой тогда в деревне тяжело было. Ботиночки, да ещё и красные, были бы царским подарком. Когда война закончилась, стали мужчины домой возвращаться. У моей подружки папа вернулся. Мне он казался таким красивым, таким сильным! Как я ей завидовала! Каждый день ходила на околицу и ждала своего отца. Я, пока не выросла, верила, что он приедет. Мне уже и ботиночки были не нужны, лишь бы он вернулся.

Анна Ивановна замолчала, слёзы навернулись на её глаза, возникло ощущение, будто ком застрял в горле.

- Что-то вы приуныли, откуда-то раздался знакомый голос. Ваня обернулся, увидел отца, радостно побежал к нему, обнял крепко-крепко и неожиданно сказал:
- Папка, как хорошо, что ты вернулся! Как хорошо, что сейчас не война!

Вячеслав Градобоев

Фронтовой кот

Весной 43-го года наш полк шёл через одну из сожженных деревень. У одного из разбитых домов сидел обычный маленький серый котёнок. Очевидно, его мать-кошка погибла от бомбежки, и теперь худое серое существо, перепачканное сажей, издавало хриплое мяуканье в сторону проходящей военной колонны. В полку, в роте разведчиков был старый солдат Трофимыч, захвативший ещё первую Мировую войну. Вот он и сжалился над осиротевшим животным. Подобрав котёнка, он засунул его за пазуху гимнастерки и

объяснил начальству: «Пусть до лета поживёт, а то ведь помрёт без мамки. Да и мне не скучно будет, пока ребята по немецким тылам бродить будут. Ведь вся моя семья погибла...»

Так и остался кот Васька жить у разведчиков, пройдя с Трофимычем пол-Европы, и даже в Берлине побывал. А получилась так.

Первую неделю, после того, как Трофимыч или кто-то из разведчиков покормит сиротинку, котёнок забивался в какой-нибудь угол землянки и надолго засыпал. Потом осмелел и стал выходить в окоп. Но больше всего он боялся бомбежки или артобстрела. Видимо, в его кошачьем сознании осталась та бомбежка, после которой он сделался сиротой. Даже когда Васька уже стал взрослым котом и часто и надолго уходил из землянки разведчиков, всегда за полчаса до налета немецкой авиации или артобстрела он возвращался в землянку и зарывался в личных вещах бойцов. Как чувствовал! Это и послужило поводом оставить его в расположении полка.

Первое время мало кто замечал, что перед вражеской бомбежкой котёнок, даже ночью, громко мяукал и царапал Трофимыча. А если его в землянке не было, то царапал первого попавшегося бойца или командира. Потом убегал и куда-то прятался. Много раз, таким образом, кот спасал бойцам жизнь. Вот и оставили ребята кота, поставив его на довольствие, как разведчикасигнальщика. Ведь были случаи, когда ничто не предвещало нападения врага, но кот никогда не ошибался. Когда Васька просто громко орал, но не прятался, это означало, что скоро начнется бой или немец ведет прицельный огонь. Иногда молодые бойцы, не поверив в кошачьи причуды, высовывались из окопа и погибали от фашистской пули или осколка.

Через полгода, к осени, о сигнальщике Ваське знали уже в соседних частях и даже иногда связисты между собой в разговорах спрашивали: «Как там Василий? Что говорит? Когда немец предпримет атаку?»

Почему кот полюбил Трофимыча, было понятно и так, а вот Трофимыч берёг кота заслуженно. Когда Ваське не было и года, несколько групп разведчиков ушли на задание, а вернулись еди-

ницы. Тяжело было в те дни, немец словно ошалел, бомбил без передышки и не давал поднять головы, а сверху поступали приказы: «Взломать оборону противника во что бы то ни стало!» Вот и пришлось старому солдату Трофимычу собираться на задание.

Что тут стал вытворять Васька! Он бегал по землянке и громко мяукал, если это можно было назвать мяуканьем, — он орал! Прыгал на спину Трофимычу и царапал ему руки. Бойцы хотели выбросить его в окоп, и так на душе тошно, так ещё и кот тоску нагоняет. В конце концов, кот прыгнул Трофимычу на лицо и исцарапал так, что пришлось ему идти в санчасть, а его место занял другой боец. Кота, конечно, вышвырнули из землянки, и он удрал на несколько дней, очевидно, боясь более жестокой расправы.

Из этого рейда, принеся ценные сведения, вернулась вся группа разведчиков, кроме бойца, который заменил Трофимыча. Парня убил фашистский снайпер. Вот и стал Васька не только сигнальщиком, но и спасителем для Трофимовича. Хотя больше подобных случаев кот не повторял, у Трофимыча до самой Победы сохранились на лице шрамы от Васькиных когтей. Молодые бойцы часто подшучивали над Трофимовичем: «Батя, какая это молодка тебя расцарапала?»

В мае 45-го Трофимыч демобилизовался вместе с Васькой. Больше о них ничего не слышали...

Звездочка

Антон Никодимович собирал сына на фронт, и на душе у него было очень скверно. Двое старших уже воевали на фронтах этой проклятой войны, сам он ещё в Гражданскую повредил ногу. То за белых, то за красных воевал. Хорошо, хоть жив остался, да на родной донской земле довелось встретить старость. Что говорить, лихие времена были, многие сгинули. А тут опять подлый фриц напал на Россию — будь он проклят, немчура поганый! Два сынка воюют, так ещё и младшего забирают. Так тоскливо на душе, хоть в прорубь с головой!

«Немец ещё не ушёл из района, а комиссары уже давай по домам шастать да молодёжь подбивать, мол, негоже сидеть, когда страна в опасности. Вот и засобирались пацаны, а ведь многим ещё и 18-ти нет. Вот и Николаю только летом 18, а тоже: «Не пустишь, батя, сам сбегу!» Разве такого остановишь? Казак! Батькина кровь бурлит в жилах. Статный, чуб кудрявый, а глаза — как глянет, словно шашкой рубанёт. Нет, весь в деда, Георгиевского кавалера!» — сидел и раздумывал Никодимович, глядя на сборы младшего сына.

«Становись!» – раздалась команда в станице.

«Кто в чём, Бог ты мой, только немчура ушла, последние портки забрали, а тут в Армию, на фронт, давай всей роднёй собирать. Кто в башмаках и мамкиной кофте, кто в солдатской телогрейке — явно, мать успела у тыловиков обменять на самогон или макуху. А покушать-то им с собой что положить? Окромя макухи да прелого зерна ничего нет. Немец элеватор зажёг, так потушить успели, вот станичники и набрали прелого зерна, да лепёшек пацанам напекли в дорогу...

Бог ты мой, армия! Чем немцев погоните? Пацанами? А воевать чем будете?

Освободители на верблюдах, а то пеши тянули пушки через станицу. Кто в шинели, кто в бушлате, валенки простреляны, сапоги стоптаны. Кто с немца да с румына побитого снял, а кто ещё как в Гражданскую — в ботинках да в обмотках: сорок раз вокругноги, через хрен да в сапоги!» — рассуждал Никодимович.

«Пошли ребята... Кто пеши, кого – на повозки и за Дон, там уже немца нет... Куда наш-то попадёт?»

Покатилась невольная слеза по шраму на щеке бывалого казака, старого рубаки Никодимовича. Перекрестил он сына и пошел с печалью на душе в свой добротный станичный дом.

Прошёл месяц, освободили весь район, освободили казачью столицу Новочеркасск и Ростов, шли бои на Миусе, а от Николая писем всё нет. Давит сердце старого казака, недоброе чует казачья душа. Вот и весна, пришли письма: «Громим, батя, фашиста, гоним на Берлин!» — пишет старший. «У меня всё хорошо, чего и Вам желаю», — пишет средний.

«И де же ты, наш младшенький? Что с тобой, не заболел ли в пути-дороге?» – причитает мать.

«Хватит, и без тебя тошно!» — оборвал супругу Никодимович и добавил: «Даст Бог, вернётся героем! Весь в деда Никодима! Тот, вон, каков рубака был! Не раз выворачивался, не забрала лихоманка».

А сам выйдет за двор, чтобы слезу не показывать. Сердце так сжимается, аж вздохнуть тяжело. А почему, понять не может...

Прошли годы. В мае 45-го вернулся старший, без двух пальцев на левой руке — фашист на Одере осколком отрезал. В 47-м пришёл средний: три ордена, гвардии капитан. Медалей не сосчитать, две войны прошёл, герой!

Не выдержал старый казак Никодимович, пошёл в местный военкомат. «Брали сына в Армию, а он не пришёл. Где он? — заявил казак комиссару. — Куды подевался? Война, почитай, два года как прошла!»

Отправил комиссар запрос в столицу. Недолго пришлось ждать, к весне следующего года пришёл ответ: «Ваш сын Николай пропал без вести в мае 1943 года». И всё.

«Как пропал? Как в мае? Мы же его в январе проводили! Не мог он в мае пропасть!» – настаивал старый казак.

«Дело в том, что, согласно донесениям части, он пропал ещё в январе 43-го. А поскольку не нашелся в течение трёх месяцев, его считают пропавшим», — пояснил комиссар военкомата.

«Кто считает? Как в январе? Я лично его провожал за Дон в январе!» – наседал Никодимович.

«Да поймите же! Пропал — не значит погиб. Мало ли куда делся! Может, в госпитале, или в плен попал... Надо ждать!» — заверил военком.

Никодимович встал и молча вышел, забыв свою шапку на столе у военкома. Он медленно брел по станичным улицам, бормоча под нос: «Пропал в январе, попал в плен, в госпитале...»

Чем дальше от войны проходили годы, тем сильнее замыкался в себе Никодимович. Осунулся, сгорбился, почти ни с кем не разговаривал. Только иногда, когда к нему приезжали внуки, старый казак немного веселел, выпив стакан донского красного виноградного вина. Но к вечеру опять потухал и замыкался в себе.

Шли годы, подрастали внуки. Один, Василий, от старшего сына, очень напоминал ему Николая: темный кучерявый волос, орлиный взгляд. И манера поведения: упрямый и настойчивый. Это он однажды уговорил пойти деда с ним за станицу в степь и показать, где зимой 1943-го года проходили бои. Идя по пыльной дороге, Никодимович, как обычно, рассказывал, как освобождали станицу, как много раненных было в госпиталях, и как станичники старались, чем могли, помочь врачам и медсёстрам. И тут вдруг старый казак замкнулся на полуслове: «Госпиталь...», – всплыли в его памяти давние слова военкома.

А тут ещё к деду подбежал внук Василий и, тряся его за рукав, радостно кричит: «Дед, дед, ты что? Смотри, что я нашёл». И протягивает Никодимовичу потускневшую красноармейскую звездочку.

Никодимовича словно облили холодной водой. «Сынок, сынок! — позвал он дрожащими губами. — Мальчик мой...» И, упав на пыльную дорогу, старый казак тихо заплакал. Лишь вздрагивание плеч выдавали горечь казака. Он вспомнил, что однажды сослуживец Николая написал, что они попали в окружение, и у Николая вражья пуля сбила каску и шапку. Пуля, пробив каску, отколола правый верхний угол звёздочки.

Внук не понимал, что происходит с дедом, испугался, что дед заболел и умирает. «Деда, деда! — закричал Василий. — Ты что, вставай, деда!» И у Василия потекли слёзы.

Никодимович, тяжело поднялся на колени, потом, опустившись в придорожную пыль, продолжал причитать и вздрагивать, слезы текли из его глаз. «Сынок, что же ты не сказал, что ты шел к нам? Милый мой мальчик, Коленька...» И дед опять залился слезами.

Проходящие и проезжающие мимо станичники никогда не видели плачущего Никодимовича, считая его железным человеком. Но он, не замечая никого, продолжал причитать, с силой сжимая в руке звёздочку. И только, когда из станицы прибежали родственники, и стали его успокаивать, дед разжал руку. На его ладони лежала потускневшая красноармейская звёздочка с отбитым правым верхним углом...

А через несколько лет поисковики нашли в архивах документы, что Николай погиб на седьмой день после мобилизации, попав в окружение в 40 километрах от родной станицы. В январе 1943 года группа бойцов, прорвавшись из окружения, отступала по той самой дороге, где проходил Никодимович с внуком Василием. Часть из этих бойцов умерла в станичном госпитале в январе—феврале того же года.

01.01.2018 г.

Сержантский медальон

К отрогу балки подъехала «Нива» и старенький, видавший виды «УАЗ». После недавних дождей всю балку устилал ковер сочной зелёной травы, скрывая следы давно минувшей войны.

- Здесь, в километре от хутора, сказал Трофимович, местный старожил, переживший подростком фашистскую оккупацию, и указал из окна машины на изголовье балки.
- А не путаешь, дед? спросил командир поискового отряда Александр Павлов. А то в прошлый раз Вера Абрамовна показала нам другое место. Всё лето рыли в соседней балке, а солдат наших так и не нашли.
- Да врут всё бабы! На войне не бывали, а брехать любят. Хоронить они ходили, а вот боя не видели. Это меня мать тащила за штаны в погреб, а нам с дружком, соседом Шуркой, всё посмотреть хотелось, как наши немцев погонят с донской земли.
- А ты что, на войне был? спросил молодой поисковик Сергей.
- Да нет, на войне я не был. Мал был ещё, 12 лет мне было, когда немец к нам на Дон пришёл. Да все говорили, что наши прогонят его, вот мы и ждали, когда! А бой этот видел. Может, не весь, но, как наших в землянке накрыло, видел. Это точно! Бабы потом, да и нам пришлось им помогать, побитых бойцов, уже замерзших, стягивали в авиационную воронку, а уж в 70-х их перезахоронили в братскую, в хуторе. А за этих никто не знал...
- А почему же ты им не сказал, чтобы перезахоронили? спросил Александр.
- Как же, не сказал! Я говорил, да только мне никто не поверил мол, мал был, а значит брешешь. Вот они и лежат по сей день в степи, не отпетые...
- Понятно. Знакомая история, сказал Александр, давайте чайку перед работой попьем и приступим...

Открыв термос, Саша налил всем чая, ребята развернули бутерброды и, взяв кружки с чаем, смотрели на прихрамывающего Трофимовича, который, что-то бормоча, ходил по отрогу балки. Он то наклонялся, пытаясь что-то найти в густой траве, то разво-

дил руками, оглядывая местность вокруг себя. Возможно, он читал молитву, а может, разговаривал с погибшими и просил у них прощения за то, что не смог за 70 лет добиться перезахоронения героев. Или просто объяснял погибшим, что вот наконец-то пришло время и их скоро захоронят со своими погибшими однополчанами, со всеми надлежащими почестями...

Поисковики прошли по отрогам балки с приборами на поиск металла.

- Везде «фонит», объявил поисковик Андрей. Надо пробовать копать. Ищем углубление блиндажа и поднимаем то, что фонит, заключил Александр, выкапывая кусок снаряда.
- Немецкий, определил Александр, рассматривая часть от снаряда.

Через час у машин лежала куча осколков разного размера (все были от немецких танковых и артиллерийских снарядов и от минометных мин) и два пакета гильз от Мосинок, автомата ППШ и советских пулемётов, несколько патронов для ПТРов.

– Да, видимо, здорово «обласкали» фашисты наших бойцов. Плохо, что со временем вода и ветер, стада колхозных животных сделали свое дело. Если воронки были ещё заметны, то окопы почти сравнялись с местным ландшафтом, – сказал Александр.

Ещё через час поисковики, пройдя по окопам, нашли несколько гранат Ф-1 без запалов, полуистлевших РГ-42 и противотанковых гранат, две искореженные винтовки Мосина.

- Не густо, заключил Александр, сфотографировав находки, – но ничего, будет, что передать местной школе.
- А как вы, сынки, хотели! Мы тут, пацанами, после боёв все перерыли, да и в последующие годы копались все, кому не лень. Николай, что был постарше нас, так тот пистолет нашёл. Всё на войну собирался, пока дед этот пистолет в туалет не выбросил. Немцы кругом... Да и после боя бабы, что постарше, все оружие собрали и куда-то свезли. Может, в Дону утопили...

Все время, пока поисковики пробивали шурфы по окопам и предполагаемым воронкам и блиндажам, дед Трофимович не отходил от них. К полудню, углубив шурфы на полтора метра в одном из провалов блиндажей, наткнулись на бревна наката и куски советской каски. Теперь и Трофимович, успокоившись, присел на раскладной стульчик и попросил закурить.

- Ты же не куришь, Трофимович! спросил Александр, несколько лет знавший деда.
- Да как же тут не закурить? Вот они, родимые, здесь. Я же тебе гутарил, Санька, что меня слухать надо было, а не баб.

Действительно, к вечеру был полностью вырыт блиндаж, и все находки и останки трех бойцов легли на расстеленный брезент.

Два медальона, две каски, две винтовки: Мосинка и СВТ, винтовочные и автоматные патроны, две противотанковые полуистлевшие гранаты, пять истлевших запалов к Ф-1, бинокль, нагрудный знак «Ворошиловский стрелок», часть истлевшего письма с остатками фотографии девушки, мундштук, часть перочинного ножа с пластиковыми накладками, на которых были нечитаемые надписи. В нише землянки лежали: ржавая опасная бритва, помазок, зеркальце, расческа, три кружки, три котелка и три ложки, на одной ложке витиеватая надпись «Ив». Останки разбитой рации, офицерский ремень с кобурой лежали среди истлевших досок – видимо, от бывшего стола. На остатках шинелей и одной гимнастерке – ржавые пуговицы и два лейтенантских кубика. И множе-

ство осколков от снарядов. Судя по выкопанному блиндажу, не один снаряд в него угодил.

- Вот и говорят, что снаряд дважды в одну воронку не попадает, сказал Александр. А тут и мина у входа в блиндаж, и два снаряда, один прямое попадание. Все останки начинены осколками. Хотя один воин, видимо, был за блиндажом в траншее и упал после ранения или гибели.
- Ну, вот и сбылось, ребятки, произнес Трофимович. Встал, обтер фуражкой пот с морщинистого пыльного лица. Из глаз его текли слёзы.
- Сбылось, ребятки, повторил дед и пошел в сторону хутора.

К кому были обращены его слова, не понятно. Может, к поисковикам, нашедшим останки погибших воинов, а может, к погибшим...

Открыв в палатке, в луче фонарика, медальоны, поисковики смогли прочитать только один полуистлевший вкладыш. Второй медальон был пуст. Боец был суеверен, вот и не заполнил свои данные — выходит, погиб как неизвестный. На заполненном вкладыше была скупая надпись: «сержант Иван» и адрес.

– Не густо, – в своем стиле произнёс Александр. – Сколько таких Иванов пало смертью храбрых! Ладно, ребята, утро вечера мудренее, чайку – и спать!

На следующий день, закопав места шурфов и блиндаж, поисковики к вечеру добрались домой. Так прошли их выходные дни, и потянулись будни...

По донесениям, сержант Иван был родом из Ростовской области, и в январе 1943 года погиб на Донском рубеже. Но дальше было ещё интереснее. По архивным данным министерства Обороны, в 1944 году он же, в звании сержанта, погибает в штрафной роте на чужбине. Через полгода поисковикам удалось выйти на дальних родственников сержанта Ивана. Они и сообщили, что сведений о нем не поступало с 1942 г. Было извещение, что он пропал без вести в ноябре 1942 г.

История совсем зашла в тупик. Но ещё через год ребятам написал однополчанин Ивана и сообщил последний адрес его су-

пруги, куда и выехали поисковики. Подъехали к старому казачьему дому «с верхами», территорию двора огораживал невысокий забор из плотно уложенного плоского камня-пластушки. Пока ребята решали, кто пойдет обрадовать семью о находке медальона и ложке отважного сержанта, во дворе залаяла собака и на порог вышла пожилая женщина: «Вы к кому, солдатики?»

- Здесь жил Иван Алексеевич Ожогин? спросил Александр.
- Почему жил? И сейчас живет, ответила добродушная хозяйка.

Ребята переглянулись.

- Как живет? Мы говорим о сержанте Ожогине, погибшем в январе 1943 года, хотя есть данные, что он погиб в 1944 г., отрапортовал Александр.
- Да нет, ребята, он не погиб ни в 43-м, ни в 44, ни в 45-м. Он вернулся домой в 1947 году, здравый и при медалях. Заходите и сами с ним обо всем поговорите. Он телевизор смотрит...

Оробевшие ребята зашли в дом, где все выглядело, как в 40-70-е годы прошлого века. Единственными современными вещами были холодильник на веранде и телевизор в зале. На кроватях пирамидкой лежали подушки, висели старинные гобелены, тюль и вышитые покрывала украшали мебель, тихо тикали ходики.

Бодрый, невысокого роста сухощавый старичок сидел на старинном витом стуле напротив телевизора.

- Иван, к тебе ребята, военные, из прихожей доложила пожилая женщина, провожая поисковиков в зал к столу.
- Да? с удивлением спросил старичок и посмотрел на вошедших. – Чем могу быть полезен, товарищи военные?
- Да мы не военные, мы поисковики. Нашли Ваши вещи, медальон и ложку времен ВОВ,
 доложил Александр и показал их старичку.

Пожилой человек несколько минут крутил ложку в руках, потом медальон. Когда он раскрыл медальон, его руки стали заметно трястись, на глаза накатились слезы.

Да ребята, это мои вещи. И погибшие там ребята – мои однополчане.

Прошло ещё несколько минут молчания, прежде чем бывший сержант взял себя в руки.

- Да это мои вещи... Сколько их там, ребят наших, осталось? В землянке? Вы же там их нашли? спросил старичок, делая паузу после каждого вопроса, поднимая мокрые глаза и окидывая всех взглядом.
 - Троих. Думали, что в том числе и Вас...
- Нет, ребята, я здесь. А кто там, я уже и не вспомню. Возможно, кто-то из связистов, может, из хозяйственников... В те дни мы потеряли многих, а пропавших было ещё больше, сказал бывший сержант, продолжая рассматривать ложку.

Наступила долгая пауза. О чем он думал? О том, что остался жив, а его однополчане погибли? А, может быть, вспоминал их имена? Никто не хотел прерывать его воспоминания. Он начал рассказ сам...

– Было это на территории ниже ст. Тацинской Ростовской области. Попали мы в окружение, долго враг месил нас танками. Снарядов нет, патроны на исходе, только гранаты и саперные лопатки. А кругом снег, мороз, донская степь, все видно, как на ладони...

Молчание.

Разворачивая вкладыш медальона, сержант продолжал:

 Я только что получил звание младшего лейтенанта, не успел на новую гимнастерку прикрепить знаки отличия. В то время взводные, как и ротные, менялись по нескольку человек за месяц.

И снова молчание.

– Пришел из штаба в землянку, снял гимнастерку... И тут началось! Даже побриться не успел перед боем. Помню, кто-то из связистов забежал и крикнул: «Танки!» Следом взрыв, я старую гимнастерку на себя натянул, взял шинель и – из блиндажа. Взрыв, контузия. Очнулся ночью, кругом бой, землянка засыпана, кто-то стонет, кругом кровавый снег, почерневший от копоти. В хуторе бой, вокруг тоже бои. Помню, что кто-то меня перевязал, и куда-то потащили от хутора в сторону балки. Очнулся под утро от разрывов немецких снарядов. Опять весь день бои. В ночи прорывались к своим. Дошли единицы. Особый отдел. Штрафбат. Так и остался медальон, да и все вещи в той землянке...

После недолгого молчания сержант продолжал:

– Смыл позор отступления кровью. Опять госпиталь. Сержант. Домой пришло извещение о гибели. В 1945-м – третье извещение о гибели. Домой было стыдно возвращаться после штрафбата. Уехал на север, устроился в леспромхоз. А потом все же вернулся на родину. Не могу без Дона...

Под разговор хозяйка вынесла и положила на стол тряпицу, сложенную вчетверо. Развернув её, она разложила содержимое: пять боевых медалей, орден Красной Звезды с темно-красной эмалью и гвардейский знак. И тихо сказала: «Не носит, стыдится, и на праздник не ходит. Только вечером на закате дня отнесёт цветы к памятнику, постоит с час у «Вечного огня» и потом весь вечер молчит...

Поисковики с другого края стола рассматривали награды, потемневшие от времени, боясь нарушить тишину и прервать отрывистый рассказ.

Гвардии сержант Иван Ожогин продолжал крутить ложку в руках, а его глаза смотрели куда-то в сторону, в те далекие военные годы. О чем он думал? О том бое, о своей прожитой тяжелой жизни? Поисковики молча поднялись, тихо попрощались с хозяйкой и ушли.

- Да-а-а... Вот тебе и медальон! уже в машине протяжно произнес Александр.
- А ведь сколько трудностей перенес в душе этот гвардии сержант и остался жив всем смертям назло! – добавил Сергей.

Старенький УАЗик с поисковиками удалялся от донской станицы, поднимая пыль и унося собранные материалы для будущей книги Александра — как завет следующему поколению...

18.05.2016 г.

* * *

Самому молодому участнику отряда, Ярославу Акименко, в 2016 году исполнилось 16 лет. В своём сочинении, представленном на областной конкурс, Ярослав рассказал о том, чем привлёкла его поисковая работа.

«Однажды я присутствовал на мероприятии в краеведческом клубе, где выступал со стихотворением собственного сочинения. После мероприятия я познакомился с Вячеславом Александровичем Градобоевым. Он рассказал мне про свою деятельность. Мне показалось очень интересным принять участие в поиске. Меня вдохновила идея узнать как можно больше о событиях, которые происходили в годы войны, о солдатах, пропавших без вести. Я считаю своим долгом помочь найти тех героев, которые отдали свою жизнь ради мира на земле».

Ярослав был признан победителем конкурса.

Семикаракорский район: поиск и спорт

С целью патриотического воспитания молодёжи, бойцами ПО «Донской» им. А. Калинина в Константиновском и Семикаракорском районах взято шефство над памятниками погибшим воинам РККА, установленными на поселковых кладбищах.

В 2017 г. на Сусатском кладбище Семикаракорсого района бойцами отряда Александром Жилибовским и Геннадием Потаповым, при участии учеников Сусатской школы, восстановлено безымянное захоронение и памятник красноармейцу, связному оперативного отдела штаба 2-й гвардейской Армии Козлову Степану Павловичу, уроженцу г. Самарканда Узбекской ССР, погибшему 30 января 1943 г. и посмертно награждённому орденом Красной Звезды.

Геннадий Потапов, Александр Жилибовский и учащиеся Сусатской школы: Кирилл и Данил Безматерных, Антон Гетманец и Сергей Головков

30.08.2018 г. в х. Слободском Семикаракорского района был проведен футбольный турнир, посвященный 75-й годовщине освобождения Ростовской области.

5 декабря 2018 г. в х. Слободском состоялся турнир по минифутболу, посвящённый битве за Москву в декабре 1941 г.

Вячеслав Градобоев

* * *

Уходят месяцы, года... Дни пролетают, как мгновения! А мы всё ищем павших имена, Их извлекая из забвения.

И не понять нас людям тем, Кто говорит: «Они забыты... Зачем вы ворошите тлен, Давно минувшие события?»

И не понять им никогда, Что поиску одна награда: Вернулся воин из небытия, И в дом пришла его награда...

Не наступили ещё те времена, чтобы не бояться войны. Не дай Бог, чтобы она повторилась! Потомки, помните об этом и сохраните мир ради своих детей!

Боец отряда Геннадий Потапов и директор СДК х. Слободского Валерий Александрович Макаренко с учащимися школы

Приложение 1.

Отзывы о работе поисковиков

Вера Георгиевна Перекопская, ветеран труда

«Это патриоты, трудоголики, которых многие не понимают. А ведь они делают благородное дело на общественных началах — для родственников и близких павших воинов, для всей страны...

Спасибо всем поисковикам, неутомимым труженикам, выполняющим наш общий долг перед павшими за мирное небо!»

Людмила Григорьевна Онуфриенко:

«Что я могу добавить к словам благодарности от ветеранов, детей войны, от родственников павших, кому поисковики принесли столь долгожданные известия об их погибших родственниках? Скажу словами автора песни из кинофильма «Офицеры»:

Нет в России семьи такой, Где б не памятен был свой герой, И глаза молодых солдат С фотографий увядших глядят. Этот взгляд, словно высший суд, Для ребят, что сейчас растут. И мальчишкам нельзя Ни солгать, ни обмануть, Ни с пути свернуть...

Мария Золотарева,

корреспондент газеты «Наше время»

Мне не один раз приходилось писать о работе поискового отряда «Донской» им. Анатолия Калинина, об этих людях, которые в военных архивах и полевых условиях по крупицам собирают сведения о пропавших без вести героях и перезахоранивают безымянные останки павших.

За пять лет своей работы только на территории Константиновского района найдено более пятисот останков советских воинов, павших при защите и освобождении хуторов и станиц в годы Великой Отечественной войны, а также установлено около двух тысяч ранее не известных имен бойцов и командиров Красной Армии. При участии отряда «Донского» в хуторах и станицах воздвигнуты 32 памятника и памятных знака, в том числе 10 — на их собственные средства.

Цель их деятельности — не в поиске популярности или славы, а в оставлении памяти о тех страшных событиях жестокой войны и о простых наших людях — героях, переживших все муки и испытания огненных лет, донёсших до нас все свои воспоминания.

Хор ветеранов Константиновского района:

Во время освобождения от немецких оккупантов погибли сотни советских солдат. Их могилы и сегодня разбросаны по местным окрестностям.

После боёв люди, в том числе и мы, дети, ходили и собирали трупы наших бойцов и хоронили в братские могилы. Сколько их на территории только нашего Константиновского района?!

Поисковики занимаются перезахоронением останков и увековечиванием имён солдат и командиров, погибших в годы Великой Отечественной войны. Благодаря поисковикам отряда «Донской» им. А. Калинина найдены сотни имён павших при освобождении нашего района от фашистских захватчиков. Полевой поиск и последующий поиск в архивах — это нелёгкая работа. Благодаря этой работе в районе поисковиками установлены памятные плиты и памятники погибшим летчикам и бойцам, павшим в январе 1943 года.

Мы, хор ветеранов войны и труда, выражаем огромную благодарность вам, ребятам-поисковикам, за ваш труд! Вы делаете нужную работу для наших детей и внуков. Это значит, что не смотря на прошедшие 75 лет после освобождения района, никто не забыт, ничто не забыто!»

Приветственное письмо

20.12.2017, г. Волгодонск

Разрешите мне от поколения сыновей воинов давно минувшей войны выразить Вам искреннюю признательность за Ваш добровольный и бескорыстный труд.

В январе 1943-го по донской земле в рядах 33-й гвардейской стрелковой дивизии шел в наступление и мой отец. Эта дивизия под Сталинградом навеки оставила 9 тысяч своих воинов. И в боях здесь, у Северского Донца, последнего водного рубежа перед Ростовом, дивизия потеряла еще 2 тысячи человек — целый полк.

А рядом с 33-й по правому берегу Дона шли и несли такие же огромные потери другие дивизии 2-й гвардейской и 5-й ударной армий.

По подсчетам вашего командира В. Градобоева, в земле только двух соседних районов, Константиновского и Николаевского, покоятся более пяти тысяч бойцов и командиров Красной Армии.

И сегодня не прекращается поток запросов от родственников погибших и пропавших без вести на нижнем Дону. Они хотят знать и характер боев, и обстоятельства гибели или пропажи без вести своих отцов, дедов и прадедов. Хотят увидеть поле их последнего боя, положить букет цветов к обелиску с красной звездой.

И часто ваш отряд помогает им в этом, выполняя полный комплекс поисковых работ — от подъема останков бойцов до установки мемориальных плит, розыска родственников. Помимо этого отряд «Донской» готовит к открытию краеведческий музей в Константиновске.

Не буду говорить о поисковом объединении «Миус-фронт» (командир А. Кудряков), там иные масштабы и условия работ. Но другого такого, результативно работающего отряда, как «Донской», на нижнем Дону я не знаю.

К сожалению, в современных школьных учебниках истории практически ничего не говорится о боях на Дону. Поэтому, безусловно, будет интересна книга Вячеслава Градобоева об итогах

деятельности отряда в последние годы. Впрочем, как и все его предыдущие книги...

Низкий Вам поклон за Ваш нелегкий труд, за настоящий патриотизм!

С уважением, Н. Курченко,

автор книги «33-я гвардейская стрелковая дивизия», Волгодонск, 2010 г; участник авторского коллектива энциклопедии «Сталинградская битва»

Слово благодарности

13 декабря 2017 года

С 1943 года мой дед, Потапов Василий Алексеевич, считался без вести пропавшим. Но в 2015 году в жизни нашей семьи произошел удивительный случай...

Более чем через 70 лет бойцы поискового отряда «Донской» им. А. Калинина, при проведении полевых розысков у хутора Новороссошанского Тацинского района, нашли останки 28 солдат, из которых удалось опознать только моего деда — по боевой награде на его гимнастерке.

Бойцы поискового отряда «Донской» по архивным документам восстановили боевой путь сержанта В.А. Потапова, организовали поиск родственников, приняли активное участие в возведении памятника погибшим солдатам на территории хутора Новороссошанского.

О событиях января 1943 года можно найти информацию в книге Вячеслава Градобоева «Горящий снег».

В 2016 году нашей семье посчастливилось лично познакомиться с бойцами поискового отряда «Донской». Это удивительные люди, отдающие часть своей жизни делу возвращения из забвения имен погибших солдат. Благодаря таким людям восстанавливается как история отдельных семей, так и всего народа.

С уважением, Серова Венера Юрьевна,

внучка сержанта В.А. Потапова

Приложение 2.

Строки, идущие от сердца

В.Г. Перекопская

Их с нами нет,
Не будет никогда.
Их всех забрала, поглотила
Всем ненавистная
Кровопролитная война.
Но будут жить они навечно,
До последних наших дней
В благодарной
Памяти народной,
В печальной памяти
Родных, друзей...

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

Старик-ветеран вышел с внуком во двор И начал вести с ним такой разговор: «Когда-то я был, как и ты, молодой, Весёлый, отзывчивый и озорной. В тот день был я в поле с утра, как всегда, – Трудился уже трактористом тогда. Вдруг женские крики услышал: «Война!» – Стой, дед, расскажи, что такое она? - Теперь я уж знаю, что значит «война», -Её я отведал, родимый, сполна. Война – это смерч, это скрежет металла. Земля, как живая, от взрывов стонала! Залп тысяч орудий, вой страшных сирен, Колонны людей, непредвиденный плен. Война – это горе и гибель друзей, Разруха и голод, потеря детей...

И счастье, что живы, что встретились вновь. А раз молодые, то, значит, — любовь!.. Будь проклята, внучек, навеки война! Война — это беды во все времена...

Старик свой короткий закончил рассказ – Для всех нас, живущих, последний наказ!

Вячеслав Градобоев

* * *

Над полем боя плыл туман И лес стоял, как в молоке... Изрыт снарядами курган. Струится пот по голове.

Последний бой, прорыв кольца. Погибших много в окружении. Все будут биться до конца, Умрут героями сражения.

Всех павших из того полка Не впишут в списки награждения. Погибших всех наверняка Здесь захоронит население.

А тех, кто здесь остался жив, Найдут лишь позже поколения В пыли архивной, не забыв Извлечь героев из забвения!

Владимир Скляров

Дмитрий Олейник, учащийся 8 класса Богоявленской СОШ

Час расплаты для немцев настал, Осыпаемых градом снарядов. Кто-то снова на землю упал,

Визг осколков и грохот стоял, Заглушая смертельные стоны. И свинец всё ещё настигал, Отбивать заставляя «поклоны».

А Победа была уже рядом.

Он въедался, горячий свинец, В ненадёжную тел оболочку... Но на этой проклятой войне Ставил воин последнюю точку.

БЕЗ ВЕСТИ ЗАБЫТЫЕ

Хлеб сеять здесь природой не дано, Колосьям не шептаться здесь с травою. Овраг, как беспризорное пятно, Лишь зеленеет сибирьком весною.

Вплетает вездесущая полынь Свой сизый цвет в скупой пейзаж овражий. А с неба льётся нежная теплынь На окоём распахнутый, вальяжный.

С годами развалился обелиск На сером и крутом овражьем склоне. Но скромный холмик вскопанной земли, Быть может, память к прошлому затронет.

Хранит овраг героев имена, А их бы всех озвучить не мешало. Чтоб сохранялась память о сынах, Которых много без вести пропало. Это письмо я написал своему прадеду, **Бабкову Дмитрию Дмитриевичу**, уроженцу станицы Богоявленской, погибшему в 1943 году.

Пишу тебе письмо в далёкий 45-ый... Мы свято память о тебе храним, И, чтобы память передать потомкам, Меня назвали именем твоим.

Ты был когда-то молодым и сильным. Работал в поле, лошадей любил. И все надежды возлагал на сына, Которого с женой в любви растил.

Была мечта иметь семью большую, Но не пришлось ей сбыться никогда. Всё рухнуло однажды на рассвете, И началась Великая война.

Обнял жену, смахнул слезу скупую, Сказал ей только: «Сына береги!» Ушел ты защищать страну родную, Надев шинель, обувши сапоги...

И сберегла в года лишений горьких, Упрятав от фашистских палачей. Работала от зорьки и до зорьки, А дома управлялась при свече.

На похоронку вскрикнула невольно, Прижалась к сыну, подавив печаль. С годами примирилась с вдовьей долей, Лишь долго с грустью всматривалась вдаль...

Надежда Назарова

Так знай же, дед, она тебя ждала До самой смерти в этом веке! И сына вашего на ноги подняла Без мужниной поддержки и опеки.

Жила достойно, радовалась внукам, И правнуков понянчить довелось. А в скорбные последние минуты Прощаться всё семейство собралось.

А сын твой вырос! Стал уже прадедом! Твой род не оборвался на корню... Гордимся завоеванной Победой! Достойно мы продолжим жизнь твою!

РАДИ НАС!

Ты беги, беги, тропинка, Вдоль пролеска — не пыли. Расскажи ты нам, тропинка, Как солдаты в бой здесь шли.

Бились деды под Полтавой, Под Ростовом и Орлом, Бились насмерть, проливая Кровь свою за отчий дом.

За родимую сторонку Шли они, не зная страх... Ради нас отцы и деды Пробивались на Рейхстаг!

И дошли: Берлин, Победа! Радость, слёзы, общий пляс. Ради нас отцы и деды Шли к Победе – ради нас!

помните!

Годы войны, миллионы смертей... Сколько без вести пропавших детей! Помните! Павших отцов, сыновей, Братьев, сестёр и родных матерей! Помните всех, кто с фашисткой ордой Дрался, мечтая вернуться домой. Не ради славы сражались они — Ради свободы родимой страны... Семьдесят лет уже мирно живём И в День Победы мы песни поём. Всюду на улицах пляски и смех... Внуки и правнуки, помните всех!

Елена Натальченко,

г. Константиновск

Ярослав Акименко, курсант военного училища

* :

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ

Продайте мне в убежище билет, Где будет ночь растянута на годы, Когда приказом главных кукловодов Земле отправят ядерный привет.

Позвольте взять берёзовый пенёк, Забрать с собой родителей, сыночков, Засохшие кленовые листочки И камни, чтобы высечь огонёк.

В сердцах заглохнут ненависть и страх, И зависть, и корысть затихнут сразу. Кровавой кнопкой выключится разум, Молитвой отозвавшись на губах.

- Быть может, можно? Нет, не вышел срок.Закройте люк, снаружи воет ветер...Давай сначала сказку... Ту, о светеИ летнем солнце, греющем песок.
- А, правда, было больше двух цветов?Не только «подземельный» и «горелый»?– Не задавай вопросов слишком смелых,Ты юн ещё, и к правде не готов...

Холодный пот и... Слава Богу, — сон! Тянусь, рукой нащупываю кнопку — Ночник моргает... Новостные сводки Читать боюсь. А сердце — бом, бом, бом... В русских сердцах застывали мгновенья, Такты биений слились в один. Отблеском взрывов кроваво-лиловых Высь озаряла громады руин.

Эхом здесь катится ратное слово – Дети Отчизны сражаться идут: Лица их высечены из гранита, К бою готов их последний редут.

Доты глубокие в землю зарылись, Драться готовы за пяди земли. Кровью и потом становятся души, Кровью и пеплом покрыты виски.

В крепости этой – людские «ворота»: Их не открыть и на смертном одре! С неба летят и пылают листовки. Голод повсюду... Вот – ад на земле!

Надолбы ставят, парят эшелоны, Не замолкает пальба с баррикад... Мы не сдадимся! Враг будет разгромлен! Мы устоим! За спиной — Сталинград!

Где-то кричащий от страха ребёнок, Тычется грудью средь матерей, Ищет глазами и сердцем, с мольбою, Но не найти ему больше своей...

Но, воспылав, Сталинград отзовётся Огненным смерчем на слёзы детей... Знамя Победы пусть радостно вьётся — За всех погибших, за мир, за людей!

01.2019 г.

Приложение 3.

Вячеслав Градобоев

Подземный город, или как начинался мой путь в поисковики

Моё поисковое увлечение началось с первого дня приезда в город Калининград в конце 60-х годов. Дом, в котором я жил, располагался недалеко от старого замка бывшего восточного прусского города мастеров, в будущем ставшем цитаделью Германского вермахта, — Кёнигсберга. В 1945 году, при штурме советскими войсками, город-крепость охраняли 15 фортов — небольших, но достаточно укреплённых малых крепостей, со своими коммуникациями и внешними оборонительными рубежами, дотами, дзотами, врытыми в землю танками и орудиями разных калибров. Кроме этого, пулемётными точками и фаустниками (имеющими на вооружении фаустпатроны). И все эти огневые рубежи чаще были связаны путями сообщения, в том числе подземными.

Известно, что подземные катакомбы германского вермахта имелись на территории старой Пруссии, сегодняшней Калининградской области России. Я думаю, что и сегодня существует часть подземных тоннелей, до границ современной Польши и Германии. Среди них есть выходы к Балтийскому морю, в леса Прибалтики и в других местах, как в самих городах, так и в ряде небольших населённых пунктах Калининградской области.

Что сегодня могут хранить эти подземные города? Конечно, некоторую часть «сокровищ», т.е. награбленное ценное имущество — музейные экспонаты, предметы частных коллекций, вывезенных с территории России и других оккупированных стран, а также законсервированные или затопленные лаборатории, цеха фабрик и заводов.

В 70-е годы, заинтересованный в изучении подземных сообщений на территории города Калининграда, я беседовал с не-

сколькими участниками сражений при штурме Кёнигсберга. Ктото упоминал о подземных заводах, которых не видел, но слышал шум из вентиляционных шахт, расположенных в полях и лесах Прибалтики. Другие рассказывали о штурме зданий, где в подвалах прятались фашисты, и как внезапно из подвальных помещений поднималась морская вода: немец затапливал подземные города. Другие говорили, что город Кёнигсберг расположен в трёх, а может и больше уровнях подземных городов и заводов. Первый уровень — административный, второй — секретные лаборатории и склады, третий — фабрики и заводы. Возможно, это и так. Ведь до сих пор подземный город остаётся затоплен.

Думаю, что не зря долгое время среди солдат-освободителей ходили байки, что на территории Прибалтики, в частности, Пруссии, существуют многоэтажные лабиринты. Какую-то часть из них пришлось увидеть и советским солдатам, какие-то остались и сегодня, неизвестные местным жителям или затопленные морской водой, под современными постройками городов: городскими парками и скверами, дорогами и тротуарами. Поэтому и сегодня о секретах германского Абвера ещё многое неизвестно.

В 50-70-е годы, когда в советских городах, на территории бывшей Пруссии восстанавливались жилые кварталы, строились дома, разбивались парки и скверы, любопытные подростки изучали местный колорит — оставленные в наследство развалины, катакомбы (подземные ходы) и бункеры. После подобных «экскурсий» часть подростков не вернулись домой, став жертвами фашистских «сюрпризов»: подорвались на минах, утонули или были засыпаны и придавлены в подземельях, проваливались в таинственные пути подземных сообщений и терялись в них.

Когда уже большая часть г. Калининграда, бывшего Кёнигсберга, была застроена, наша дворовая команда, как и все подростки того времени, «изучала» старые и вновь открывающиеся подземелья на месте сносимых ветхих домов и при прокладке трасс городских коммуникаций.

Что характерно, часть лабиринтов уходили под построенные дома, проходили под новыми дорогами города — уводили в таинственную, порой опасную неизвестность. Такие затаённые уголки

старого прусского города скрывали тайны, манящие неизвестностью и вместе с тем пугающие последствиями, по мере продвижения в лабиринтах. Лабиринты и тоннели отваживались изучать далеко не все подростки.

Чаще, поддерживая друг друга, группами шли по тоннелям и лабиринтам подземного города, освещая путь карманными фонариками или огнём горящей пакли, намотанной на палку и пропитанной соляркой, взятой из топливных баков тракторов, расположенных на стройках. По мере углубления в тайну подземелья, группа редела, слышались всхлипывания младших и тяжёлое дыхание старших. Нередко поредевшая группа «исследователей» бросала затею и возвращалась, но чаще объект изучался до конца подземки, изучался повторно, а то и в несколько этапов.

Возвращаясь из «подземки», так её называли юные «исследователи», первопроходцы делились находками с более трусливой командой, ожидающей у входа в лабиринты германского вермахта. Изучаемый объект подземного города чаще заканчивался многотонной бетонной или металлической дверью, или осыпью. Иногда приходилось проникать через узкие, полузаваленные верхним слоем грунта промежутки лабиринтов, после чего юный «исследователь» попадал в очередной тоннель, или в ряд следующих помещений, или в очередной лабиринт расходящихся в разные стороны улиц подземного города. Здесь включался разум, и «исследователи», чаще по одному, реже по двое, осознавали реальную опасность. Перспектива заблудиться в данном городе и навечно остаться его жителем не очень привлекала, и мы возвращались обратно с чувством сожаления. Но сожаление не было страхом последствий - скорее, разочарованием о слабой подготовленности к изучению данного лабиринта. Ведь мы не брали с собой ни воды, ни еды, ни верёвок и лопат на случай завала в тоннеле, и тем более, запасных батареек к фонарикам. Фонарик, спички и ножи – вот и весь инструмент юных первопроходцев. Отметки на стенах лабиринтов были путеводителями в обратный путь. В то время ни бродячих собак, ни бомжей в таких лабиринтов не было. Были только бродячие «исследователи» вроде нас.

Изучая подземный город, мы уходили на прогулку, длившуюся 2-4 часа. Иногда пугали рабочих-строителей своим внезапным выходом из лабиринта на какой-нибудь стройке, или жителей старого дома, ведь иногда тоннель выходил в старые жилые здания.

Форт в 1970-е годы, недалеко от нашего дома

Недалеко от форта был найден значок немецкого подводника, пластмассовая немецкая субмарина с надписью «gegen England» (против Англии).

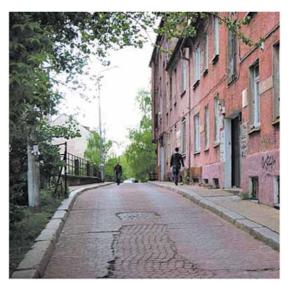

Улица города в 60-70-е годы

Калининград. Кафедральный собор, остров Канта. 1960-70-е годы. По периметру собора мы бегали по стенам вперегонки, не боясь, что кто-то свернёт себе шею.

Это в последние 20 лет Калининград стал городом европейского типа, хотя и сегодня в нём ещё можно найти следы прошлого. А тогда город состоял из обычных пятиэтажных «хрущёвок», нескольких районов (не путать с районами города) из девятиэтажных домов. Дальше от центральной части города, да и в переулках, располагались двух-, трёх- и четырёхэтажные старые дома, кварталы одноэтажных домов с подземными гаражами. У каждого одноэтажного дома была не похожая на другие ограда с каменными столбами и кованными витыми решётками. Около домов стояли резные каменные статуэтки, или на здании была каменная «эмблема», но у каждого дома своя, не похожая на «эмблемы» или статуэтки других домов. Сохранились целые кварталы с мощёнными из аккуратно уложенного, иногда цветного камня, тротуарами и дорогами. Камни на малых улицах и тротуарах были выложены геометрическими фигурами или веером. Нашим строителям уже тогда можно было поучиться у немцев дизайну благоустройства и строительства жилых кварталов и качеству укладки дорог.

Под асфальтом видна ровно уложенная каменка

Тогда из нас никто и не думал о том, какое переживание мы приносим родителям, рассказывая об итогах очередной прогулки по подземному городу и изучения городских развалин. Сколько страха приносили в семью, когда звучал очередной разрыв найденной гранаты или стрекотня патронов, брошенных кем-то в костёр. А грохот разрывающейся опасной находки слышался в городе почти каждый день, а то и несколько раз за день. Ведь таких «исследователей», как мы, на территории прежней прусской цитадели, нашпигованной сюрпризами прошедшей войны, было немало. А рисковых безбашенных подростков, бросающих снаряды, гранаты и мины в костры, тоже хватало. Каждый раз, когда что-то взрывалась, и меня не было дома, мама часами ждала юного «исследователя» в подъезде. А как она, пережившая войну, вздрагивала при каждом взрыве, и смотрела в мою сторону или искала меня во дворе. Сколько было проведено с нами поучительных родительских бесед, сколько пролито материнских слез!

В юном возрасте кажется, что трагическая участь тебя минует. И только потом, когда сам попадаешь в сложную ситуацию,

начинаешь понимать, к чему могли привести прогулки по местам боёв «в поисках приключений». Трагедии в подземном городе: случайный разрыв найденной гранаты, выстрел старого патрона и прочее — навсегда остались в памяти. От взрыва опасных боеприпасов, самодельных «хлопушек» и оружия получили ранения немало моих сверстников.

В те годы у каждого подростка в подвале, в сарае или на чердаке хранился целый арсенал оружия и боеприпасов. Не говоря уже о других находках: немецких значках, наградах, личных вещах солдат и офицеров вермахта, комплектах немецкой формы и амуниции, военных картах, патефонах с немецкими пластинками. Младшие подростки играли в «войнушку», кто с игрушечным оружием, а кто и с ржавым стволом винтовки, карабина или автомата. Во дворах юные поисковики часто хвалились своими находками, арсеналами, коллекциями монет, значков и прочими вещами. Обмен находок был популярен, как среди малышни, так и среди старшеклассников и студентов. Конечно, за оружие и боеприпасы ругали родители и гоняли работники милиции, особенно в районах обнаружении складов боеприпасов и оружия. Но никто и не думал о терроризме, бандитизме и насилии. Пацаны могли пострелять в лесу, в поле, на развалинах, в тоннелях подземного города, иногда в городских парках, но это не носило характер угроз – скорее, хулиганства.

Дома и квартиры украшали другие находки: хрустальная и серебряная посуда, иногда мебель, великолепные произведения искусства: картины, статуэтки, портсигары, холодное оружие, в том числе прежних веков. Ведь прусская земля была буквально напичкана артефактами и прочими находками, найденными в старых домах, подземном городе, на полях сражений. После дождя на размытых тропинках и у развалин можно было найти пригоршню монет, с десяток гильз и патронов, а иногда и что-то более ценное. Например, спичечная коробка из кости, или значок из черного стекла: горн с вымпелом, на вымпеле знак СС, золотое колечко или серебряная цепочка с маленьким крестиком, и т.п.

Копали практически все мальчишки, от дошкольников до старшеклассников. Копали подручными средствами, поиски ве-

лись даже в нескольких метрах от своих многоэтажек. Некоторые девчонки, копаясь на развалинах, приносили домой монеты, серебряные ложки и вилки, посуду. Никто из искателей не возвращался домой с пустыми карманами.

Тогда не ценились найденные серебряные и золотые украшения. С возрастом большая часть находок из золота и серебра сдавалась в ювелирные магазины, остальные находки продавались за копейки коллекционерам. Музеи ничего не принимали, они были завалены артефактами войны. Больше практиковался обмен находками.

Развалины старого замка, как его называли «Замок трёх королей». В этих местах были подземные ходы с мастерскими.

Замок Кёнигсберг когда-то имел максимальную длину 104 м и ширину 66, 8 м. Хотя, думаю, что были прилегающие постройки, по поземных ходам которых мы проводили свои «экскурсии».

В некоторых помещениях подземного города в районе замка находились помещения мастерских прошлых веков. В одной комнате лежали сложенные клинки шпаг, в другой, горкой — эфесы, в третей, очевидно, портняжной мастерской — ржавые иголки, наперстки разных размеров, ножи, ножницы, сохранились лоскуты кожи и клубки кожаных шнурков, далее — кованые изделия. Про-

ходя дальше по помещениям, в комнаты более позднего периода, мы оказавались в мастерской с кучами сапожных гвоздей, подков для обуви немецких солдат. Проникнув через провал в лабиринты старого замка, попали в гончарную мастерскую, с кучами битой глиняной посуды. До войны большая часть посуды, очевидно, была целой, но судя по пробоине от большой бомбы в потолке и грудам кирпича, посуду разбило взрывной волной и битым кирпичом. К сожалению, найти целого сосуда нам не удалось. В другом помещении подземного города весь пол был усыпан битым стеклом, но много разноцветных бутылок с фарфоровыми пробками остались целыми, некоторые даже с содержимым. Много бутылок было разной формы, часть оплавленных, очевидно, от пожара в помещении, о чем свидетельствуют старые толстые, полуистлевшие доски от прежних столов и полок. Несколько разных красивых бутылок мы выбирали себе, проверив целостность пробки, резиновой прокладки и зажима.

Запомнились несколько находок, найденных на развалинах старого Замка: блестящий на солнце латунный значок с латинскими буквами, чуть больше пятикопеечной монеты, — очевидно, герб французского рыцаря; знак с красноватым оттенком (очевидно, сплав с медью): щит, сверху шлем, за щитом — секира и копьё или меч, знак размером с ладонь взрослого человека, и небольшая коллекция почтовых немецких марок.

При планировке (выравнивании) площадки под строительство, были обнаружены два кирпичных колодца с диаметром не менее трёх метров. Удивительно, как в один из них не провалился бульдозер!

Один колодец был заполнен водой, глубина не известна, от края до поверхности воды примерно 20 м. Второй, немного в отдалении, заполнен людскими останками – такое ощущение, что

их утрамбовывали. Кому они принадлежали, неизвестно. На месте этого «братского захоронения» сегодня разбит сквер.

Недалеко от замка, в другом лабиринте, проходящем частично под новой городской дорогой у эстакадного моста, слышен шум проезжающих по дороге грузовых машин.

Входим в очередное помещение. У входа — две стопки хорошо сохранившихся касок немецких солдат. Пол усеян трухой, тленом, россыпью винтовочных патронов, в углу комнаты стоят три карабина с истлевшими прикладами. Интересно, касок — 12, карабина только три.

Порывшись в слое напольного мусора, находим кокарду от офицерской фуражки и несколько эмблем с пилоток, пистолетные патроны.

Останков нет, следовательно, немцы ушли дальше по лабиринту. Идём по следу отступающих, проходим несколько высо-

ких комнат, и путь нам преграждает широкая бетонная дверь (около 4 м в ширину и 3 м в высоту), скорее, многотонные ворота, которые открывались вверх, скользя по металлическим нишам. На стене — поржавевший щиток с рубильником, от которого по стене идет пучок кабелей. Да, здесь нам не пройти. Очевидно, уходя, немец намертво «захлопнул» за собой двери.

Свернули в другой коридор. А вот и ловушка: сразу от входа в очередную комнату — квадратный люк 2 х 2 м. Возможно, он закрывался, или сверху была решетка, но сегодня нет ни решётки, ни люка. Нижнее помещение залито зелёной морской водой. Отчетливо видна железная, уходящая в нижний город, лестница. Жаль, нет акваланга, а рисковать, ныряя с противогазом, как это делали некоторые из наших сверстников, рискованно. Часть из этих «водолазов» уже не сидят с нами за школьными партами. Да и кто знает, что ждёт смельчака под водой: мины, ножи, захлопывающиеся двери или другие фашистские сюрпризы?

О выдвигающихся из стен ножах, захлопывающихся дверях в лабиринтах и о заминированных подземках нам рассказывали старшие подростки-«исследователи» 50-х годов, которые потеряли в таких ловушках своих сверстников. Эти «ветераныисследователи» разыскивали сокровища Замка. Отслужив в армии, «остепенились», работали на заводах и показывали нам, для большей убедительности, свои шрамы от «боевых ран» в результате подобных «исследований».

Возвращаемся назад и тщательно осматриваем все помещения. В группе «исследователей» остались только самые стойкие. Кто выдержит три часа такой подземной прогулки?

Аккуратно, вдоль стенки проходит оставшаяся часть нашей группы, мало кто хочет рисковать, испугала «ловушка». Проходим несколько пустых помещений — ничего.

В одной комнате слышим голоса людей. Что это, галлюцинации? Кто-то из младших, идущих в конце группы, завыл и с причитаниями жмётся к нам. Сбились в кучку, затихли. Нет, это голоса рабочих, наверху стройка или разбирают старое здание.

Находим на стене комнаты металлическую лестницу, проверяем её на прочность — ещё крепкая. Лезу наверх, люк не под-

даётся, поднимается второй «исследователь», пытаемся поднять люк. Получается с третьей попытки, в подземку сыплются мелкие камни, штукатурка, слой пыли засыпает глаза, рот, попадает немыслимым количеством за шиворот. Главное, удержатся на лестнице и не «спланировать» с пятиметровой высоты на бетонный пол.

После некоторой паузы выбираемся наверх, и только теперь понимаем, что вокруг тишина, лишь с улицы доносится шум города. Выбравшись из подземелья, начинам отряхивать одежду, волосы, протираем глаза и оглядываемся по сторонам. В нескольких метрах стоят рабочие, в глубоком молчании и с широко открытыми глазами. Кто-то в изумлении — очевидно, на полуслове открыл рот да так и замер.

Потом на лицах рабочих появляются улыбки, но тирада слов не соответствует выражению добрых улыбчивых лиц. Увидев двоих... неизвестно кого и в чём, поскольку мы были в основательно испачканной одежде, всклокоченные и пыльные волосы походили на седину, а серые от пыли и в саже от факелов лица были «под цвет лица» покойников, первые фразы, вылетевшие у рабочих, были ещё ласковыми по отношению к нам, вылезшим из-под земли...

Мы несколько лет ходили по комнатам этого лабиринта, пока над ним не построили здание. Сегодня над «нашим лабиринтом» высится здание Ростелекома. Возможно, и лабиринт владельцам здания «пришелся ко двору», а может, они о нём ничего и не знают, ведь люк в подземелье закатали под асфальт тротуара.

Идем в следующий тоннель, но это, скорее всего, дорога подземного города. Она вымощена булыжником, ширина проезжей части достаточна для разъезда двух встречных легковых автомобилей. На своде тоннеля, выложенного полукругом из старинного кирпича, идет провод, соединяющий светильники с сохранившимися в них лампами. По кирпичным стенам, с большими промежутками прикреплены светильники в защитных решётках. У края мощёной дороги проходит бетонный канал для сточных вод, выше по уровню — тротуар на два прохожих. На таких улицах не страшна ни бомбёжка, ни артобстрел. Здесь большая влажность, копоть от факелов забивает нос и режет глаза, вентиляции нет. Значит, дальше будут или закрытые ворота, или обвал.

Пройдя несколько десятков метров, видим обрушенный свод тоннеля. Сворачиваем в другой тоннель, проходим несколько метров и впереди — опять обвал, но есть небольшой промежуток между сводом и осыпавшейся землей. Свет фонариков уходит в темноту — очевидно, там есть ещё комнаты, но пролезть с факелом нереально, даже малышу.

Беру фонарик и, раздвигая землю вперемешку с битым кирпичом, протискиваюсь за обвал. Опять неудача — через несколько метров высвечивается ещё один обвал. Объясняю ребятам, что надо идти дальше, но предупреждаю, что пойду один: если завалит проход, придется кому-то бежать за помощью. Разочарование преследует нас сегодня весь день. Пролез ещё два обвала, в последний еле протиснулся. Опять в приделах видимости обвал и уже на весь тоннель, здесь без лопат не пройти, да и риск большой.

В течении часа возвращаюсь назад. Сегодня находок нет, но эта экскурсия запомнится на долгие годы.

Выходим из подземки, а нас «обрадовали», что кто-то уже рванул домой и доложил своим родителям, что нас засыпало. И так бывает. Хорошо, что мама на работе, и сотовых телефонов тогда не было.

Калининградские тоннели

На развалинах немецкой цитадели города-крепости Кёнигсберга часто снимались военные фильмы, где эти развалины использовались в качестве готовой декорации.

Однажды ребята прибежали в школу на предпоследний урок и кинули в класс записку, что вдоль Преголи копали траншею и нашли подвал магазина с немецкими значками. Пришлось пропустить урок, иначе первопроходцами будут другие, а не наша команда.

Прибыли вовремя, набрали по трёхлитровой банке «немецких орлов» и всяких других эмблем. Тут же в подвале нашли останки немецкого солдата, карабин, штык, каску. Видимо, его раздавило стеной здания, под которой теперь лежали ещё не полностью разложившиеся останки. Каску снимать не стали, из обмундирования ничего не взяли, это кощунство. Оружие лежало в стороне, его ребята и забрали.

Вот это место, сегодня его не узнать...

Бетонные стены реки Преголи остались прежними, в некоторых местах, при спаде уровня воды, в стенах канала можно увидеть входы в тоннели, если их не замуровали в 2000-е годы.

Через год в районе наших «исследований», на месте подземок старого замка, начали рыть котлован под строительство здания Советов. В одном из засыпанных тоннелей, куда нам не удалось пролезть, строители обнаружили машину Opel Kapitan (Опель капитан). Судьба машины трагична.

Во время рытья котлована как всегда кто-то из наших ребят был на строительстве. Экскаваторщик, выбирая грунт из разбитых подвалов старого замка, наткнулся на большие бетонные плиты перекрытия. Пытаясь их сдвинуть, несколько раз ломал зубья ковша. А когда в очередной раз смог достичь своей цели, отыгрался на немецкой машине.

Здание Советов, г. Калининград

При снятии одной из плит мы увидели Опель, блестящий в солнечных лучах, только местами его черная гладь была покрыта пузырям поднявшейся от сырости краски, да примятые покрышки колёс выдавали долгое время ожидания своего хозяина. Мы кинулись в машине, но механизатор нас отогнал. Плиты механизатор снял профессионально, не повредив машины. А дальнейших событий мы просто не ожидали.

Opel Kapitan

Не задумываясь и не давая отчета своим действиям, тупоголовый экскаваторщик, не подпуская нас к машине, начал громить её ковшом. Со скрежетом срывал облицовку с машины, рвал кожаный салон, разбивал стекла дверей и методично уничтожал двигатель автомобиля. Когда вандалу удалось сорвать крышу автомобиля, мы увидели его салон. Кожа салоны была покрыта легким белым налетом. Никель отделки кузова блестел на солнце без единого пятнышка окиси, автомобиль был в отличном состоянии.

Вытянув машину, точнее её остов с двигателем на поверхность, мститель несколько раз ударил ковшом по её днищу, и, удовлетворившись в своём вандализме, оттолкнул искореженный Опель в сторону, мол, «нате, забирайте».

Мы осмотрели машину, все медные трубки Опеля, как и дюраль деталей двигателя, имели легкий налёт окислов. Машина, при её обнаружении, вполне подлежала восстановлению и была годна к эксплуатации. Вот уже когда зарождалось безразличие к истории...

На развалинах Замка. 1970-е годы. На снимке внизу виден вход в подземелье

Некоторые упоминания о подземельях Кенигсберга содержит и послевоенная литература. В особенности Станислав Гаранин в своей книге «Три лица Януса» писал о восьмистах шестидесяти двух кварталах города, каждый из которых был связан с другими единой оборонительной системой. Переходы соединяли подвалы домов. Под землей находились электростанции, склады боеприпасов, лазареты.

Бывший начальник отдела подводно-технических работ Михаил Матвеевич Лиф рассказал, что хоть он и знает подземные коммуникации Калининграда не полностью, а только в той части, которая касалась его работ, но может сказать, что в районе бывших дворцов и под фортификационными сооружениями имеются двух- и трехэтажные подземелья. В большинстве своем они затоплены или завалены камнями. Часть из них используется под склады и в нынешнее время.

Значит, эти подземелья все же существуют?

Кроме лабиринтов подземного города и бункеров за городом, мы регулярно выезжали в районы прежних боевых действий. Хотя, по правде сказать, Калиниградская область это и есть большой район боевых действий. Судя по напичканности артифактами, практически лежащими на поверхности по лесам, балкам и полям области, здесь проходили ожесточённые бои. В лесной местности со времён войны всё оставалось нетронутым, под небольшим слоем перегнивших листьев и травы. Лежали заржавевшие ящики с гранатами, с пулемётными лентами, в окопах, в воронках — останки немецких солдат, полуразрушенные блиндажи.

Для поиска в поле лопат мы не брали: уходить приходилось далеко и тащить лишний груз не было смысла. Больше работали штыками, ножами, подручными средствами — железа в лесах хватало, «металлистов» тогда не было.

Оружие мы не искали, его ржавые оскалы торчали даже на транвайных остановках и на городских тропинках: стволы, рукоятки, затворы, пулемётные сошки. Тогда собирали больше немецкие штыки, которые были у каждого мальчишки. Найденные боеприпасы были практически в идеальном состоянии, они тоже сильно нас не интересовали.

Собирали значки, эмблемы, награды, зажигалки, портсигары, клинки — всё, что можно было обменять или составляло коллекцию. Находки в деньгах особо не ценились, обмен давал больше шансов. Если кто-то что-то и продавал коллекционерам, то для покупки коньков, клюшек или футбольных мячей.

В очередной поездке мы нашли останки немецкого солдата. Подняв его каску, мы обнаружили на ремешке вырезанную бритвой надпись: «С нами Бог. Прости меня мама. Это конец!» Бритва лежала рядом.

Очевидно, перед самым боем немецкий солдат написал прощальное письмо, кторое навечно осталось в российской земле.

Кто его звал на нашу землю? Он уже не ответит.

Жаль, что не сохранилась эта каска. Сегодня, с посланием германским потомкам, её стоило бы показать в Бундестаге.

Фото взяты из сайтов интернета, своих, к сожалению не осталось.

Тайны замка трёх королей. http://www.softmixer.com/2012/06/blog-post_1438.html.

Фотоприложение

Эксгумация останков воинов РККА. Ст. Богоявленская, 2013 г.

Ст. Богоявленская, 2013 г.

Александр Павленко, командир ПО «Поиск». Ст. Богоявленская, 2013 г.

Поиск останков воинов РККА, пропавших без вести. Ст. Богоявленская, 2013 г.

Поисковики А. Комисаров, А. Жилибовский и Храмушин Алексей

У х. Вербовского, 2015 г.

Поисковики: Л. Лакуста, А. Ермаков, С. Толочко, Е. Сухоруков, В. Абраменко, М. Дуля, М. Резников, А. Комиссаров. 2015 г.

Поиск у х. Вербовского, 2015 г.

Поисковики: Е. Сухоруков, В. Абраменко, В. Градобоев, М. Дуля, А. Токарев — у бывшего х. Вербовского.

Поисковики Сергей Толочко и Максим Дуля. Ст. Верхнекундрюченская, 2013 г.

Поиск безымянных (неучтенных) захоронений воинов РККА. Владимир Косов ведёт беседу со свидетелем захоронения. Ст. Верхнекундрюченская, Усть-Донецкий район, 2013 г.

Награждение поисковика Евгения Сухорукова. х. Вислый, Семикаракорский район, 2016 г.

Отправка гуманитарной помощи беженцам из Украины. Поисковик Александр Бочков

Поиск неучтенных захоронений. Ст. Николаевская, 2014 г.

Поиск неучтенных захоронений. Поисковики: Василий Вегерин и Константин Ткачёв. Ст. Николаевская, 2014 г.

Открытие памятника павшим воинам 258-й СД. Поисковики: Е. Сухоруков, В. Градобоев, В. Абраменко, С. Комаров, Я. Акименко. х. Новороссошанский, Тацинский район, 2017 г.

Поисковики: Александр Комиссаров, Ярослав Акименко, Дуля Максим. х. Новороссошанский, 2015 г.

Поиск неучтенного захоронения. Поисковики: Максим Дуля и Максим Резников. Ст. Мелиховская, 2014 г.

Открытие Вахты Памяти. Поисковики: С. Толочко, В. Косов, К. Ткачёв, Правее — волонтер Людмила Верба и Наталья Анатольевна, дочь писателя Анатолия Калинина. Ст. Мелиховская, 2016 г.

Открытие памятника погибшим воинам-танкистам в Апаринской средней школе Усть-Донецкого района, 2016 г.

Встреча поисковиков с писателем В. Родионовым. Поисковики: Владимир Косов и Вячеслав Лагутин. Константиновский педколледж, 2015 г.

Поиск неучтённого захоронения. Поисковики: В. Градобоев, А. Бочков, А. Зимовейсков, М. Дуля, Ю. Печеневский. Хутор Большемечётный, Семикаракорский район, 2013 г.

Хутор Новороссошанский, Тацинский район, 2015 г.

Поисковики Сергей Комаров и Евгений Сухоруков. 9 мая 2016 г.

Ст. Богоявленская, 2013 г.

Перезахоронение 163-х останков воинов РККА.
Поисковики: Евгений Качура, Алексей Волошин,
Алексей Маслов (г. Шахты), Александр Павленко
(г. Каменск-Шахтинский), краевед Александр Денисов,
поисковик Вячеслав Градобоев, краевед Елена Стефанова.
Хутор Михайловский, 2011 г.

Хутор Михайловский, 2011 г.

Поисковики: Александр Кошманов, Вячеслав Градобоев, Александр Павленко. г. Константиновск, 2011 г.

Установка поисковиками памятной плиты Герою Советского Союза А.А. Свиридову. Ст. Николаевская, 2014 г.

Краеведы и поисковики Константиновского района, 2016 г.

Установка памятника на Дону. Сергей Комаров, Вячеслав Градобоев, Владимир Щербаченко. 2013 г.

Установка памятника летчику. Поисковик Константин Ткачёв. 2012 г.

Поисковики А. Павленко и А. Маслов, 2012 г.

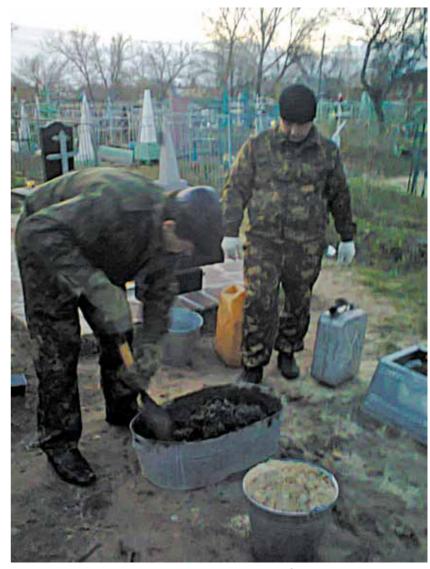
Установка памятника мл. л-ту М.С. Хохлачёву. Поисковики: С. Комаров, В. Градобоев, А. Бочков. 2015 г.

Памятник летчику. Участница событий 1942 года Л.Г. Онуфриенко. 2012 г.

Памятник павшим на донской переправе в июле 1942 года. 2013 г.

Установка памятника хирургу Д.С. Линникову. Поисковики: Василий Вегерин и Андрей Зимовейсков. 2015 г.

Памятник хирургу Д.С. Линникову

Список использованной литературы:

- 1. Из семейного архива Кундрюковых и архивов МО РФ.
- 2. Интервью фронтовика, писателя и почетного гражданина Петербурга Даниила Гранина «Новой газете», 8 мая 2017 г. https://www.novayagazeta.ru
 - 3. Документы из семейного архива А.Л. Титенко
- 4. По документам архива МО РФ и семейного архива Гарматиных.
- 5. https://ru.wikipedia.org/wiki/5-й, гвардейский кавалерийский корпус.
- 6. Форум поисковых движений. http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=64193.160.
 - 7. Схема боев 33-й ГСД на 11 –13. 01.1943 г. (Архив МО РФ).
- 8. Надточаев В. «Неизвестные герои и известный предатель». Журнал «Спецназ», № 1, 2012 г.
 - 9. Помни войну. http://www.kob-crimea.org
- 10. Письма «остарбайтеров» из Книги Памяти Украины. Херсонская область. http://krai.lib.kherson.ua/ru-letters3.htm
- 11. Угон граждан СССР на работу в Германию. https://ru.wikipedia.org/wiki.
- 12. Форум «Поиск-Днепр». http://forum.unm.org.ua/viewtopic.php?f=17&p=11279.
 - 13. Сайт «Военный альбом». http://waralbum.ru/134621/.
- 14. Военное обозрение. https://topwar.ru/76961-houker-harrikeyn.html.
- 15. Бакурева Л. «Слушай, Людмила!» Журнал «Литературный Тамбов».
- 16. Ефимова П. «Фашисты запрещали детям кататься на санках». https://topwar.ru/97877-fashisty-zapreschali-detyam-katatsya-na-sankah.htm.
- 17. Кувшинский Д., начальник Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР, генерал-майор медицинской службы. «Перечень № 28 частей и учреждений медицинской службы Советской Армии, со сроками вхождения их в состав ар-

мии в годы ВОВ 1941-1945 гг. Приложение к директиве Генерального штаба от 28 апреля 1961 г. № 208329».

- 18. 20-я армия. https://ru.wikipedia.org/wiki/20-я_армия_ (СССР).
- 19. 31-я армия. https://ru.wikipedia.org/wiki/31-я_армия_ (СССР).
- 20. Материалы, собранные педагогами и учащимися Богоявленской средней школы.
- 21. Ржевская битва 1941-1943 гг. «История Ржева», Ржев, 2000 г. http://1942.rzev.ru/rshew_history.html.
- 22. Ржевская мясорубка. http://www.karavan.tver.ru/gazeta/12434.
- 23. Гроссман X. Ржевский кошмар глазами немцев. http://fanread.ru/book/7502769.
- 24. ЦАМО, Котельникова Т. Газета «Донские огни» от $24.10.1974 \, \mathrm{r}.$

Материальную поддержку в издании этой книги оказали

- 1. Максима Дулю.
- 2. Косов Владимир.
- 3. Каргин Николай.
- 4. Сергей Паршин.

Сердечная им благодарность!

Благодарю за подбор материалов:

- 1. Елену Донскову (г. Морозовск).
- 2. Максима Дулю (г. Семикаракорск).
- 3. Ларису Валухову (г. Ростов-на-Дону).
- 4. Денисову Елену (г. Константиновск)

Благодарю за оказания помощи в подготовки материалов к публикации:

- 1. Недайводина Владимира (г. Ростов-на-Дону).
- 2. Градобоеву Людмилу (г. Константиновск).

Содержание

Что привело меня в поиск?
Гвардеец Трубников14
Диверсант
Костромины
Бой на опушке леса62
В июле 1942-го
Последний полет81
Ф. Н. Растороцкий, политрук 156-й СД86
Военком90
Январь 1943-го106
Надюшкина мечта125
Западня130
Костин
Николай Андреевич Блохин143
Николай Филиппович Подус
Разведчики
Солдатская судьба156
Дети войны
Красные ботиночки176
Фронтовой кот177
Звездочка180
Сержантский медальон184
Семикаракорский район: поиск и спорт

Приложения	
Отзывы о работе поисковиков	196
Строки, идущие от сердца	200
Подземный город,	
или как начинался мой путь в поисковики	202
Фотоприложение	226
Список использованной литературы:	246
Благодарности	249

Военная история

Градобоев Вячеслав Александрович

Поиск: 1941-1945 гг.

Страницы истории.

Поисковый отряд «Донской» им. Анатолия Калинина.

Редактор — В.А. Тихонов Вёрстка и дизайн — И.М. Сиренко

Сдано в набор 9.01.2018 г. Подписано к печати 9.02.2018 г. Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14. Тираж 150 экз. Заказ № 128.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»: г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55. Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25. E-mail: oooaltair office@mail.ru.